

12

2024

50 ЛЕТ
ЖУРНАЛУ

ISSN 0132-1625

СОЦИОЛОГИЯ

Личность, ученый,
организатор: к 100-летию
С.А. Кугеля

Интерпретативная сущность
социологии (интервью
с Ф. Ферраротти)

Что ждут граждане от
искусственного
интеллекта и чего опасаются?

Осмысление войны в Карабахе

НАУКА
— 1727 —

До и после пандемии: как
проходила адаптация
мигрантов из Средней Азии?

Журнал основан
в июне 1974 года

К 100-ЛЕТИЮ С.А. КУГЕЛЯ

- 3 Личность, ученый, организатор (круглый стол о научном наследии С.А. Кугеля)

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

- 13 ЛЕВАШОВ В.К., ГРЕБНЯК О.В. Экспансия искусственного интеллекта: ожидания и настроения граждан
- 24 КАПОГУЗОВ Е.А., ПАХАЛОВ А.М., ШЕРЕШЕВА М.Ю. Российские дискурсы о технологическом суверенитете (по материалам экспертного опроса)

ИНТЕРВЬЮ

- 38 РОМАНОВСКИЙ Н.В. «Социология обретает немалый успех по мере того, как осознает опыт полного провала» (последнее интервью Франко Ферраротти)

ДЕМОГРАФИЯ. МИГРАЦИЯ

- 44 МУКОМЕЛЬ В.И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда во время и после пандемии
- 60 ЭНДРЮШКО А.А. Образовательные и трудовые мигранты из постсоветских стран: адаптация в российском обществе и установки на интеграцию

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 74 КОЛЕННИКОВА Н.Д. Субъективная стратификация российского общества: динамика и специфика
- 88 ЛАТОВ Ю.В. Между футурошоком и футурозейфорией (восприятие будущего в контексте идеологических предпочтений современных россиян)

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- 102 АТАНЕСЯН А.В., АНИКИН В.А. «Общество травмы»: восприятия, опасения и надежды в армянском обществе после войны в Карабахе
- 115 ВАН ЦЗИНЬХУЭЙ, КУЛЕШОВА Н.С. Космическое пространство – сфера геополитического взаимодействия Китая и России
-

ЮБИЛЕЙ

- 125 Попкову Ю.В. – 70!
126 ПОПКОВ Ю.В. Будущее не только в настоящем, но и в прошлом:
еще раз о предмете этносоциологии

ДИСКУССИЯ. ПОЛЕМИКА

- 138 КАРАЧАРОВСКИЙ В.В. Референтные страны и шоки социетальной
безопасности России

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 150 ТАСС уполномочен узнать (пресс-конференция по материалам
10-летнего социологического мониторинга)
152 НЕКЛЮДОВА Н.П., Пышминцева О.А. О XV Уральском демографическом форуме

IN MEMORIAM

- 154 Памяти Н.Л. Смакотиной

- 155 **ЖУРНАЛЬНЫЙ ГИД**

- 166 **КОРОТКО О КНИГАХ**

- 168 **УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ЗА 2024 год**

- 176 **CONTENTS**

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или в № 1 и № 7 журнала. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода номера.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© 2024 г.

ЛИЧНОСТЬ, УЧЕНЫЙ, ОРГАНИЗАТОР (круглый стол о научном наследии С.А. Кугеля)

Участники: АБЛАЖЕЙ Анатолий Михайлович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия (ablazhey@academ.org); АЩЕУЛОВА Надежда Алексеевна – кандидат социологических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия (asheulova_n@bk.ru); АЛЛАХВЕРДЯН Александр Георгиевич – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник отдела науковедения Института истории естествознания и техники РАН, Москва, Россия (sisnek@list.ru); БОРОНОЕВ Асалхан Ользонович – доктор философских наук, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (pavlovasoc@mail.ru); РАБКИН Яков Миронович – заслуженный профессор истории Монреальского университета, Монреаль, Канада (yakov.rabkin@umontreal.ca); РОДНЫЙ Александр Нимиевич – доктор химических наук, главный научный сотрудник отдела истории биологических и химических наук Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия (anrodny@gmail.com); РОМАНОВИЧ Нелли Александровна – доктор социологических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Воронежский филиал), генеральный директор Института общественного мнения «Квалитас», Воронеж, Россия (nelly@qualitas.ru).

Аннотация. Представлены материалы круглого стола, посвященного 100-летию юбилею известного российского социолога Самуила Ароновича Кугеля (1924–2015) – доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля науки, одного из первых организаторов социологии науки и науковедения в советской и российской социологии. На круглом столе обсуждались ключевые аспекты научного наследия ученого, включая вклад в социологию науки и технологий, изучение профессиональной структуры научных кадров, а также его организационной деятельности, в частности создание социолого-науковедческого центра в Ленинграде. Внимание уделено международным научным связям С.А. Кугеля и его роли в развитии социологического сообщества в СССР и России. Представлены воспоминания о нем, даны характеристики его личности, в том числе подчеркнуто его внимание к увековечиванию памяти о Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Самуил Аронович Кугель • социология науки • молодые инженеры • научные кадры • международное сотрудничество • организация науки • научное наследие

DOI: 10.31857/S0132162524120014

Круглый стол состоялся 30–31 октября 2024 г. в рамках XXXVIII сессии Международной школы социологии науки и техники имени С.А. Кугеля «Инженерная профессия в XXI веке». Организаторы: Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербургское отделение Российской академии наук, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета, 23-й Исследовательский комитет по социологии науки и технологий Международной социологической ассоциации, Исследовательский комитет социологии науки и технологий Российского общества социологов, Санкт-Петербургская ассоциация социологов.

Н.А. Ащеулова. Самуил Аронович Кугель – создатель и основатель социолого-наукоедческого сектора в Ленинградском отделении Института истории естествознания и техники АН СССР. Это был первый в стране сектор, занимавшийся социальными и методологическими проблемами науки и техники. Зарождение отечественной науковедческой школы берет свое начало именно в стенах нашего учреждения. В рамках деятельности этого центра проводились разносторонние исследования. Среди них – изучение эффективности деятельности ученых в различных отраслях, например, в химических лабораториях СССР. Реализованы масштабные всесоюзные социологические проекты, посвященные организации академической науки. Некоторые из этих исследований осуществлялись под эгидой ЮНЕСКО и носили международный характер. Они были направлены на изучение организации научной деятельности и эффективности работы научных коллективов. В 1990-е гг. Центр социолого-наукоедческих исследований, возглавляемый Кугелем, обратился к новым темам, таким как общественное мнение о науке, структура научного потенциала Санкт-Петербурга, социальная защита ученых, реформирование науки, интеллектуальная элита.

Сам Кугель лично руководил небольшой, но хорошо оснащенной по тем временам лабораторией, где проводились эти исследования. Это была настоящая школа для молодых исследователей, где Кугель с готовностью делился своими обширными знаниями и практическим опытом. Стоит отметить популярность и востребованность Школы социологии науки и технологий, через которую прошло большое количество участников за годы ее существования с 1992 г. На старых фотографиях Школы в президиуме мы видим весь цвет руководства Академии наук Санкт-Петербурга, включая нобелевского лауреата Ж.И. Алферова, академика Ю.С. Васильева, а также Хайме Хименеса, который в то время был президентом 23-го Исследовательского комитета социологии науки и технологий Международной социологической ассоциации (МСА). С.А. Кугель сам был членом правления этого комитета. 23-й Исследовательский комитет был создан в 1966 г. на одном из конгрессов МСА, его первым президентом был избран Р. Мертон – известный ученый в сфере социологии науки и технологий. Самуил Аронович поддерживал тесные связи с ним: в своих «Записках социолога» [Кугель, 2005] он рассказывает об их переписке и о том, как Мертон давал разрешение на публикацию его работ на русском языке, в том числе знаменитой статьи об «эффекте Матфея» в науке.

Каждая сессия нашей сегодняшней Школы носит свое название – это идея самого Самуила Ароновича, который тщательно продумывал тематику. Я помню, как мы вели жаркие дискуссии, стараясь ориентироваться на то, что происходит в мировом социологическом сообществе, иногда перенимая что-то, а иногда выбирая действительно актуальные и животрепещущие темы. Сегодня мы продолжаем эту традицию. Кроме того, С.А. Кугель на протяжении многих лет возглавлял секцию социологических проблем науки в рамках конференции «Наука и техника», которая проводится по сей день. Это направление его организаторской деятельности также непосредственно связано со Школой социологии науки и техники.

Большое значение имели и инициированные им издания. Например, сборник «Проблемы деятельности ученых и научных коллективов» начал выходить в 1968 г. Первые выпуски сборника представлены как результат семинаров, проводимых в нашем учреждении. С момента создания Школы ее материалы решили публиковать в этом издании. После 2015 г. изменился его формат, став ежегодным периодическим изданием – журналом. Другим важным изданием, созданным Самуилом Ароновичем, является журнал «Социология науки и технологий» – одно из крупнейших отечественных изданий в области науковедения (входит в Web of Science).

Если обратиться к библиографическим материалам С.А. Кугеля [Самуил Аронович Кугель, 2006], то можно выделить такие фундаментальные работы, как «Молодые инженеры» [Кугель, Никандров, 1971], «Профессиональная мобильность в науке» [Кугель, 1983], которые широко известны и цитируемы не только в отечественной науке, но и за рубежом.

Так, в последней из названных работ введены ключевые термины, касающиеся данной отрасли науковедения – например, маятниковая мобильность.

С.А. Кугель признан классиком отечественной социологии науки [Кавуненко, Велентейчик, 2020]. Подчеркнута значимость его международной деятельности: его работы высоко оценены за рубежом, особенно в ГДР и Соединенных Штатах. Активно сотрудничал с белорусскими коллегами. Являлся лауреатом престижной премии имени академика Ольденбурга (2004), был удостоен Серебряной медали имени Питирима Сорокина (2009), а также награжден золотой медалью Российского общества социологов (2014). Эти награды свидетельствуют о признании его вклада в историю науки и техники.

Самуил Аронович был очень внимателен к датам и юбилеям, связанным с Великой Отечественной войной. Всегда приходил на празднование 9 мая в наградах, с воспоминаниями о том времени, когда он был на фронте, дошел до Берлина. Он регулярно организовывал в Санкт-Петербурге круглые столы памяти, на которые приглашал ветеранов. Материалы круглого стола, посвященного 70-летию Великой Победы, наглядно иллюстрируют эту важную для него работу. Эта деятельность по увековечиванию памяти о Великой Отечественной войне была одним из важнейших дел в жизни Самуила Ароновича. О его причастности к этим событиям и вкладе в победу свидетельствует награда – орден Красной Звезды.

Хотелось бы также обратиться к поздравлению от Б.З. Докторова – друга и коллеги Самуила Ароновича. Борис Зусманович собрал и представил в нашем интернет-пространстве воспоминания о нем, чтобы глубже понять личность и наследие Самуила Ароновича¹.

А.О. Бороноев. Я впервые познакомился с С.А. Кугелем в 1960 г., когда был студентом философского факультета, а он – молодым доцентом. Самуил Аронович всегда приходил на факультет с воодушевлением, в отличном настроении, был очень общителен. Как-то в коридоре философского факультета мы случайно столкнулись, и Самуил Аронович спросил, бывал ли я в Забайкалье. Когда я ответил, что нет, он тут же увлеченно начал рассказывать про Даурию – обширный регион на границе с Монголией и Китаем, эмоционально описывая его сложный климат. С тех пор мы с Самуилом Ароновичем подружились, он часто выступал на наших семинарах и дискуссиях в университете. Это были времена, когда на кафедрах, факультетах и в целом по университету регулярно проводились оживленные научные семинары и обсуждения. Самуил Аронович всегда принимал активное участие в них, затрагивая социально-философские и психологические проблемы науки. Меня, студента, поражала его увлеченность наукой. Он мог запросто остановить кого-то в коридоре, расспросить о его интересах и с горящими глазами рассказать о своих последних исследованиях. Это вдохновляло нас, студентов. Самуил Аронович умел находить общий язык со всеми, был открыт диалогу и дружбе. Наши частые научные дискуссии всегда проходили в очень теплой и конструктивной атмосфере. Наша дружба продолжалась до самой смерти Самуила Ароновича. Это была искренняя и теплая дружба, которая оставила неизгладимый след в моей памяти. Он был действительно выдающейся личностью – и как ученый, и как человек.

Одной из примечательных черт Самуила Ароновича была его увлеченность наукой. Иногда даже вечерами он мне звонил и рассказывал о своих новых исследованиях. Даже если тема была не совсем близка мне, его энтузиазм заставлял слушать с огромным интересом. Он умел вдохновлять и увлекать за собой. Мне кажется, что если бы в нашей науке было больше таких преданных, увлеченных своим делом ученых, она бы развивалась куда эффективнее.

Говоря о его академическом наследии, особо хочу отметить фундаментальную работу С.А. Кугеля «Молодые инженеры», которую мы обсуждали на семинарах в 1970-е гг. Эта работа стала настольной книгой для многих из нас. Ведь до этого социологические исследования в СССР были довольно фрагментарными, без комплексного анализа социальной

¹ См.: <http://sociologists.spb.ru/news/1425-boris-doktorov-qna-100-letie-sakugelya-socziologom-nuzhno-roditsyaq> (дата обращения: 10.10.24).

структуры. Самуил Аронович был одним из первых, кто восполнил этот пробел. Сейчас, к сожалению, часто забывают об этих первопроходцах, отдавая предпочтение более популярным направлениям социологии. Но я считаю, что традиции, заложенные такими учеными, как С.А. Кугель, нужно беречь и приумножать. Ведь без этого фундамента современная социология просто не сможет развиваться полноценно.

В своих работах Кугель, во-первых, начал системное изучение социальной структуры советского общества – и это его ключевая заслуга. Социальная структура является отправной точкой для любого социологического анализа. Кугель предложил рассматривать социальные классы советского общества как многослойные, динамично развивающиеся институты. Он говорил о существовании рабочего класса, но также подчеркивал влияние науки и интеллектуальной деятельности на производственные процессы. Эти идеи были представлены в его кандидатской диссертации, а затем получили развитие в статье [Кугель, Шкаратан, 1965]. Тогда вокруг этой публикации разгорелась серьезная дискуссия, поскольку предложенный Кугелем подход существенно расширял понимание динамики основных классовых групп общества. Кроме того, Кугель ввел понятие «рабочей интеллигенции», размывая жесткие границы между традиционными классами. Как отмечал в одной из своих статей О.И. Шкаратан, Кугель снял жесткое противопоставление основных классов и социальных слоев советского общества. Он показал, что реальные процессы гораздо сложнее, чем упрощенная схема «рабочий класс – интеллигенция». Их изучение требует более глубокого анализа, выходящего за рамки привычных представлений о классовой борьбе и обострении классовых противоречий. На мой взгляд, работы Кугеля открывали новые горизонты для развития отечественной социологии.

Сегодня возникает вопрос: что сейчас означает понятие «интеллигенция»? Кто в современной России может называться интеллигентом? Вспоминаю слова Самуила Ароновича, который часто говорил, что интеллигенция – это в первую очередь творчество и поиск справедливости, активное участие в жизни народа. Он подчеркивал, что интеллигенция должна быть патриотичной, глубоко включенной в жизнь общества. Элита и интеллигенция – не одно и то же. Элита обычно ассоциируется с властью и собственностью, в то время как интеллигенты – это те, кто стремится к духовному и творческому развитию, кто занимается поиском истины и пытается наладить диалог между разными слоями общества. Самуил Аронович считал, что интеллигенция выполняет функцию посредника, объединяя людей, несмотря на их различия. Самуил Аронович выделял так называемую интеллектуальную элиту. Он говорил, что в современном обществе интеллектуалы, которые могли бы объединить гуманитарные и технические знания, становятся редкостью. Я могу вспомнить работы моих коллег из Института социологии в Москве, где анализируются изменения в составе российской интеллигенции и утрата прежних ценностей. Возникает вопрос: а что же это значит для нас? Возможно, наше общество перестает нуждаться в интеллигенции в прежнем понимании. Снижается ли интеллектуальный уровень, деградирует ли он? Самуил Аронович ставил именно этот вопрос. Он говорил о том, что интеллектуальная деятельность ученых и других представителей науки должна быть направлена на развитие общества. Но сейчас представление об интеллигенции изменилось, к ней все чаще начинают относить представителей элиты, среднего класса, тех, кто добился материального благополучия.

Самуил Аронович сделал многое, чтобы развить нашу интеллектуальную среду, и его труды заслуживают фундаментального изучения. Считаю, что необходимо заново оценить его наследие и включить его работы в современные программы подготовки специалистов. Он активно поддерживал развитие социологического образования и всегда охотно консультировал, делился знаниями. И сегодня мы понимаем, что его школа – одна из немногих, которые действительно сохранились в нашей науке, в отличие от тех, которые существовали недолго или только формально. Это настоящая школа научной интеллигенции, которая сумела пережить трудные времена. И хотелось бы, чтобы она продолжала развиваться и передавать его идеи и ценности новым поколениям.

А.Г. Аллахвердян. Среди значимых научных достижений Самуила Ароновича можно выделить разработку и реализацию комплексного подхода к анализу структуры и динамики научных кадров. Значимость этого подхода сложно переоценить. Диапазон научных интересов С.А. Кугеля был широким и разносторонним. Об этом свидетельствует, в частности, комплексный анализ основных направлений исследований Кугеля, проведенный украинскими коллегами [Кавуненко, Велентейчик, 2020: 158]. Начиная с 1960-х гг., среди научных направлений работы Кугеля стала выделяться и даже доминировать проблематика научных кадров. Здесь важно разграничить две категории кадров науки: собственно научные работники, или исследователи, и научно-вспомогательный персонал. Научные работники, согласно определению С.А. Кугеля и П.Б. Шелища, – это «профессионально подготовленные работники, занимающие определенное место в системе общественного разделения научного труда, непосредственно участвующие в производстве научных знаний и подготовке научных результатов для практического использования» [Энциклопедический..., 1995: 260]. К числу значимых научных достижений Кугеля можно отнести разработку и реализацию в советский период комплексного подхода к анализу структуры и динамики научных кадров. Сам он среди своих основных научных достижений выделил анализ структуры кадров науки СССР и стран СЭВ и анализ структуры и динамики научных кадров Ленинграда [Кугель, 2005: 140]. Их значимость объяснялась тем, что «рациональная структура кадров является важнейшим условием повышения эффективности науки» [Научные кадры СССР..., 1991: 5]. Данная проблематика нашла отражение в многочисленных работах С.А. Кугеля, его учеников и коллег. Особо следует выделить две коллективные научные монографии [Научно-техническая..., 1973; Научные кадры СССР..., 1991]. Суть подхода Кугеля к анализу структуры научных кадров состояла в ее трактовке как *полиструктурного* образования, состоящего не из одного, а из множества частных кадровых структур, выделенных по различным основаниям.

Отмечу, что изучение структуры научных кадров началось еще в 1920-х гг. Разработанный тогда план научно-технических работ ориентировал ученых на концентрацию усилий для решения важнейших научно-хозяйственных работ. Отсюда вытекала необходимость приведения структуры научных кадров в соответствие с потребностями развития нашего общества. При этом изучалась не только численность научных кадров, но и их структура по возрасту, полу, социальному положению, партийности и др. Итогом явилась книга «Научные кадры и научно-исследовательские учреждения СССР» (1930), подготовленная Госпланом СССР; в редактировании ее принимал участие академик О.Ю. Шмидт, много занимавшийся проблемой научных кадров [Кугель, Сидорова, 1973: 6]. Опираясь на ранее проведенные исследования структуры научных кадров в работах советских исследователей, включая работы школы С.А. Кугеля, мы составили обобщенный перечень частных структур, ставших продуктивным методическим инструментом исследования социологических проблем советского общества. Что касается динамики кадрового состава советской науки в работах С.А. Кугеля в период с 1950 г. до распада СССР, то это отдельная, весьма емкая тема, требующая специального социолого-наукоеведческого осмысления. В заключение мне хотелось бы подчеркнуть, что встреча с С.А. Кугелем в Ленинграде в конце 1980-х и знакомство с его работами по научным кадрам круто развернули меня от изучения социально-психологической тематики «малых научных групп» к социологической проблематике научных кадров, и это направление я продолжаю и в настоящее время, наряду с другой науковедческой проблематикой.

А.М. Аблажей. В своей статье [Кугель, 1999] Самуил Аронович вспоминал, как формировалась социология науки в качестве отдельного направления. Если многие исследователи тех лет были нацелены на общетеоретические проблемы, то он и его коллеги с самого начала сосредоточились на крупных эмпирических исследованиях, используя математические методы для обработки данных.

К началу 1990-х гг., которые часто называют временем «шоковой терапии» для науки, школа Кугеля уже имела значительный опыт масштабных социологических исследований,

проведенных с 1960-х по 1980-е гг. В начале 1970-х гг. был реализован проект, посвященный изучению кадрового потенциала химической науки. В первой половине 1970-х гг. другой крупный проект исследовал академические учреждения Ленинграда, с акцентом на профессиональную мобильность и карьерный рост академических ученых [Кугель, 1983]. Кугель подчеркивал, что в 1980-е гг. основными объектами изучения стали научные кадры, а не работники военно-промышленного комплекса или производственные кадры. Несмотря на трудности 1990-х гг., связанные с проблемами финансирования науки, ленинградские коллеги быстро включились в исследования научного потенциала и социальной защиты. Уже в 1992 г. был осуществлен первый крупный проект, направленный на изучение научного потенциала и социальной защищенности научных работников. Исследование было междисциплинарным, включало социологические, экономические и правовые аспекты и охватывало ученых из академических, отраслевых научных учреждений, вузов и заводских лабораторий. Результаты были высоко оценены Министерством науки за вклад в формирование научной политики. Вскоре состоялось еще одно крупное исследование, направленное на социальные аспекты научной эмиграции. В фокусе оказалась научная элита – наиболее востребованная за рубежом и на рынке интеллектуального труда группа ученых. Кугель и его коллеги разработали концептуальные основы для анализа миграционных процессов и выявили различия между постоянной и так называемой маятниковой международной миграцией. По результатам этого исследования подготовлена коллективная монография в двух частях [Кугель, 1994].

Следует упомянуть и уникальный проект лонгитюдного исследования ученых естественнонаучного и гуманитарного профилей, который проводился в 1974 г. и в середине 1990-х гг. В его рамках ставилась цель проследить изменения в условиях труда и профессиональной мобильности ученых. Основные вопросы, заданные участникам в 1974 г., спустя 20 лет оставались актуальными. Удалось найти 274 человека, участвовавших в первом исследовании, чтобы задать им те же вопросы, дополненные новыми – о миграции, адаптации к новым условиям и других трудностях. Некоторые оценки, касающиеся характера и содержания научной деятельности, остались стабильными. Это, например, профессиональные интересы исследователей, их соответствие выполняемой работе, а также восприятие новизны выбранных тем. В то же время оценки условий научной работы претерпели значительные изменения. Если в 1974 г. такие факторы, как уровень зарплаты и возможность создания новых научных подразделений, характеризовались позитивно, то к 1990-м гг. эти оценки стали значительно хуже. Зато изменилась к лучшему возможность карьерного роста. Ленинградские социологи науки выявили ключевые направления и механизмы воспроизводства научной элиты, определили структуру и направления миграции научных кадров, а также оценили институциональные изменения в российской науке.

В 2007 г. проведено пилотное исследование отношений между фундаментальной наукой и малым инновационным бизнесом в области биомедицинских наук. Изучались такие темы, как реструктуризация исследовательской тематики, восприятие научной политики членами сообщества, мотивация и ценностные ориентации студентов и молодых ученых. Аналогичные исследования велись и в Новосибирском академгородке – они касались взаимодействия науки с малым бизнесом, а также привлечения студентов в науку. Многие из этих исследований финансировались научными фондами, что было особенно важно в 1990-е гг. Именно в этот период Самуил Аронович был чрезвычайно продуктивен. Это связано, с одной стороны, с временем социальных изменений, когда изучение науки и ее динамики становится особенно актуальным, а с другой – с необходимостью мобилизовать ресурсы для работы на результат. Научные фонды сыграли важную роль. В 1993 г., например, Российский фонд фундаментальных исследований поддержал проект изучения интеллектуальной элиты Санкт-Петербурга, в рамках которого разрабатывались методы оценки научных коммуникаций и библиометрических показателей. Эти исследования были

направлены на поддержание научной активности и укрепление связи между фундаментальной наукой и обществом в условиях переходного периода.

Итак, ленинградская (или Санкт-Петербургская) школа в те годы разработала методику библиографического исследования творчества ученых, методы для выявления научной элиты и оценки вклада ученых в мировую науку. Следующий проект, на мой взгляд, был одним из наиболее значимых. Он имел не только межрегиональный, но и международный характер. Речь идет о проекте «Трансформация академической науки в условиях переходного общества», который поддержали РФФИ и INTAS. В его рамках было проведено сравнительное исследование трех академических центров России – Новосибирска, Санкт-Петербурга и Хабаровска – с дополнительными данными по науке бывшей ГДР. Это позволило увидеть, как разные научные системы адаптируются к радикально новым социально-экономическим условиям. В 2000 г. РГНФ поддержал проект «Адаптация российских ученых к изменяющимся социально-экономическим условиям». Были значимые проекты при поддержке Миннауки, такие как проект 1995 г., посвященный воспроизводству научной элиты, и исследование институциональных изменений в российской науке в 1996 г. Интерес министерства к исследованиям, начавшимся в 1992 г., показал их востребованность и обусловил поддержку новых крупных проектов. Особо отмечу проект изучения научных школ и воспроизводства научной элиты, поддержанный Фондом северных стран в конце 1990-х гг. С.А. Кугель продемонстрировал не только исследовательский талант, но и уникальные организаторские способности. Он активно включился в привлечение средств через гранты, понимая важность изучения науки в период кардинальных социальных перемен. Это позволило их исследованиям приобрести масштабный межрегиональный и международный характер.

Мне хочется сравнить Самуила Ароновича с Алексеем Аркадьевичем Гордиенко (Институт философии и права Сибирского отделения РАН). Это были романтики от науки, а в то же время – рационалисты, которые осознавали, что их исследования должны иметь практическое применение. Самуил Аронович, как мне кажется, был твердо уверен, что результаты его исследований станут основой эффективной научной политики. Он рассматривал изучение института науки не просто как самоцель, но и как инструмент для улучшения общества. Это, на мой взгляд, и есть его великая заслуга и проявление многогранного таланта. Отмечу, что эти результаты были бы невозможны без поддержки коллег. Социология, как известно, – прежде всего коллективное дело. Школа Кугеля, наработки которой востребованы и сегодня, живет и развивается.

Я.М. Рабкин. Мои воспоминания о Самуиле Ароновиче связаны с аспирантурой: моя первая публикация появилась в сборнике трудов, подготовленных под его руководством. Слушая выступления коллег, я осознал, насколько эти контакты оказались плодотворными в моей карьере. В 1973 г. я эмигрировал и начал работать в Монреальском университете, преподавая наукометрию и вводные курсы по социологии науки. Моя первая публикация касалась мобильности научных кадров в Америке, что стало результатом влияния общения с Самуилом Ароновичем и другими коллегами. Я пересекался с Самуилом Ароновичем в Европе, еще до моего возвращения в Россию, включая встречи в Будапеште, где он рассказывал о своих военных годах, об освобождении города, в котором он участвовал. Его рассказы сочетали в себе человеческую теплоту и профессиональный интерес, что оставило глубокий след в моей памяти. Особенно важно отметить: мы часто не осознаем, кто влияет на нас, пока не пройдет много лет. Сегодня я понимаю, что влияние Самуила Ароновича на меня было значительным. Я бы не назвал его научным руководителем, но его вклад был не менее важен. Наши встречи с социологами науки из Ленинграда, Москвы и Новосибирска происходили регулярно и это укрепляло международные связи. В то время отношение к советской социологии на Западе было положительным, что было нетривиально для общественных наук. Я хотел бы надеяться, что те связи, которые сейчас пытаются разрушить, сохранятся.

А.Н. Родный. Яков Миронович упомянул теплоту – это действительно ключевое слово. Самуил Аронович излучал необыкновенную доброжелательность, с ним всегда было интересно. Его главное достижение было не только научным, но и организационным: он был одним из немногих, кто умел создавать научное сообщество из людей самых разных дисциплин и характеров, не ограничиваясь только социологами. Это делало его школы живыми, разнообразными и продуктивными. Если бы он строил сообщество только из социологов, оно было бы функциональным, но с ограниченным сроком жизни. Однако он создал целый социум, который жил своей многогранной жизнью. Он уделял внимание не только дисциплинарной структуре, но и вопросам междисциплинарности и профессиональной мобильности. Мне кажется, что сегодня химики, физики, биологи и другие ученые становятся частью единого пространства, где границы между дисциплинами стираются. Я хотел бы спросить Надежду Алексеевну: была ли у Самуила Ароновича проблема или научная задача, которую он не успел решить?

Н.А. Ащеулова. У Самуила Ароновича всегда было много идей, и он старался передать ученикам не только знания, но и мотивацию к исследованиям. Он вдохновлял на размышления, говоря: «об этом стоит подумать» или «хорошо бы написать о таком». Его интересовали вопросы, связанные с исследованием феномена нобелевских лауреатов. Идеи сравнительных социолого-наукоеведческих исследований разных регионов России были для него особенно важны. Конечно, не все реализовано при его жизни, но это уже задача для его учеников, последователей.

Н.А. Романович. Мы обсуждаем научное наследие Самуила Ароновича Кугеля, но несправедливо на мероприятии, посвященном его памяти, не упомянуть подробнее о том, каким он был защитником Родины, а не только науки. Когда я прочитала его «Записки социолога», увидела моменты его биографии, которые меня поразили. Оказывается, в 20 лет он уже был ветераном войны. В 17 лет, будучи школьником, сбежал в танковое училище. С юмором он писал, что его «карьера танкиста» закончилась быстро: начальство просто убрало его оттуда как малолетнего. Когда ему исполнилось 18 лет, он добровольно пошел в Красную Армию. После короткого обучения пришел на распределение, и начальник спросил: «Куда тебя направить?» Этот вопрос, который солдатам обычно не задают, был задан, поскольку начальник видел в нем совсем еще мальчика. И Кугель ответил по-мальчишески амбициозно: «Туда, где наступают!» Ему пришлось «смотреть смерти в глаза», когда он добирался до своей дивизии, во время форсирования Днепра. По пути встретил офицера, который сказал ему идти «по ниточке» – держась за телеграфный провод через минное поле под обстрелом. Он удивлялся, что остался жив, ведь снаряды рвались со всех сторон. Когда он снова встретил этого офицера, тот сказал: «Таков закон войны: если тебе не суждено погибнуть, то останешься жив». Тогда он понял, что на войне существуют свои законы, которым нужно следовать, чтобы выжить. Один из его выводов был таков: «Полковников убивают реже». И когда начинался обстрел, он старался держаться поближе к командованию, интуитивно понимая эти правила. Однажды, когда рядом взорвался грузовик с боеприпасами, он был тяжело контужен, но отказался от госпитализации. Это тоже был его закон, подтверждающий поговорку «смелость города берет». И, как он писал, вдвоем с другим разведчиком, также совсем молодым, они освободили от фашистов одну деревню. Мальчишки, которым и 20 лет не было, решили напугать врага, изобразив, что наступает целый отряд: перебегали с места на место, создавая впечатление крупной группы. За это он получил свой первый орден Красного Знамени. Смелость, с которой он шагал навстречу смерти, раскрывает его как человека. Он никогда не рассказывал о военных подвигах, но его подход к жизни, к науке, был таким же. Чтобы добиться открытий, нужно смело идти вперед, задумав рискованные идеи, а затем воплотив их в жизнь. Самуил Аронович Кугель был не только настоящим ученым, он был настоящим Защитником Родины и настоящим человеком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кавуненко Л.Ф., Велентейчик Т.Н. Предопределенность и неожиданность. Научно-исследовательские очерки о лидерах цитирования историков науки и техники: монография / Нац. акад. наук Украины, Ин-т исследований науч.-техн. потенциала и истории науки им. Г.М. Доброва. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020.
- Кугель С.А. Записки социолога. СПб.: Нестор-История, СПбИИ РАН, 2005.
- Кугель С.А. Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга / Под ред. С.А. Кугеля. Кн. 1 и 2. СПб., 1994. Ч. 2. Кн. 1 и 2.
- Кугель С.А. Профессиональная мобильность в науке. М.: Мысль, 1983.
- Кугель С.А. Социологические исследования науки в Ленинграде–Санкт-Петербурге в 1960–1990-е гг. // Научное знание. 1999. № 4. С. 167–183.
- Кугель С.А., Никандров О.М. Молодые инженеры: Социологические проблемы инженерной деятельности. М., 1971.
- Кугель С.А., Шкаратан О.И. Некоторые методологические проблемы изучения социальной структуры общества // Философские науки. 1965. № 1. С. 55–64.
- Научно-техническая революция и изменение структуры научных кадров СССР / Под ред. Д.М. Гвишиани, С.Р. Микулинского, С.А. Кугеля. М.: Наука, 1973.
- Научные кадры СССР: динамика и структура / Под ред. В.Ж. Келле, С.А. Кугеля. М.: Мысль, 1991.
- Самуил Аронович Кугель / Сост. К.С. Ерохина, Н.А. Ащеулова; авт. вступ. ст. Ю.С. Васильев, Вл.Ж. Келле. СПб.: Нестор-История, 2006. (Материалы к биобиблиографии историков науки и техники; вып. 4.)
- Энциклопедический словарь по социологии. М.: ИСПИ РАН, 1995. С. 260–262.

Подготовили Н.А. АЩЕУЛОВА, А.А. ФЕДОРОВА

Статья поступила: 14.11.24. Принята к публикации: 12.12.24.

АЩЕУЛОВА Надежда Алексеевна – кандидат социологических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (СПбФ ИИЕТ РАН) (asheulova_n@bk.ru). ФЕДОРОВА Анна Александровна – кандидат социологических наук, ученый секретарь СПбФ ИИЕТ РАН (an-f@list.ru). Обе – Санкт-Петербург, Россия.

PERSONALITY, SCIENTIST, ORGANIZER
(round table on the scholarly heritage of S.A. Kugel)

Participants: Anatolij M. ABLAZHEY, Cand. Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk, Russia (ablazhey@academ.org); Nadezhda A. ASHEULOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Director, Saint-St. Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute of the History of Natural Sciences and Technology of the RAS, Saint-Petersburg, Russia (asheulova_n@bk.ru); Aleksandr G. ALLAKHVERDYAN, Cand. Sci. (Psychol.), Leading Researcher, Department of Science S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of RAS, Moscow, Russia (sisnek@list.ru); Asalhan O. BORONOEV, Dr. Sci. (Philos.), Honorary Prof., St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (pavlovasoc@mail.ru); Jakov M. RABKIN, Emeritus Prof. of History, University of Montreal, Montreal, Canada (jakov.rabkin@umontreal.ca); Aleksandr N. RODNY, Dr. Sci. (Chemist.), Chief Researcher, Department of History of Biological and Chemical Sciences, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of RAS, Москва, Russia (anrodny@gmail.com); Nelli A. ROMANOVICH, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Russian Academy of National Economy and Public Administration (Voronezh Branch), General Director Public Opinion Institute «Qualitas», Voronezh, Russia (nelly@qualitas.ru).

Abstract. The materials of the round table dedicated to the 100th anniversary of the famous Russian sociologist Samuel Aronovich Kugel are presented. S.A. Kugel (1924, Minsk – 2015, St. Petersburg) – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist, one of the first organizers of the sociology of science and science studies in Soviet and Russian sociology. The round table was held on October 30–31, 2024 at the St. Petersburg branch of the S.I. Vavilov Institute of the History of Natural Sciences and Technology of the Russian Academy of Sciences, it was attended by colleagues, friends, and students of S.A. Kugel. The key aspects of the scientist's scholarly heritage were discussed, including his contribution to the sociology of science and technology, the study of the professional structure of scientific personnel, as well as his organizational activities, in particular the creation of a sociological and scientific center in Leningrad. Attention was paid to S.A. Kugel's international academic relations and his role in the development of the sociological community in the USSR and Russia. The memoirs are presented, the characteristics of his personality are given, including his attention to perpetuating the memory of the Great Patriotic War.

Keywords: Samuil A. Kugel, sociology of science and technology, young engineers, scientific personnel, international cooperation, organization of science, scientific heritage.

REFERENCES

- Encyclopedia of Sociology. (1995) Moscow: ISPR RAS: 260–262. (In Russ.)
- Gvishiani D.M., Mikulinsky S.R., Kugel S.A. (eds) (1973) *Scientific and Technological Revolution and Changes in the Structure of Scientific Personnel in the USSR*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Kavunenko L.F., Valenteichik T.N. (2020) *Predetermination and Surprise: Scientometric Essays on Citation Leaders Among Historians of Science and Technology*. National Academy of Sciences of Ukraine, H.M. Dobrov Institute for Scientific and Technological Potential and Science History Studies. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)
- Kelle V.J., Kugel S.A. (eds) (1991) *Scientific personnel of the USSR: dynamics and structure*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Kugel S.A. (1983) *Professional Mobility in Science*. Moscow: Mysl'. (Sociology and Life). (In Russ.)
- Kugel S.A. (1999) Sociological Research on Science in Leningrad–St. Petersburg in the 1960s–1990s. *Naukovedenie* [Science Studies]. No. 4: 167–183. (In Russ.)
- Kugel S.A. (2005) *Notes of a Sociologist*. St. Petersburg. St. Petersburg: Nestor-History, St. Petersburg Institute of History, RAS. (In Russ.)
- Kugel S.A. (2006) *Samuil Aronovich Kugel* (K.S. Erokhina, N.A. Ashcheulova, Eds.; foreword by Yu.S. Vasiliev, VI. Zh. Kelle). St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (Materials for a bio-bibliography of historians of science and technology; Iss. 4). (In Russ.)
- Kugel S.A. (ed.) (1994) *The Intellectual Elite of St. Petersburg*, Part 2, Book 1, 2. St. Petersburg. (In Russ.)
- Kugel S.A., Nikandrov O.M. (1971) *Young Engineers: Sociological Problems of Engineering Activity*. Moscow. (In Russ.)
- Kugel S.A., Shkaratan O.I. (1965) Some Methodological Problems of Studying the Social Structure of Society. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. No. 1: 55–64. (In Russ.)

Prepared by N.A. ASHEULOVA, A.A. FEDOROVA

Nadezhda A. ASHEULOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Director, the St. Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute of the History of Natural Sciences and Technology of the Russian Academy of Sciences (asheulova_n@bk.ru). Anna A. FEDOROVA, Cand. Sci. (Sociol.), Scientific Secretary at the same Branch (an-f@list.ru). Both – Russia, St. Petersburg.

Received: 14.11.24. Accepted: 12.12.24

Социальные реалии: вызовы времени

© 2024 г.

В.К. ЛЕВАШОВ, О.В. ГРЕБНЯК

ЭКСПАНСИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОЖИДАНИЯ И НАСТРОЕНИЯ ГРАЖДАН

ЛЕВАШОВ Виктор Константинович – доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований (ИСПИ) ФНИСЦ РАН (levachov@mail.ru); ГРЕБНЯК Оксана Валерьевна – научный сотрудник того же Центра (oksananov@yandex.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. На основании данных ежегодного мониторинга постоянных и актуальных социально-политических индикаторов ИСПИ ФНИСЦ РАН, а также данных других исследований в сфере генеративного искусственного интеллекта, авторы прослеживают социальные настроения, связанные с массовым внедрением и использованием искусственного интеллекта и нейросетей. Интерес к искусственному интеллекту и к нейросетям в обществе не снижается, однако смещаются акценты, привлекающие внимание россиян. Широкая доступность и обширные возможности применения таких технологий первоначально породили опасения о вытеснении «живой» рабочей силы с рынка труда и массовой замене на искусственный интеллект во всех легко алгоритмизируемых отраслях. Изменения на рынке труда действительно произошли, однако пользовательские эксперименты с нейросетями вывели на первое место новые опасения. Данные, полученные весной 2024 г., показывают, что беспокойство по поводу трудоустройства сменилось опасениями в связи с проникновением цифровой реальности в социальную действительность в формате дезинформации, жульничества, подделок и дипфейков. Изменение информационной повестки не снизило уровень тревожности граждан и требует внимания со стороны исследователей.

Ключевые слова: искусственный интеллект • нейросети • уровень тревожности • рынок труда • дипфейк • социальные настроения • безопасность

DOI: 10.31857/S0132162524120022

Введение. Внимание к очередным этапам развития искусственного интеллекта (ИИ) стало неотъемлемой частью ежедневной новостной ленты не только в разделе hi-tech, но и в разделах основных событий страны и мира. На повестке дня как актуальные новости технического характера, так и научные исследования, посвященные новым достижениям в области технологий искусственного интеллекта, к их измеренным и потенциальным последствиям. Степень внимания в научной литературе к проблематике искусственного интеллекта можно обозначить как высокую, но неоднородную. Относительно недавний старт технологий ИИ открыл широкое поле внедрения в различных сферах жизни

общества: медицине, образовании, филологии, издательском деле, социологических исследованиях и далее до бесконечности. Российские ученые крутят современные ИИ-технологии как кубик Рубика: так, философы инициируют рассмотрение развития и последствий внедрения искусственного интеллекта в антропологическом контексте, с опорой на природу человека и учетом антропотехнического основания происходящих в обществе трансформаций [Дубровский, 2022]. Политологов интересует влияние цифровой среды на формирование мировоззрения [Володенков и др., 2023]. Теоретики социологии предлагают взгляд на социальные процессы рубежа XX–XXI веков с точки зрения концепции виртуализации [Иванов, 2000] и т.д. Особый интерес представляют исследования взаимопроникновения разнородных элементов из разных сфер жизни в процессе становления гибридной реальности [Василенко, Мещерякова, 2023].

В определенной смысле мир оказался в плену нового глобального информационного противоречия. С одной стороны, общество переживает период фетишизации информации, как модного товара, производимого на основе современных технологий, циркулирующего по особым латентным, не совсем понятным для массового потребителя законам. С другой стороны, во всем мире наблюдается кризис доверия к информации, особенно к ее массовым формам, распространяемым в СМИ и социальных сетях. Этот кризис доверия, который, на наш взгляд, и является главным вызовом государственному и социальному управлению, проявляется в том, что все большее число людей на планете напрямую связывают ухудшение качества и уровня своей жизни с усиливающейся манипуляцией информацией со стороны СМИ, социальных сетей, правительств и международных организаций. Очевидно, что в этом противоречии, которое подготовлено научно-техническим прогрессом, должно оставаться как можно меньше «белых пятен» непонимания и незнания.

В рамках данной статьи авторы ставят перед собой задачу на основе анализа социологической информации оценить изменения социальных настроений и ожиданий, связанных с массовым внедрением практик, основанных на технологиях искусственного интеллекта, в краткосрочном периоде. Общество проживает этап интенсивной трансформации производства, что неизбежно сказывается на состоянии рынка труда: меняется количество рабочих мест, исчезает и появляется потребность в тех или иных навыках, компетенциях и профессиях. Эти перемены логично вызывают беспокойство граждан, и не только экономического характера. Помимо материального фактора, трудовая занятость значима и с точки зрения самореализации личности, социальной перспективы и карьеры.

О проведенном исследовании. Эмпирическую основу анализа составили данные 54-го этапа всероссийского социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» [Левашов и др., 2024b], ежегодно проводимого Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (руководитель – В.К. Левашов). Полевой этап проведен в период с 23 марта по 8 апреля 2024 г. в 22 регионах страны¹ ($N = 1700$). Использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. В сравнительных целях в тексте фигурируют также данные 53-го этапа мониторинга «Как живешь, Россия?», проведенного в июне 2023 г. в тех же регионах ($N = 1700$) [Левашов и др., 2023].

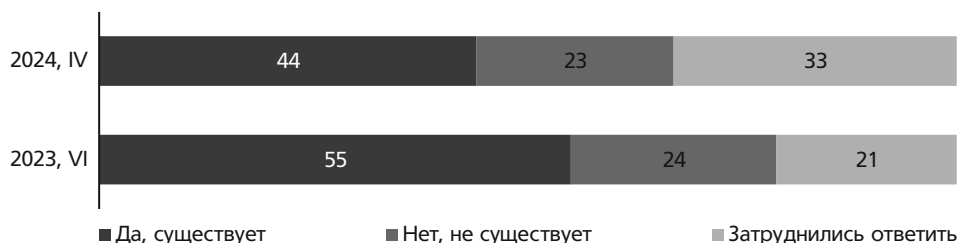
¹ Регионы исследования: ЦФО (Владимирская область, Воронежская область, Московская область, Тульская область, Ярославская область, Москва), СЗФО (Архангельская область, Новгородская область, Санкт-Петербург), ЮФО (Республика Крым, Ростовская область), СКФО (Ставропольский край), ПФО (Республика Татарстан, Нижегородская область, Саратовская область), УрФО (Свердловская область, Челябинская область), СФО (Красноярский край, Иркутская область, Новосибирская область, Омская область), ДФО (Хабаровский край).

Дополнительно использованы данные опросов крупнейших исследовательских центров (ВЦИОМ, РОМИР, НИУ ВШЭ), а также анализ высказываний и отчетов экспертов из сферы разработки и внедрения искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект и рынок труда. Сегодня рынок труда под влиянием массового внедрения предприятиями технологий искусственного интеллекта меняется иначе, чем это виделось несколько лет назад. Прогнозировалось в первую очередь облегчение тяжелого монотонного низкоквалифицированного труда, что, как ожидалось, освободит время для реализации творческого потенциала человека. Подобные ожидания и прогнозы характерны и для предыдущих этапов осмысления социальных последствий технологического прогресса. Так, в середине XX века экономист Дж.М. Кейнс писал: «Сейчас сама скорость происходящих изменений становится болезненной и ставит перед нами трудные проблемы... Нас одолевает болезнь, о которой отдельные читатели, возможно, еще не слышали, но которую в ближайшие годы будут много обсуждать, – технологическая безработица. Она возникает потому, что скорость, с которой мы открываем трудосберегающие технологии, превосходит нашу способность находить новое применение высвобожденному труду»².

Как показало время, технологический прогресс пока не приблизил человечество к 15-часовой рабочей неделе, предвиденной также Дж.М. Кейнсом. Более того, на наших глазах современные технологические инновации ИИ все больше претендуют на внедрение не только в IT-сфере, индустриальном производстве, агропромышленном комплексе, военно-технической или бытовой сфере. В творческой деятельности, науке, литературе, поэзии пользователю ИИ уже стало возможным переложение стихов на музыку, художественное изображение образов по заданным параметрам, составление научных и литературных текстов. Результаты порой непредсказуемы и напрямую зависят от качества составляемых пользователями промптов – задач и алгоритмов для генеративных нейросетей. Граждане достаточно чутко реагируют на реалии IT-инноваций, что сказывается на динамике опасений по поводу личных трудовых перспектив. В то же время сама обучаемость искусственных интеллектуальных систем и инвестиционная активность глобальных корпораций, зачастую скупо освещаемая в публичной сфере, способствуют росту уровня неопределенных представлений граждан о социальных последствиях внедрения нейросетей и ИИ в целом.

Согласно данным мониторинга (рис. 1), число респондентов, опасющихся за состояние рынка труда в связи с распространением ИИ, за год сократилось на 20% (с 55 до 44%), но продолжает преобладать. При этом доля граждан, не испытывающих подобных опасений, не увеличилась. Таким образом, нельзя сказать, что часть «опасавшихся» в 2023 г. кардинально изменила свою точку зрения за последующий год, скорее, они

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Существует ли опасность, что нейросети и ИИ в будущем сократят рынок труда в России?», в % от числа опрошенных

² Keynes J.M. Economic Possibilities for our Grandchildren // Essays in Persuasion. N.Y.: W.W. Norton & Co, 1963. P. 358–373. (цит. по: [Кейнс, 2009: 63]).

перешли в разряд сомневающихся: количество затруднившихся ответить в 2024 г. выросло до 33%.

Чаще других в 2024 г. опасаются влияния искусственного интеллекта на рынок труда более образованные россияне, вероятно, сталкиваясь с примерами его использования в ходе обучения и работы. Среди обладателей высшего и неоконченного высшего (не менее трех курсов) образования опасения высказали 50,5% (не опасаются 26,4%, затруднились 23,1%), среди выпускников техникумов/колледжей опасаются 44,1% (не опасаются 23%, затруднились 32,9%).

Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта³, доля работников, имеющих навыки использования технологий искусственного интеллекта, к 2030 г. должна достичь не менее 80%, тогда как в 2022 г. их доля составляла лишь 5%. По данным онлайн-кампуса НИУ ВШЭ на сентябрь 2024 г., каждый третий россиянин (32%), работающий вне сферы IT, задумывается о необходимости развития IT-компетенций для повышения рабочей эффективности. Самым востребованным направлением обучения среди участников этого опроса оказалась работа с запросами для нейросетей (промпт-инжиниринг) – об этом сообщили 37% респондентов⁴.

Меняются технологии, соответственно, меняются и требования к соискателям, mnoжатся вакансии, требующие навыков работы с нейросетями (вне IT-индустрии) [Левашов и др., 2024а: 216]. В 2025 г., согласно прогнозам, число таких вакансий может вырасти на 25%⁵. Во многих случаях это не абстрактные требования «на перспективу», а потребность, вызванная производственными процессами. Так, один из лидеров российского книжного рынка, издательство «Эксмо» использует нейросети Midjourney для создания иллюстраций, а ChatGPT для создания сопроводительных и продвигающих текстов. Технологией ИИ пользуются в магазинах сети «X5» для планирования складских запасов; банки переходят на ИИ при формировании предложений финансовых услуг и принятии решений по кредитам; «Билайн» сообщает, что использует ИИ при определении локации для расположения новых салонов, а «Ростелеком» – для предиктивной аналитики аварий. Все эти задачи требуют наличия сотрудников соответствующей квалификации.

Россияне в большинстве своем достаточно редко обращаются к нейросетям и прочим технологиям ИИ, в 2024 г. в своей основной деятельности возможностями искусственного интеллекта пользуется примерно один россиянин из шести (15% населения страны). Из них 9% используют его возможности для работы, а 6% – для учебы. Подавляющее большинство (57%) респондентов осведомлены о нейросетях, но не пользуются ими; 17% используют на досуге. Не знают, что это такое – 18%. Среди тех, кто использует ИИ для учебных целей, 1,8% отметили, что не знают, что это такое.

Как и в случае с опасениями в отношении рынка труда, вопрос о практическом использовании нейросетей и ИИ показывает ограниченность их массового распространения и прямую зависимость знакомства с ними и, соответственно, рефлексии на их счет, от уровня компетенций респондентов. Так, опрошенные россияне с высшим и неоконченным высшим образованием значительно чаще остальных используют ИИ для выполнения рабочих обязанностей (16,1%), следующими идут выпускники техникумов/колледжей – 7,3%, больше всего среди использующих ИИ в работе предпринимателей и инженерно-технических работников. Используют нейросети для учебы в основном респонденты со средним образованием (12,7%), вероятнее всего, это студенты первых трех курсов;

³ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 07.11.2024).

⁴ Опрос: кому нужны IT-навыки не для смены профессии и сколько готовы платить за такие курсы. Skillbox Media. 11.09.2024. URL: <https://skillbox.ru/media/education/opros-komu-nuzhny-itnavyki-ne-dlya-smeny-professii-i-skolko-gotovy-platit-za-takie-kursy/> (дата обращения: 07.11.2024).

⁵ Количество вакансий с требованием владения ИИ в 2025 году может вырасти на 25%. ТАСС. 28.09.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21983427> (дата обращения: 01.10.2024).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Существует ли опасность, что ИИ и нейросети в будущем сократят рынок труда в России?» в соответствии с практическим использованием соответствующих технологий, 2024 г., в %

Существует ли опасность, что ИИ и нейросети в будущем сократят рынок труда в России?	Используете ли вы ИИ и нейросети в повседневной жизни и работе?				
	использую для выполнения обязанностей по работе	использую в учебе	использую в досуге	не использую ИИ и нейросети	не знаю, что это такое
Да, существует	63,5	52,6	57,1	46,0	14,4
Нет, не существует	23,5	33,3	25,0	26,6	8,1
Затрудняюсь ответить	13,0	14,1	17,9	27,4	77,5
Итого	100	100	100	100	100

на втором месте респонденты с высшим и неоконченным высшим (9,1%). Даже в сфере досуга среди пользователей нейросетей преобладают респонденты с высшим и неоконченным высшим образованием – 22,2% (на втором месте респонденты со средним образованием – 18,6%, на третьем – со средним специальным – 16,9%). Полученные результаты объяснимы с точки зрения внедрения ИИ в первую очередь на высокотехнологичных предприятиях, сотрудники которых изначально открыты к новинкам профессиональной среды. Также их можно интерпретировать с точки зрения базовых компетенций, необходимых для работы с нейросетями. Так, постановка задачи требует от пользователя понимания алгоритмов и их логического смысла, способности к самостоятельным выводам из найденных ИИ закономерностей, что подразумевает набор навыков выше среднего.

Как показывает практика, на сегодняшний день рядовой россиянин не всегда представляет себе существующие способы использования нейросетей и прочих технологий ИИ. Наиболее популярными в повседневности остаются нейросети по работе с текстом (генерация, рерайт, краткое изложение, анализ закономерностей в базах данных) и изображениями (генерация, анимация изображений, склейка в видео, спецэффекты), в творческой среде экспериментируют с генерацией музыки и нейро-озвучкой песен.

Утверждая, что они не используют и не сталкиваются в повседневной жизни с нейросетями, респонденты зачастую невольно заблуждаются. Соответствующие технологии используются в работе распространенных голосовых помощников типа Алисы и Маруси, в формировании ленты новостей в VK и результатов поиска в «Яндексе», при идентификации персоналий на фото в социальных сетях. Подобная идентификация применяется и в более крупных масштабах, например, в Москве существует биометрическая система уличного наблюдения, основанная на технологии FindFace: система распознает лица и сравнивает их с базами данных правоохранительных органов. Внесенные в медицинские карты заключения по рентгеновским снимкам могут оказаться результатом работы ИИ, которым пользуются медицинские организации системы ОМС в Москве и ряде подключившихся регионов. Нейронные сети лежат в основе работы роботов-курьеров Почты России, курсирующих в Москве, Ленинградской области и в Татарстане. Повсеместно распространяются чат-боты и голосовые помощники вместо колл-центров. Если мимо жителей регионов и прошла часть новинок, реализованных в столице (напомним, в 2020 г. в разгар COVID-19 был принят закон, превращающий Москву в своеобразную

«песочницу» для испытаний проектов искусственного интеллекта⁶), то встроенные в поисковые системы и социальные сети технологии они вряд ли пропустили.

Большая осведомленность и навыки практического использования в работе, учебе или развлечениях приводят респондентов и к большим опасениям в отношении искусственного интеллекта (табл. 1).

Среди тех, кто использует ИИ для выполнения рабочих обязанностей, 63,5% опасаются влияния искусственного интеллекта на рынок труда. Среди использующих ИИ для учебы опасаются того же 52,6%, для досуга – 57,1%. Респонденты, выбравшие вариант ответа «не знаю, что это такое», преимущественно затруднились ответить на вопрос об опасениях по поводу рынка труда (77,5%). Среди тех, кто не использует нейросети и другие технологии ИИ, относительно большинство (46%) разделяет опасения по поводу рынка труда.

Глобальные ожидания и тревоги. Отметив ранее более высокий уровень опасений, связанных с ИИ, у россиян, обладающих практическими навыками и знаниями в сфере ИИ, необходимо обратить внимание на куда более пессимистичные в глобальном масштабе ожидания и тревоги компетентных в данном вопросе экспертов и специалистов. Так, Илон Маск, как и Джеффри Хинтон (Нобелевская премия по физике в 2024 г.), оценивает вероятность уничтожения человечества ИИ в 10–20%⁷. Очередное предостережение в формате открытого письма опубликовали летом 2024 г. сотрудники ведущих компаний-разработчиков ИИ (преимущественно OpenAI): «Мы понимаем серьезные риски, которые несут в себе эти технологии. Эти риски варьируются от дальнейшего укоренения существующего неравенства, манипуляции и дезинформации до потери контроля над автономными системами ИИ, что может привести к вымиранию человечества»⁸. Результаты конкретных научных аналитических и эмпирических измерений рисков и вероятности гибели цивилизации от ИИ в открытых академических публикациях не встречаются. Сегодня регулярные опасения медийных лиц содержательно не уходят дальше высказанных десять лет назад предупреждений Стивена Хокинга о том, что недооценка угроз ИИ может стать величайшей ошибкой человечества. Дефицит научной информации о негативных социальных эффектах искусственного интеллекта и сенсационные спекулятивные публикации вероятности ИИ-апокалипсиса в широкой печати формируют у рядовых граждан фобию о бесконтрольном развитии ИИ.

Более 60% россиян считают, что ИИ следует использовать только в отдельных конкретных сферах⁹. Рассуждая о глобальных сценариях в долгосрочной перспективе развития ИИ, больше трети опрошенных в ходе совместного исследования РОМИР и НИУ ВШЭ россиян обеспокоены перспективой выхода ИИ из-под контроля (34,4%), а также возможной передачей ему контроля над вооружением и принятием решений по его использованию (35,9%) и угрозой самого существования человечества (32,8%)¹⁰.

Таким образом, конвергенция традиционной и цифровой реальности воодушевляла, пока речь шла об оптимизации документооборота, комфорте бесконтактных

⁶ Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве» и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45475> (дата обращения: 07.11.2024).

⁷ Маск оценил риск гибели человечества из-за ИИ в 10–20%. Коммерсантъ. 01.04.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6609530> (дата обращения: 01.10.2024).

⁸ В оригинале: “We also understand the serious risks posed by these technologies. These risks range from the further entrenchment of existing inequalities, to manipulation and misinformation, to the loss of control of autonomous AI systems potentially resulting in human extinction”. URL: <https://righttowarn.ai> (accessed 01.10.2024).

⁹ Этика искусственного интеллекта. ВЦИОМ. 03.09.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/etika-iskusstvennogo-intellekta-2> (дата обращения: 01.10.2024).

¹⁰ Отчет «Информационные технологии в восприятии россиян – 2024». НИУ ВШЭ, РОМИР. URL: https://disk.yandex.ru/d/Nghpwt8f-qb_jQ (дата обращения: 01.10.2024).

коммуникаций, гаджетах для умного дома. Однако технологии ИИ адаптируются под любые пользовательские запросы, в том числе криминальные. Это привело к росту социальных опасений, вызванных эволюционирующими методами финансового и маркетингового мошенничества. Собеседник в чате соцсетей, телефонном звонке или видеосвязи может оказаться искусно подделанным голосом, а фото и видео – синтетическими медиа, известными как дипфейки. Цифровая ирреальность как намеренное обманное искажение реальности продолжает размывать границы материального и цифрового мира в массовом сознании, общественном мнении и экспертном сообществе. Разумеется, поддельные фото, видео, аудио и документальные фальшивки существовали и ранее, но современные цифровые технологии существенно повышают потенциал их обманной убедительности.

Заколдованный круг представляют собой и проблемы цифрового следа и безопасности данных. Высокий уровень мошенничества приводит к высокой требовательности цифровых порталов к данным для идентификации личности. Растущее число инцидентов с утечкой персональных данных повышает вероятность использования этих идентификационных документов при противоправных действиях, что, в свою очередь, влечет за собой вероятность расширения использования биологических персональных идентификационных маркеров с целью минимизации противоправных действий и повышения уровня информационной безопасности граждан, общества и государства.

Общественные настроения и уровень тревожности. Описанные выше опасения уже получили общее наименование как «ИИ-тревожность», которая может возникнуть как под влиянием конкретных факторов: новые требования работодателя, столкновение с нейросетевым мошенничеством и пр., так и иррационально. Годом ранее авторы уже рассматривали взаимосвязь между ответами на вопрос о наличии опасений за рынок труда и на вопросы об уровне тревожности, уверенности в завтрашнем дне [Левашов, Гребняк, 2023]. Несмотря на сокращение у россиян переживаний из-за влияния ИИ на рынок труда, общая тенденция остается прежней: тревога из-за неопределенности будущего (ответ «страх перед неопределенностью будущего» в многовариантном вопросе о первоочередных поводах для беспокойства в 2024 г. выбрали 21% россиян, в 2023 г. – 25%) связана с опасениями из-за рынка труда (см. табл. 2).

Общий тренд остается неизменным, подчеркивая значимость настроений, связанных с проблемами ИИ, в формировании общего уровня тревожности. Среди респондентов, указавших «страх перед неопределенностью будущего» в качестве одной из проблем, беспокоящих их в первую очередь, около половины (47,9%) опасаются влияния ИИ на занятость. Годом ранее их доля была выше (63,9%). Данные таблиц 1 и 2 позволяют предположить, что разница перешла преимущественно в категорию респондентов, затруднившихся ответить. Увеличение числа затруднившихся в полтора раза само по себе наглядно демонстрирует рост общей неопределенности в настроениях россиян.

Рост общей неопределенности, исчезновение иллюзий и концентрация на новых проблемах информационных технологий несколько изменила отношение граждан

Таблица 2

Распределение ответов респондентов, испытывающих страх перед неопределенностью будущего в связи с развитием ИИ в соответствии с мнениями об опасности ИИ и нейросетей для рынка труда, в % по строке

Какие проблемы беспокоят вас в первую очередь?	Существует ли опасность, что ИИ и нейросети в будущем сократят рынок труда в России?					
	да, существует		нет, не существует		затрудняюсь ответить	
	2023	2024	2023	2024	2023	2024
Страх перед неопределенностью будущего	63,9	47,9	16,3	19,7	19,8	32,4

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Какой образ будущего, оптимистический или пессимистический, возникает у вас после просмотра и прослушивания передач по радио и телевидению, знакомства с информацией в Интернете, общения в социальных сетях и общения с родственниками и друзьями?», в % от числа опрошенных по каждому году

Источники информации	Оптимистический			Пессимистический			Трудно сказать		
	XII 2020,	VI 2023,	IV 2024,	XII 2020,	VI 2023,	IV 2024,	XII 2020,	VI 2023,	IV 2024,
Общение с родственниками и друзьями	57	50	51	19	29	23	24	21	26
Передачи по телевидению	31	37	41	32	35	26	37	28	33
Общение в социальных сетях	26	29	33	19	34	26	55	37	41
Передачи по радио	17	27	30	21	28	23	62	45	47
Информация в интернете	13	22	24	31	45	33	56	33	43
Печатные СМИ	–	20	24	–	29	24	–	51	52
Образ будущего в целом	36	38	45	20	27	20	44	35	35

к цифровой среде. Отмеченные выше ИИ-тревожность и страхи, связанные с информационной сферой, не привели к росту общего недоверия к интернет-источникам. Пессимистические настроения граждан, связанные с интернет-средой, за год смягчились (табл. 3).

Знакомство с информацией в интернете вызывает наименьшее количество оптимистических настроений у граждан (24%). Пессимистические реакции сократились по сравнению с прошлым годом (45% в 2023 г., 33% в 2024 г.), однако общая картина осталась неизменной: информация из интернета чаще всего оставляет у россиян пессимистические настроения в сравнении с прочими источниками информации.

В целом следует отметить общий рост оптимистических настроений при получении информации из любых источников, а также снижение настроений пессимистических. В то же время этап «пика завышенных ожиданий» – согласно терминологии «кривой хайпа» (hype cycle) компании Gartner, используемой для оценки зрелости технологических проектов с точки зрения долгосрочной стратегии, – в отношении генеративного ИИ начал сменяться «пропастью разочарования»¹¹, т.е. периодом избавления от иллюзий. По мере роста количества и масштабов проектов чаще проявляются эффекты второго порядка. Как показывает практика, в том числе российская, столкновение с ними окончательно уводит от иллюзий относительно Deus Ex AI – ИИ как способа решения всех проблем и выводит на передний план общественного и научного дискурса проблемы рисков, безопасности, предупреждения негативных социальных последствий, устойчивого развития общества, государства, бизнеса. Это период разочарований, финансовых потерь, высокой вероятности провала проектов, необходимости калибровки задач, целей и финансовых запросов. Что говорить о небольших проектах в этот период, если

¹¹ Gartner 2024 Hype Cycle for Emerging Technologies Highlights Developer Productivity, Total Experience, AI and Security. Aug. 21, 2024. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2024-08-21-gartner-2024-hype-cycle-for-emerging-technologies-highlights-developer-productivity-total-experience-ai-and-security> (accessed 01.10.2024).

даже OpenAI (разработчик ChatGPT) допускает возможность убытков в 5 млрд долларов по итогам 2024 г.¹²

Картину подтверждают и данные американской исследовательской компании RAND Corporation. Согласно отчету 2024 г., более 80% проектов в сфере ИИ терпят фиаско, что в два раза превышает средний показатель для технологических стартапов в других сферах¹³. К числу причин аналитики относят, помимо прочего, несоответствие ожиданий руководства и реальных возможностей ИИ. Несмотря на неутешительную статистику, объем инвестиций в эту индустрию по всему миру не сокращается. Согласно отчету компании ZeroBounce по развитию индустрии ИИ среди лидирующих в отрасли стран мира, в США в период 2013–2024 гг. было создано более 5,5 тыс. стартапов в этой сфере. Объем частных инвестиций в отрасль в США только за 2023 г. составил 67,22 млрд долларов. Это на порядок больше показателей по Китаю, где в тот же период было создано 1,45 тыс. стартапов в сфере ИИ, а объем частных инвестиций за 2023 г. составил 7,76 млрд долларов. Подобная настойчивость на фоне провала более 80% проектов в данной сфере, говорит о единодушии представителей указанных стран с точкой зрения российского президента, высказанной по поводу ИИ еще в 2017 г.: «Тот, кто станет лидером в этой сфере, будет властелином мира»¹⁴.

Попытки ликвидировать еще одну причину провалов ИИ-проектов, указанную в отчете RAND Corporation, – ограниченность вычислительных ресурсов – могут вызвать новые сложности финансового характера. Оперативный ввод в строй новых дата-центров для хранения и обработки больших массивов информации неизбежно вызовет рост потребления и, как следствие, удорожание электроэнергии. Что касается Америки, с ее объемами проектов в области ИИ, средние расценки на электричество в 2025 г. могут вырасти почти в 10 раз¹⁵. Перечисленное в совокупности способствует росту тревожности и пониманию неоднозначности перспектив уже не только среди рядовых граждан – пользователей технологий, но и в среде разработчиков и представителей госуправления.

Заключение. В прогнозах технологического прорыва трансформация рынка труда выделялась аналитиками одним из ключевых социальных эффектов, специалисты составляли сценарии с перечнями основных hard- и soft-навыков, каталоги устаревающих и новых профессий. Логично, что после такой подготовки массовая популяризация нейросетей привела к ожиданиям трансформаций общественного мнения в первую очередь относительно структуры рынка труда. Однако практика показала, что, несмотря на широкое внедрение нейросетей и других технологий ИИ во многих сферах жизнедеятельности общества и государства, перспектива потери рабочих мест не стала столь актуальна. На первое место у представителей бизнеса и IT-разработчиков вышли опасения по поводу глобальной управляемости, надежности и безопасности технологий ИИ в масштабах цивилизации. У рядовых граждан актуализировались опасения по поводу достоверности получаемой информации, нарушения системных научных представлений о целостности окружающего мира, вызванного особенностями использования генеративного ИИ.

В условиях новых открывшихся публичных тревог и ожиданий, настроений и экспертных оценок представляется важным прогнозировать растущий в перспективе уровень социальной тревожности, вызванной возрастающей зыбкостью и неопределенностью

¹² OpenAI Faces Potential \$5 Billion Losses Amid High Costs. July 25, 2024. URL: <https://www.chatgptguide.ai/2024/07/25/openai-faces-potential-5-billion-losses-amid-high-costs/> (accessed 01.10.2024).

¹³ Ryseff J., De Bruhl B., Newberry S.J. The Root Causes of Failure for Artificial Intelligence Projects and How They Can Succeed: research report. RAND. Aug. 13, 2024. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA2680-1.html (accessed 01.10.2024).

¹⁴ Открытый урок «Россия, устремленная в будущее». Ярославль, 1 сентября 2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55493> (дата обращения: 01.10.2024).

¹⁵ Lee J. AI Is About to Boost Power Bills – Who'll Take Heat for That? The Wall Street Journal. Aug. 12, 2024. URL: <https://www.wsj.com/business/energy-oil/ai-is-about-to-boost-power-bills-who'll-take-heat-for-that-c527f27b> (accessed 01.10.2024).

картины материальной реальности, в которой любой элемент настоящего может оказаться подделкой, а историю становится возможным «переписать» благодаря квазиисторическим артефактам и цифровым мистификациям. Добавим, что разработка цифровых кодексов и иных нормативных регуляторных институтов и механизмов способствует снижению глобальных опасностей ИИ, однако пока не сказывается на динамике бытового мошенничества, использовании технологий и приложений злоумышленниками. По всей вероятности, продолжится рост социального неравенства, основанный на освоении бизнесом и мошенниками современных цифровых технологий и алгоритмов работы генеративного ИИ. Эти знания повысят как значимость человека на рынке труда, так и уровень его безопасности, экономической выживаемости в эпоху дипфейков. Мониторинг социально-политической обстановки и, в частности, оценка социальных настроений граждан в вопросах цифрового развития являются актуальным инструментарием для поиска резервов и принятия эффективных решений в сфере государственного управления, безопасности и социальной политики. Учитывая масштаб и характер информационных вызовов и угроз, вызванных высокой непредсказуемостью эффектов и динамики технологий развития нейросетей и ИИ, представляется своевременным рассмотреть на государственном уровне целесообразность усиления государственной функции защиты информационной безопасности. Функционал такой государственной службы может включать прогноз, развитие, контроль и защиту от актуальных и возможных ИИ-рисков и угроз, разработку мер оптимизации систем управления нейросетями в целях устойчивого развития российского общества и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия // *Философия науки и техники*. 2023. Т. 28. № 1. С. 48–65. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65.
- Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Особенности формирования мировоззрения в условиях современной цифровой среды: анализ академических дискурсов // *Дискурс-Пи*. 2023. Т. 20. № 1. С. 8–26. DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_8.
- Дубровский Д.И. Развитие искусственного интеллекта и глобальный кризис земной цивилизации (к анализу социогуманитарных проблем) // *Философия науки и техники*. 2022. Т. 27. № 2. С. 100–107. DOI: 10.21146/2413-9084-2022-27-2-100-107.
- Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб: Центр «Петербургское востоковедение», 2000.
- Кейнс Д.М. Экономические возможности наших внуков // *Вопросы экономики*. 2009. № 6. С. 60–69.
- Левашов В.К., Березина Н.В., Великая Н.М. [и др.]. Российское общество и государство: основания устойчивости и тенденции изменений: социальная и социально-политическая ситуация. М.: ФНИСЦ РАН, 2024а. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-428-4.2024.
- Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С. [и др.]. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года. М.: ФНИСЦ РАН, 2024б. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024.
- Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С. [и др.] Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 г. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023.
- Левашов В.К., Гребняк О.В. Россияне о вызовах искусственного интеллекта, нейронных сетей и социальном оптимизме // *Социологические исследования*. 2023. № 11. С. 115–120. DOI: 10.31857/S013216250028537-3.

Статья поступила: 15.10.24. Финальная версия: 08.11.24. Статья принята к публикации: 11.12.24.

EXPANSION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: EXPECTATIONS AND ATTITUDES OF CITIZEN

V.K. LEVASHOV*, O.V. GREBNIYAK*

*Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Russia

Victor V. LEVASHOV, Dr. Sci. (Sociol.), Director (levachov@mail.ru); Oksana V. GREBNIYAK, Researcher (oksanonov@yandex.ru). Both – Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 23-18-00438.

Abstract. Interest in artificial intelligence and specifically in neural networks is not declining in society, but there is a noticeable change in the emphasis that attracts the attention of Russians. Mass availability and vast opportunities initially gave rise to fears about the displacement of 'live' labour force from the labour market and mass replacement by artificial intelligence in all easily algorithmised industries. Changes in the labour market have indeed occurred, but these changes, as well as user experimentation with neural networks, have brought new concerns to the forefront. Based on data from the annual monitoring of permanent and current socio-political indicators conducted by the Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, as well as other available generative artificial intelligence research, the authors trace the social sentiment associated with the mass adoption and use of artificial intelligence and neural networks. Data from June 2024 shows that concerns about employment have been replaced by fears about the penetration of digital reality into social reality in the form of misinformation, scams, spoofs and дипфайки. The change in the information agenda has not reduced the level of citizens' anxiety and requires attention from researchers.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, anxiety level, labour market, deepfake, social moods.

REFERENCES

- Dubrovsky D.I. (2022) The Development of Artificial Intelligence and the Global Crisis of Earthly Civilization (to the Analysis of Socio-Humanitarian Problems). *Filosofija nauki i tehniki* [Philosophy of Science and Technology]. Vol. 27. No. 2: 100–107. DOI: 10.21146/2413-9084-2022-27-2-100-107. (In Russ.)
- Ivanov D.V. (2000) *Virtualization of Society*. St. Petersburg, St. Petersburg Oriental Studies Centre. (In Russ.)
- Keynes J.M. (2009) Economic Possibilities for our Grandchildren. *Voprosy Ekonomiki* [Economic issues]. No. 6: 60–69. (In Russ.)
- Levashov V.K., Berezina N.V., Velikaya N.M. [et al.] (2024a) *Russian Society and State: Foundations of Sustainability and Trends of Change. Social and socio-political situation*. Moscow: FCTAS RAS. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-428-4.2024. (In Russ.)
- Levashov V.K., Velikaya N.M., Shushpanova I.S. [et al.] (2024b) *How are you, Russia? Express information. 54th stage of the sociological monitoring, April 2024*. Moscow: FCTAS RAS. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024. (In Russ.)
- Levashov V.K., Grebnyak O.V. (2023) Russian Citizens on the Challenges of Artificial Intelligence, Neural Networks and Social Optimism. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 115–120. DOI: 10.31857/S013216250028537-3. (In Russ.)
- Levashov V.K., Velikaya N.M., Shushpanova I.S. [et al.] (2023) *How are you, Russia? Express information. 53rd stage of the sociological monitoring, June 2023*. Moscow: FCTAS RAS. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023. (In Russ.)
- Vasilenko L.A., Meshcheryakova N.N. (2023) Digital Hybridity: Innovative Reality or Utopia? *Filosofija nauki i tehniki* [Philosophy of Science and Technology]. Vol. 28. No. 1: 48–65. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65. (In Russ.)
- Volodencov S.V., Fedorchenko S.N., Pechenkin N.M. (2023) Peculiarities of Worldview Formation in the Contemporary Digital Environment: The Analysis of Academic Discourses. *Discourse-P*. Vol. 20. No. 1: 8–26. DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_8. (In Russ.)

Received: 15.10.24. Final version: 08.11.24. Accepted: 11.12.24.

Е.А. КАПОГУЗОВ, А.М. ПАХАЛОВ, М.Ю. ШЕРЕШЕВА

РОССИЙСКИЕ ДИСКУРСЫ О ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ (по материалам экспертного опроса)

КАПОГУЗОВ Евгений Алексеевич – доктор экономических наук, доцент, заведующий лабораторией изучения экономик стран БРИКС (egenk@mail.ru); ПАХАЛОВ Александр Михайлович – научный сотрудник лаборатории институционального анализа (pakhalov@gmail.com); ШЕРЕШЕВА Марина Юрьевна – доктор экономических наук, профессор, заведующая лабораторией институционального анализа (m.sheresheva@mail.ru). Все – МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Аннотация. Авторами дана характеристика подходов к социологическому пониманию официально провозглашенного курса на развитие «технологического суверенитета» России. Активизация его обсуждения связана не только с противодействием антироссийским санкциям, но и с глобальным трендом современной миросистемы к усилению полицентризма. Обзор научных публикаций и официальных документов демонстрирует резкий рост интереса в последнее десятилетие к данной проблематике при существенных различиях в ее трактовке. На основе 25 экспертных интервью выделены ключевые нарративы (элементы восприятия) сущности технологического суверенитета и механизмов его обеспечения. В частности, среди отечественных экспертов пользуется низкой популярностью трактовка технологического суверенитета как самодостаточности, преобладает установка на повышение национального контроля над ключевыми технологиями при сохранении международных экономических связей. Отмечено стремление профессионалов при обсуждении технологической независимости России выходить за рамки доминирующего в официальных документах дискурса секьюритизации и переходить на дискурс повышения конкурентных преимуществ и эффективности. Как показывают суждения экспертов о технологическом суверенитете Китая, его опыт чаще всего считают в целом успешнее российского, но использование Россией китайских методов, как их представляют себе эксперты, либо принципиально невозможно, либо пока представляется малореальным. Эксперты выразили также критическое отношение к некоторым применяемым в России инструментам обеспечения технологического суверенитета.

Ключевые слова: технологический суверенитет России • современная мир-система • научно-технологическое развитие • социология инноватики

DOI: 10.31857/S0132162524120037

Технологический суверенитет как (почти) новый объект социальных исследований. В последнее десятилетие (особенно с 2022 г.) обсуждение разных видов суверенитета – независимости государства во внутренних и внешних делах – стало в нашей стране своего рода (около)научной модой. Хотя сам концепт суверенитета пришел из политической сферы [Соловьев, 2024], в России сейчас много говорят и пишут об экономическом, культурном, научно-технологическом, финансовом, духовном и массе иных разновидностей суверенитета [Юревич, 2023]. Как отмечают сами участники обсуждения, несмотря на то что в последние годы проблематике суверенитета сопутствует беспрецедентный всплеск интереса, ее статус в современном обществоведении остается достаточно неопределенным. У данного концепта нет

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 24-28-00711.

Авторы выражают благодарность за помощь в подготовке публикации Е.В. Бузулуковой (МГУ им. М.В. Ломоносова) и Ю.В. Латову (ИС ФНИСЦ РАН).

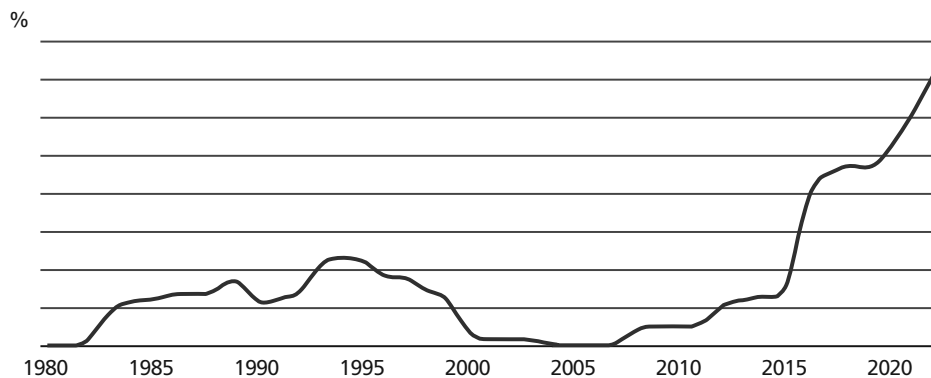
стройной теоретической базы [Афонцев, 2024: 222], его использование – к месту и не к месту – выглядит неоднозначным. Вместе с тем в этих дискуссиях о суверенитете России есть элементы не только адаптации к политической конъюнктуре, но и анализа реальных глубинных изменений современной миросистемы.

В последние десятилетия о необходимости укреплять национальный суверенитет стали открыто говорить как в странах «догоняющего развития», так и во многих высоко-развитых странах (например, Западной Европы). Особенно это обострилось в условиях тотального развития цифровых технологий, делающих возможным тайный контроль производителя этих технологий за их пользователями (вспомним, например, «дело Сноудена» в 2013 г.). Зависимость от зарубежных технологий мобильной связи, искусственного интеллекта и отсутствие в этих сферах собственного технологического потенциала стали рассматриваться практически во всех странах мира «как угроза не только технологическому суверенитету, но и цифровому, экономическому и традиционному государственному суверенитету» [Данилин, Сидорова, 2024: 239].

Обсуждение суверенитета – один из элементов полидисциплинарного дискурса о долгосрочном глобальном переходе от моноцентричной модели современной миросистемы к полицентричной, со многими конкурирующими между собой центрами силы, координирующимися через новые организации типа БРИКС+ [Кирдина-Чэндлер, 2022; Agarwal, Kumar, 2023; Saaida, 2024]. В этой связи обсуждение технологического суверенитета (technological sovereignty) – одного из наиболее многозначных элементов современной суверенизации – становится все более актуальным.

За рубежом обсуждение этой проблематики началось еще в 1970-х гг., сразу после первых проявлений ослабления США как глобального гегемона-регулятора [Юревич, 2023]. Конкретно в России можно проследить две волны (рис. 1) интереса к концепту-термину «технологический суверенитет» (ТС).

Первая волна прошла в 1980–1990-х гг. и являлась, видимо, реакцией на осознание того, что СССР в целом и Россия в частности не только не были передовыми участниками НТР, способными «догнать и перегнать» страны-лидеры, но настолько сильно зависели от импорта высоких технологий, что это ставило под вопрос суверенность страны¹. В 1990–2000-х гг. в постсоветской России стало доминировать мнение, что нам нет смысла создавать оригинальные

Рис. 1. Динамика частот употребления термина «технологический суверенитет» в русскоязычной литературе, по данным Books Ngram Viewer

Источник: <https://books.google.com/ngrams/>

¹ Во время опроса российских экспертов, о чем далее пойдет речь, один из них указал, что «раньше мы импортировали наукоемкость, закупая продукты, содержащие технологии двадцатилетней давности» (А4, д.э.н.).

новые технологии, достаточно пользоваться преимуществами технологической кооперации и международного разделения труда. Как отмечает Е.Б. Ленчук, до 2014 г. России «были доступны иностранные технологии, и мы могли купить практически любые из них как товары в супермаркете. В определенной степени это расхолаживало, а высокие доходы от продажи нефти и газа эффективно наполняли бюджет и позволяли закупать все необходимое за рубежом»². Такое понимание участия – сугубо пассивного – постсоветской России в глобальной НТР подпитывалось и трансляцией западного концепта «ресурсы в обмен на технологии». Более того, те оригинальные высокотехнологические заделы, которые были в СССР, подвергались демонтажу как неприбыльные и потому ненужные³.

Антироссийские санкции 2010–2020-х гг. потребовали качественной переоценки прежних подходов [Early, Cilizoglu, 2020; Panibratov, 2021]. Было осознано, что без активизации национального научно-технологического развития нельзя «компенсировать остроту проблем снижения импортных потоков продукции и необходимости параллельного импорта критически важного оборудования и технологий» [Широкова, 2024: 171]. Усложнение возможностей технологического развития России из-за введения ограничений на поставку новых технологий и высокотехнологичной продукции из «недружественных стран» привело к сдвигам и теоретических дискурсов. Это выразилось, в частности, в переходе от использования терминов-концептов типа «импортозамещение» ко все более широкому обсуждению именно «технологического суверенитета».

Российский антисанкционный опыт существенно оживил и западные дискуссии. Если проследить динамику академических англоязычных статей о ТС, опубликованных в индексируемых в Scopus журналах, то в 2021 г. их было лишь 7, а в 2023 г. – 24, только в первой половине 2024 г. – уже 22⁴. Авторами этого «вала» публикаций являются не только западные, но и российские ученые: среди 78 публикаций за 2020–2024 гг. 31 написана авторами из стран ЕС, 26 – из России, другие регионы мира представлены гораздо слабее (7 статей из США, 6 из Австралии, еще 8 из других стран). Интересно, что нет ни одной научной статьи, совместно написанной авторами из стран Евросоюза и России – двух лидеров по количеству исследований по тематике ТС. Кроме того, авторы из стран ЕС крайне редко цитируют работы российских ученых, а российские авторы мало, хотя и несколько чаще, ссылаются на релевантные европейские публикации. Можно говорить о формировании двух почти изолированных дискурсов исследований технологического суверенитета – западноевропейского и российского. Это объясняется тем, что хотя наука носит международный характер, но изучаемые ею социально-экономические проблемы существенно специфичны для разных групп стран. Если в России обсуждение ТС является в первую очередь элементом общей секьюритизации («закисленности» на проблемах безопасности, защиты от давления «коллективного Запада»), то в Западной Европе вопросы ТС чаще обсуждают в контексте новых условий глобальной экономической конкуренции и борьбы за рынки сбыта.

² Экономика технологической независимости. Интервью с доктором наук Еленой Ленчук // Научная Россия. 6 мая 2024. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/ekonomika-tehnologiceskoj-nezavisimosti-intervyu-s-doktorom-nauk-elenoj-lencuk> (дата обращения: 10.06.2024). Как отметил один из экспертов, «в 2000–2010-е годы мы в основном опирались на приобретенные технологии, причем их разработка оставалась за пределами страны. В автопроме все инжиниринговые центры оставались за рубежом, у нас здесь никакой глубокой НИОКР не была, была [только] сборка с локализацией критичных компонентов» (Б1).

³ В ходе опроса экспертов один из них сформулировал это так: «У нас есть критические отрасли, где мы сильно зависим от импорта: микроэлектроника, приборостроение, ряд других отраслей. То, что сложилась такая импортозависимость, – понятно: за период рыночных трансформаций произошла системная деградация этих отраслей обрабатывающей промышленности. Их развивать было просто нерентабельно, поскольку пока есть высокие цены на нефть, все перетекает туда, где есть возможность получения быстрой прибыли» (А1, д.э.н.).

⁴ Поиск проведен в библиографической базе Scopus в начале августа 2024 г. на основе поискового запроса «tech* sovereignty», предполагающего извлечение источников, где в названии, аннотации или ключевых словах содержится англоязычные версии термина «технологический суверенитет» (technological sovereignty, technology sovereignty, tech sovereignty и т.д.).

Разногласия в понимании технологического суверенитета: официальный дискурс.

Обзор развития дискуссий о ТС показывает, что хотя в обсуждении участвуют в основном экономисты, однако сама эта проблематика связана не столько с ограниченностью ресурсов, сколько с противоречиями социальной жизни и потому носит в первую очередь именно социологический характер. Сама постановка вопроса о необходимости национальной технологической независимости имманентно предполагает конфликт интересов разных наций как крупнейших социальных групп. Различные трактовки этого вопроса (в широком диапазоне от автаркии до сохранения участия в межгосударственной технологической кооперации [Дежина, Ключарев, 2020]) отражают в значительной степени различия мнений разных социальных групп внутри одной нации, заинтересованных в разной степени и в различных формах независимости.

Социологическое изучение проблем ТС (к чему надо стремиться в сфере технологической независимости и при помощи каких методов) носит отчетливо пограничный характер: к ним можно подходить с позиций как политической социологии (с акцентом на миросистемный анализ), так и социологии инноватики. Первый подход обращает внимание в первую очередь на взаимоотношения разных стран-наций, а на уровне отдельных стран – на взаимоотношения власти, генерирующей новые концепты «правил игры», и граждан, по-разному эти концепты воспринимающих. В рамках второго подхода акторы понимаются иначе – это ученые, связанные со сферой НИОКР, инженеры и работники «у станка», способствующие или препятствующие изобретению и внедрению новых технологий, популяризирующие их деятельность сотрудники СМИ и т.д. (см., напр.: [Вольчик, 2021]). В конкретных исследованиях оба эти подхода могут совмещаться (см., напр.: [Латов, Латова, 2018]). Авторами данного исследования, посвященного отражениям проблем ТС в сознании российских профессионалов, тоже будут использоваться оба подхода.

Проблемность темы ТС связана не только с практической трудностью ее реализации применительно к России, но и с широким коридором трактовок данного концепта [Дежина, 2023]. Технологическая независимость страны может означать как полную самообеспеченность всеми новыми технологиями (вплоть до автаркии), так и наоборот, полную обеспеченность исключительно зарубежными технологиями (если зарубежные поставщики настолько диверсифицированы и взаимозаменяемы, что ни один из них не может существенно повлиять на национальное развитие).

В последние годы, в особенности после начала СВО, обеспечение технологического суверенитета России перешло от публичной риторики к стадиям имплементации. Эта задача стала обозначаться как ключевая цель научно-технологического развития, что в явном виде прослеживается и в нормативных документах Российской Федерации.

В официальных документах Российской Федерации можно заметить уклонение от крайних трактовок технологической независимости. Так, в разделе II принятой 23 мая 2023 г. Концепции Научно-технологического развития до 2030 г. (далее – Концепция) дано следующее нормативное определение понятия технологического суверенитета: «технологический суверенитет» – наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий, собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы. В Концепции упоминается, что технологический суверенитет России обеспечивается «в том числе с опорой на устойчивое международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами». Это совпадает с позицией ряда экспертов (напр., [Дементьев, 2023; Гареев, 2023]), подчеркивающих важность взаимодействия с «дружественными странами», к которым в первую очередь относятся страны БРИКС. Нет в Концепции и претензий на вхождение России в число мировых технологических лидеров. Впрочем, «технологическое лидерство»⁵, для которого «техноло-

⁵ О различиях терминов-концептов «технологический суверенитет» и «технологическое лидерство» см.: [Безруков и др., 2024].

гическая независимость» является лишь начальным этапом, обозначено как одна из главных перспективных целей России, согласно Указу от 7 мая 2024 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

В зарубежной научной литературе о ТС тоже стало общим местом подчеркивание необходимости искать «золотую середину» между крайними точками зрения. Например, в обзорной статье немецких экономистов о «технологическом суверенитете как формирующейся структуре инновационной политики» подчеркивается необходимость сбалансированного выбора «между наивной глобалистской позицией, которая в значительной степени игнорирует риски сотрудничества [разных стран], и продвижением почти автаркии, которая игнорирует неизбежные издержки создания национальных избыточных ресурсов и сокращения кооперативных взаимозависимостей» [Edler et al., 2023: 1]. Это показывает, что хотя крайние позиции не пользуются популярностью (но и не исключены полностью из дискурсивного поля), однако выбор «золотой середины» между «наивным глобализмом» и «почти автаркией» остается под вопросом и для зарубежных исследователей.

Для уточнения разброса существующих среди отечественных специалистов мнений и их соотношения с официальными дискурсами исследовательской группой экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова проведено исследование умонастроений по этой проблематике в российской экспертной среде. Изучались различия в понимании представителями российского экспертного сообщества как сущности ТС, так и успешности применения конкретных инструментов (методов) обеспечения ТС в России. Отдельным вопросом было сопоставление в данном аспекте России с КНР, поскольку эта страна многими считается едва ли не образцом успешного самостоятельного технологического развития, на который России надо равняться. Далее будет представлен аналитический обзор глубинных интервью с 25 экспертами, позволяющий выявить в первом приближении ключевые нарративы о современном российском ТС, распространенные в первую очередь среди отечественных профессионалов и предпринимателей⁶.

Разногласия в понимании технологического суверенитета: экспертный дискурс. При выяснении мнений экспертов о том, «что понимается под технологическим суверенитетом?», выявилось расхождение суждений, которое существенно коррелирует с разными позициями в международной дискуссии о сущности ТС. Суждения российских экспертов при этом в целом не выходили за рамки того ожидаемого (как на Западе) диапазона мнений о ТС, где он осмысливается как выбор между «наивной глобалистской позицией» и «продвижением почти автаркии»⁷. При этом, конечно, «наивного глобализма» от современных отечественных экспертов ожидать было трудно.

⁶ Экспертный опрос проводился в апреле – сентябре 2024 г. Всего было проведено 25 интервью с представителями органов государственной власти (1 эксперт), деловых кругов (7 экспертов), академических институтов и иных научных организаций (15 экспертов) и общественности (2 эксперта), компетентных в проблемах обеспечения технологического суверенитета России. Ученые степени имели все академические эксперты, а также один эксперт из бизнеса и один из представителей общественности. Выбор экспертов был нацелен на представленность позиций разных групп заинтересованных сторон. Подбор экспертов осуществлялся методом «снежного кома». Глубинные полуструктурированные интервью проводились face-to-face при личной встрече или в онлайн-режиме. При цитировании выдержек из интервью в статье указывается в целях сохранения анонимности экспертов только их принадлежность к определенной группе экспертов: Г – из государственных органов, Б – из бизнеса, А – из академических кругов, О – представители общественности. Например, обозначение АЗ показывает, что цитируется 3-й проинтервьюированный эксперт из академических кругов.

⁷ Один из российских экспертов практически полностью воспроизвел тезис немецких экономистов о границах обсуждения ТС: «Технологический суверенитет, он же у каждого разный... Там же диапазон достаточно широкий: с одной стороны, полная автаркия, с другой стороны, глубокая интеграция в сеть из 40–50 довольно высокоразвитых экономик, где ты... [находишься] условно с суверенитетом [это] как Евросоюз, [где суверенитет понимается] как диверсификация, [он зависит от того,] насколько у тебя диверсифицированы поставщики ключевых элементов» (АЗ, к.э.н.).

Трактовки ТС, близкие к логике автаркии, звучали в высказываниях российских экспертов не часто, однако однозначно были. В наиболее артикулированной форме это высказывалось так, что ТС – «это обеспечение себя всеми необходимыми технологиями» (А5, к.э.н.). В более мягкой форме такая крайняя трактовка выглядела как «технологический суверенитет – это способность решать внутренние проблемы [России] внутренними силами, собственными ресурсами» (О1, к.э.н.). Был и еще один похожий вариант, тоже ориентированный на технологическую самодостаточность, но с некоторыми исключениями: «Я считаю, что это – независимость в области технологий, то есть мы можем у них покупать какие-то технологии – но не подавляющее большинство – для того, чтобы мы шли вперед. А в основном надо иметь все свое» (А8, д.хим.н.)⁸.

Но из 25 экспертов такое мнение звучало лишь у троих. Гораздо более типичным было, наоборот, отрицание «чучхэйского» подхода к пониманию ТС. Одни эксперты формулировали это кратко, как само собой разумеющееся: «Технологический суверенитет – это не про автаркию...» (Б1); «Не может быть и речи о какой-то полной автаркии и полной независимости, это в принципе невозможно» (А12, к.э.н.). Другие формулировали это мнение более развернуто, со ссылками на опыт других стран: «США и Китай – две страны, которые максимально обеспечили свой технологический суверенитет по большинству технологий. Сто процентов [самообеспечения] – это утопия, потому что даже Китай и США по ряду технологий имеют глубокое сотрудничество с Европой, Японией и другим странами» (Б2); «Даже Иран, который был обложен разными санкциями, все-таки нашел варианты взаимодействия с миром на путях решения критических своих [технологических] проблем» (А6, академик).

В отечественной Концепции научно-технологического развития до 2030 г., как уже говорилось, «золотая середина» была определена через «наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий», определения которых специально даны в этом же документе («критические технологии» – отраслевые технологии, критически необходимые для производства важнейших видов высокотехнологичной продукции и создания высокотехнологичных сервисов...)⁹. Такой подход к определению ТС (когда, грубо говоря, считается необходимым и достаточным контролировать не все технологии, а только самые важные) тоже у экспертов звучал: «...Надо самые ключевые, витальные технологии самим разрабатывать. Где-то надо достичь совершенства, например, в атомной энергетике. Важно и формирование обменного фонда¹⁰, чтобы

⁸ Тяготение к «автаркическому» пониманию ТС, похоже, чаще встречается у специалистов по ТЭК: поскольку эта отрасль с советских времен считается ключевой, то ее технологическое отставание никогда не было существенным, создавая у специалистов этой комплексно развивающейся отрасли иллюзию, что и в других российских отраслях ситуация схожа и тоже нетрудно «в основном иметь все свое».

⁹ В высказываниях современных политиков можно встретить полную редукцию ТС до обладания одними только ключевыми технологиями. Так, губернатор Новосибирской области А. Травников во время дискуссии на форуме «Технопром» подчеркивал: «Технологический суверенитет – это владение определенным набором критических технологий» (Названа роль регионов в формировании технологического суверенитета России // ИА Регнум. 23.08.2022. URL: <https://regnum.ru/news/3677595> (дата обращения: 23.08.2024)). При такой редукции отмечается понятие «сквозных технологий» (связанных, прежде всего, с электронными коммуникациями), которые в Концепции рассматриваются как равнозначные с «критическими технологиями» (правда, один из экспертов в интервью высказался, что в реальности они таковыми не являются).

¹⁰ Идея о необходимости иметь «обменный фонд» для технологического сотрудничества с «дружественными странами» часто встречается в официальном дискурсе – например, у специального представителя Президента РФ по вопросам технологического развития Д.Н. Пескова: «технологический суверенитет – это не изоляция. Это сильная переговорная позиция при выстраивании альянсов с другими странами. У вас либо есть обменный фонд, либо нет» (Дмитрий Песков. «Остров Россия». Спецпредставитель президента о новой цифровой стратегии // РБК. 9 июня 2022. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/09/06/2022/62a0e95b9a79472d8b713207> (дата обращения: 25.09.2024)). Термин не вполне точен, поскольку передача технологий от России другой стране не лишает передающую страну права их использовать. В то же время этот термин подчеркивает, что речь идет о заведомо не самых лучших технологиях, так что их передача не лишает передающую страну технологического первенства.

взаимодействовать, к примеру, со странами БРИКС» (А2, к.э.н.). В этой связи представляется важным замечание одного из наиболее авторитетных экспертов, что поиск баланса между автаркией и развитием международной кооперации должен базироваться на точном понимании, какие именно технологии следует отнести к критическим: «Вопрос в том, можете ли вы обеспечить технологический суверенитет каким-то набором важных для вас критических технологий, что вы считаете критическим и как вы это определяете. Есть один подход: критические технологии – это те, которые не должны уйти из страны (подход США). Другая позиция – это то, что мы можем собрать без участия лидеров современного мира» (А6, академик). К современному правительственному курсу наиболее близким является следующее суждение: «...Есть два аспекта технологического суверенитета. Первое – когда мы можем производить сами, не завися от прав и обладателей технологий за рубежом (производственная независимость). Второй аспект – когда представители недружественных стран не могут вмешаться в работу наших систем (аспект безопасности). Но мы должны понимать, что применительно к программному обеспечению мы не сможем сами обеспечить потребности рынка. И выход только один – стратегическое партнерство БРИКС» (Б4).

Экспертный опрос позволяет предположить, что в последние годы в России проблематика ТС вошла в круг сенситивных тем, о которых рассуждать предпочитают с некоторой «оглядкой». Это проявлялось, например, в том, что привлечение к экспертному опросу «чиновников» оказалось почти невозможным. Но и у других экспертов также наблюдались, вероятно, опасения высказывать несогласие с официальным дискурсом. Это проявлялось в том, что из 25 экспертов пять ушли от ответа на академический, казалось бы, вопрос о сущности ТС, а еще трое высказывались расплывчато и неконкретно. Самые сильные критические высказывания, ставящие под вопрос нацеленность на максимизацию ТС, звучали так: «Суверенитета нельзя достичь; все равно есть области, где нет суверенитета. Тем более сегодня он есть, а завтра появилась новая технология, и его нет» (А2, к.э.н.); «Суверенитет кончается там, где граница, а в IT нет границ» (Г1).

Нередкой позицией при обсуждении ТС было «переключение» дискурса, когда эксперты так акцентировали предмет обсуждения, что это фактически вело к подмене изучаемого объекта. Как ранее уже указывалось, официальный российский дискурс о ТС органично встроен в первую очередь в проблематику безопасности, защиты российского общества от опасных внешних вызовов (в частности, в сфере информационной и кибербезопасности¹¹). Но трактовку ТС как в первую очередь безопасности от внешнего давления дали только шесть экспертов.

Ряд экспертов предпочитали обсуждать не национальную безопасность, а более привычную экономическую эффективность и международную конкурентоспособность. Вот примеры «переключения» из дискурса безопасности в дискурс конкурентоспособности: «технологический суверенитет – это не про автаркию, а про встраивание в глобальные цепочки создания стоимости» (Б1); «это – создание технологических решений, использование их Российской Федерацией и продажа их за рубеж при использовании технологических решений более высокого уровня, которые используются в технологических цепочках» (А4, д.э.н.); «Что нужно России как минимум – это встроенность во взаимовыгодную международную кооперацию. Для этого надо иметь такие конкурентные технологии, которых нет у наших международных партнеров» (Б2).

В рамках такой позиции развитие в России оригинальных высоких технологий – не защита национальной экономики от давления Запада, а обычный для бизнес-конкуренции способ перехвата у конкурентов рынков сбыта (российских и зарубежных), передела добавленной стоимости, создаваемой в наибольшей степени на завершающих этапах

¹¹ Очень четко по этому поводу высказался эксперт – представитель государственного органа, отвечающий за развитие сферы информационных технологий: «Если у нас есть механизмы, когда мы можем противодействовать кибератакам, тогда мы суверенны» (Г1).

технологических цепочек¹². Схожая мысль высказывалась одним из экспертов, подчеркнувшим, что «суверенитет... – это не цепочки внутри государства, это цепочки, контролируемые государством в союзе с кем-то в составе технозон. Это ситуация, когда мы контролируем стабильность цепочки и НИОКР следующего цикла...» (А4, д.э.н.). Звучала и мысль, что современная борьба за российский ТС, в сущности, мало отличается от старого (с 2010-х гг.) курса на импортозамещение: «Технологический суверенитет в прагматическом понимании и в том, как его будут трактовать в России, трактуют уже, это что-то ближе к понятиям импортозамещения и локализации... В общем, для бюрократического аппарата, я думаю, для него вообще ничего не изменилось. Они... трактуют все, что раньше делали так или иначе, теперь добавляя приставку “технологических суверенитетов”» (А3, к.э.н.).

Трактовки ТС как меры безопасности и как метода бизнес-конкуренции имеют точки пересечения, но отнюдь не совпадают. Ради интересов национальной безопасности в принципе возможен (об этом упоминалось в одном из интервью) даже американский подход к пониманию ТС, когда некоторые высокие технологии, которые могли бы принести бизнесу высокую прибыль, сознательно исключены из внешней торговли, чтобы сохранить национальное первенство. Таких подходов, когда безопасность ценится выше прибыльности, российские эксперты не высказывали.

Итак, понимание российскими профессионалами сущности ТС, судя по интервью с экспертами, далеко не всегда совпадает с официальной позицией, выраженной в Концепции. Сближение ТС с автаркией является редкостью, его полное отрицание тоже отсутствует (возможно, из-за чувствительности такой позиции). Однако у экспертов нет четкого понимания, какие именно технологии следует включать в сферу ТС, а какие нет. Отмечено также стремление при обсуждении ТС выйти за рамки дискурса секьюритизации и перейти на дискурс повышения конкурентных преимуществ, что скорее похоже на позицию западноевропейских обществоведов.

Разногласия в понимании технологического суверенитета: Китай как «зеркало» России. Для лучшего понимания представлений отечественных экспертов о возможностях укрепления российского ТС очень полезно рассмотреть их суждения также по вопросу, обеспечил ли свой технологический суверенитет современный Китай.

Нужно учитывать, что участники экспертного опроса заведомо не были китаистами и могли профессионально судить об успехах КНР только по отдельным аспектам¹³. Логика данного вопроса связана с изучением не Китая, а именно России, для которой уже в 1980-е КНР стала референтной страной, на успехи которой хотелось бы равняться. Не только в российском, но и в глобальном информационном пространстве давно циркулирует «вирусный нарратив» про китайское экономическое чудо, в рамках которого Китай уже якобы полностью обеспечил технологический суверенитет и уверенно приближается к статусу мирового не только политического, но также и технологического лидера. Пример Китая является в общественно-политической риторике «лучшей практикой»,

¹² Возможно, не случайно такие трактовки давали, прежде всего, эксперты из бизнеса, которые более привычны обсуждать именно бизнес-конкуренцию и прибыльность, чем национальную безопасность и защищенность. Впрочем, некоторые представители академических кругов тоже близки к такому пониманию. Один из них даже привел конкретный кейс, в рамках которого борьба за ТС трактуется именно в контексте конкуренции российского и западного бизнеса: «к примеру, в Газпромнефти произошло импортозамещение, когда на конкурентных условиях были вытеснены зарубежные поставщики» (А13, к.хим.н.). В другом интервью эксперта в сфере производства катализаторов нефтепереработки этот кейс был продолжен: «Что касается катализаторов для реформинга [речь идет о технологиях переработки природных углеводородов в высококачественный бензин. – Авторы], то здесь технологический суверенитет понимается очень просто, как импортонезависимость» (А9, д.хим.н.).

¹³ Профессиональная информация о КНР ограничена тем, что хотя политически Россия и Китай в последние годы активно «дружат против Запада», но при этом «Китай очень неохотно делится достижениями в научно-технологической сфере» (А11, д.экон. н.), так что «мы не сотрудничаем с Китаем, [в противоположность тому как] Индия все время приглашает [нас] на конференции» (А8, д.хим.н.).

поскольку с 2000-х гг. эта страна-нация обеспечивает высокие темпы своего развития на основе уже не столько «преимущества отсталости», свойственного догоняющему типу развития (дешевизна рабочей силы, возможность заимствовать сразу самые новые технологии и т.д.), сколько за счет комплексных программ научно-технологического развития. Как лаконично выразился один из экспертов, «они научились делать машины, а мы нет» (О1, к.э.н.). Реальная картина более сложна, и отечественные специалисты на примере КНР, в сущности, рефлексируют *актуальные и для России* ограничения в борьбе за ТС.

Как и следовало ожидать, по вопросу «обеспечил ли Китай свой технологический суверенитет?» мнения экспертов существенно разделились. Из 22 экспертов, ответивших на данный вопрос, уверенный положительный ответ дали 7 экспертов, а положительный, но менее уверенный, – еще 10. Отрицательные суждения звучали реже: уверенный отрицательный ответ дал лишь один эксперт, ответы типа «скорее нет» – еще четверо¹⁴. В этой связи наиболее интересны объяснения экспертов, почему современный Китай все же можно считать (пусть с оговорками) в целом технологически самостоятельным, поскольку это позволяет лучше понять *российские* трудности в формировании ТС.

Типичным положительным ответом можно считать следующую экспертную оценку: «США и Китай – две страны, которые максимально обеспечили свой технологический суверенитет по большинству технологий. Сто процентов [суверенитета] – это утопия, потому что даже Китай и США по ряду технологий имеют глубокое сотрудничество с Европой, Японией и другим странами. В целом считаю, что Китай обеспечил технологический суверенитет по основным технологическим категориям, потому что он выпускает самостоятельно большинство [видов] высокотехнологичной продукции, от микроэлектроники до космоса» (Б2). В такой позиции хорошо видны два критерия для оценок. Во-первых, однозначно «самой технологически суверенной» страной мира признаются США¹⁵, которым все остальные страны так или иначе уступают, но некоторые не очень сильно («Считается, что если страна овладела более чем 80% критических и ключевых технологий, то она, как Китай, является суверенной страной» (А15, д.ф.-м.н.)). Во-вторых, достижением ТС считается самостоятельное производство не просто некоторых (наиболее важных), но большинства разновидностей высокотехнологичной продукции.

Если применить оба критерия к современной России, то наше достижение ТС на уровне современного Китая относится скорее к очень долгосрочным задачам, чем к свершившимся или близким достижениям. Это может показаться парадоксом, ведь по среднестатистическим экономическим показателям Россия пока сохраняет по среднестатистическим показателям примерно двухкратный отрыв от Китая¹⁶. Один из экспертов, объясняя, почему «бедный» Китай технологически независимее «богатой» России, подчеркнул его высокую промышленно-экспортную ориентацию: «у него 90% промышленности во всем экспорте, и из этих 90% треть – высокотехнологичное производство. При их объемах... с точки зрения производства они могут делать практически все. И их зависимость при таких объемах тоже очевидна. Ну, сколько бы у них ни было своих природных ресурсов, естественно, они вынуждены будут всегда закупать сырье по всему миру... Поэтому Китай во многом самодостаточен. Он может делать практически любую промышленную

¹⁴ Интересно отметить, что положительные ответы дали все бизнес-эксперты. Это коррелируется с предыдущим замечанием, что представителями отечественного бизнеса ТС чаще трактуется как конкурентоспособность, а не безопасность. Действительно, высокая международная конкурентоспособность китайских товаров общепризнана с конца XX в.

¹⁵ При этом эксперты подчеркивали, что и Америка технологически суверенна пусть максимально, но не абсолютно: «США – технологический лидер, и их догнать сложно, но есть сферы, где мы в паритете, та же самая атомная промышленность» (А1, д.экон.н.).

¹⁶ В 2023 г. ВВП на душу населения по ППС в КНР составлял примерно 22,1 тыс. долл., тогда как в России – 39,8 тыс. долл. Для сравнения, в 2021 г. соответствующие значения составляли 20,4 тыс. долл. для Китая и 38,4 тыс. долл. для России (по данным Tradingeconomics.com. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/china/gdp-per-capita-ppp> (дата обращения: 01.11.2024)).

продукцию, практически с любым уровнем качества» (А3, к.экон.н.), хотя при этом зависит от импорта сырьевых товаров. Современная Россия, как известно, участвует в мировом хозяйстве «с точностью до наоборот»: является крупным поставщиком сырья (45% экспорта – энергоносители, экспортируемые в том числе в КНР), но ее промышленный экспорт мал, а высокотехнологичный – еще меньше. Если мы зависим от импорта высокотехнологичных товаров, то Китай – скорее от его экспорта: «Проблемы китайцев в том, что они не могут “отвязаться” от американцев, – не в том [смысле], что они от них зависят технологически, а в том, что они [при разрыве с США] потеряют рынок сбыта» (Б4). Вот в этом смысле (с точки зрения сбыта) современная Россия от Запада действительно мало зависима, поскольку наш экспорт идет сейчас в основном в КНР, Турцию и Индию.

Важно отметить, что при обсуждении ТС Китая лишь единственный раз прозвучало сравнение в пользу России: «Я считаю, что уровень технологического суверенитета у Китая ниже, чем у России. [При этом], понятно, что есть вещи, где они передовые, – электромобили, часть зеленой энергетики... телефончики, что они делают, это вообще какая-то фантастика» (А5, к.экон.н.). Более частым было подчеркивание, что технологическая независимость Китая хотя и не абсолютна, но бесспорна: «Китай входит в топ-5 стран, которые могут заявлять о частичном технологическом суверенитете» (Б4); «В целом Китай принадлежит к нескольким странам (США, Япония, Германия), которые обеспечили технологический суверенитет» (А15, д.ф.-м.н.). Встречалась и еще более высокая оценка: «Абсолютно точно Китай обеспечил технологическое лидерство. [...] Но можно ли говорить, что они абсолютно суверенны от США, – это вопрос, на который я бы не смог однозначно ответить» (Г1).

Некоторым «утешением» были нередкие ссылки экспертов на то, что китайские высокие технологии мало оригинальны и конкурентоспособны скорее за счет низкой себестоимости: «совершенно очевидно, что они эти технологии не разрабатывали. [...] Все, что они производят, даже под своими брендами, это на самом деле даже не реплики а просто ребрендинги» (А14, д.хим.н.); «Но в Китае, в отличие от нас, ...самым бессовестным образом все крали» (А9, д.хим.н.); «Они очень много уже научились делать, хотя в целом без внешнего притока технологического, без этого внешнего импульса, они еще обходиться не могут» (А12, к.э.н.). Это суждение – о «торговом пиратстве» (обратном/реверсном инжиниринге) как очень существенном факторе китайского чуда – тоже является «вирусным мемом». Впрочем, некоторые эксперты выражали несогласие с ним, подчеркивая растущую на глазах креативность китайцев: «Китайцы убедили весь мир, что они не только могут копировать, но и способны на творчество. В космосе они опережают, в ИИ опережают весь мир» (А15, д.ф.-м.н.). Наиболее яркими для большинства россиян являются успехи в последние годы китайского автопрома, где период заимствования и копирования сменился технологическим лидерством. В частности, на отечественном авторынке с 2000-х гг. наблюдается широкомасштабная китайская экспансия – вплоть до того, что некоторые российские автопредприятия стали выпускать автомашины китайских брендов. Это же отмечают и эксперты: «Китай уже... обеспечил, сделал в автопроме огромный рывок за счет обратного инжиниринга» (Б1).

По поводу наиболее важных методов, за счет которых КНР смог за последнюю четверть века осуществить прорыв в технологическом развитии, один из экспертов заметил, что «это – за счет как субсидирования, так и взаимодействия с академической наукой и отраслевой наукой» (Б7). Контрастом к этому звучали наблюдения экспертов, что для России типичен как раз разрыв между производством и наукой: «У нас хорошо развита фундаментальная наука, но не хватает внедрения, инженерных центров. Существует разрыв между наукой и производством, и в институциональном плане ни один документ этого не затрагивает» (А1, д.э.н.). Что касается принятых в России в последнее время программных документов и инструментов, которые должны способствовать обеспечению технологического суверенитета, то в среде экспертов можно встретить весьма критические их оценки: «Ни один из инструментов не дал результатов, кроме каких-то парадных заседаний, отчетов и пафосных людей, которые получают награды. Прежние

инновационные стратегии было легко мониторить, потому что они содержали цифры. Нынешняя стратегия их не содержит. Разработчикам важнее процесс, чем результат. Непонятно, какие критерии достижения результатов в ней заложены» (Аб, академик).

Итак, как показывают ответы экспертов на вопрос о технологическом суверенитете Китая, его опыт считается в целом успешнее российского, но использование Россией китайских методов борьбы за ТС либо принципиально невозможно, либо пока представляется мало реальным. Хотя Россия нацелена не только на ТС, но и на технологическое лидерство, однако объектом борьбы является все же в первую очередь внутренний рынок России, а не мировой рынок, как для Китая, трудовые ресурсы которого почти на порядок многочисленнее, чем у России. Зато китайский опыт преодоления «разорванности между наукой и производством» в принципе может для России стать объектом институционального импорта.

Заключение. Проведенный экспертный опрос не претендует на репрезентативность, поэтому он позволяет уверенно говорить только о разнонаправленности мнений. При этом экспертный дискурс, отражающий разброс мнений в российском обществе в целом, явно отличается от официального дискурса.

Взгляды экспертов существенно различаются даже в понимании самого термина ТС. Участники интервью не разделяют «экстремальных» трактовок ТС как абсолютной автаркии и как недостижимой утопии, однако в остальном их точки зрения зачастую расходятся. Эксперты по-разному представляют список отраслей и сфер экономики, с технологической «локализацией» которых связано достижение ТС. Кроме того, эксперты высказывают достаточно разнообразные суждения о международном сотрудничестве в рамках достижения ТС, хотя в целом возможность такого сотрудничества экспертами не отрицается. Что касается выгод от достижения ТС, то суждения экспертов, как правило, вписываются в один из двух дискурсов – вклада ТС в национальную безопасность и роли ТС в повышении конкурентоспособности национальной экономики. Для ряда экспертов эти дискурсы не противоречат друг другу: они уверены, что в случае выбора верной стратегии достижения ТС потенциально могут быть достигнуты оба позитивных эффекта.

Опрошенные академические эксперты в целом согласны с тезисом, что Китай достиг (или частично достиг) ТС, хотя несколько участников интервью и делали важные оговорки, касающиеся качества и оригинальности разработанных (или скопированных) в Китае технологий. Кроме того, опрошенные представители научного сообщества скептически настроены относительно возможностей использования Россией китайского опыта движения к ТС в силу структурных и институциональных различий экономик двух стран. В свою очередь, представители бизнеса, хотя и имеют скорее позитивную позицию в отношении китайского опыта технологического развития, делают акцент на важности участия страны в международной кооперации, что для России более чем затруднительно в условиях нынешнего санкционного давления. Если Китай ориентировался сразу на глобальный рынок промышленной продукции, то для России ареной столкновений с Западом за технологическую независимость становится скорее внутренний национальный рынок (с лишь отдаленной перспективой выхода на рынки «дружественных» стран).

Эксперты соглашались с высокой актуальностью борьбы за ТС, но выражали сомнения в действенности нового курса, который отличается от старого курса (на импортозамещение) скорее новыми мемами, чем новыми мерами. Такой активно сыгравший в КНР метод, как «сращивание» прикладной науки с производством, остается в современной России пока недостаточно реализованным. В этой связи изучение опыта такой политики и анализ других «лучших практик», а также рисков и ограничений для технологической кооперации с дружественными странами, должно помочь в совершенствовании научно-технологической политики России. Общественное внимание к ней может получить новый импульс в свете обсуждения принятого российской Государственной Думой в первом чтении в июне 2024 г. закона о технологической политике, ключевой задачей которого является именно нормативное обеспечение технологического суверенитета нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афонцев С.А. Теоретическое измерение экономического суверенитета // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3 (64). С. 218–224.
- Безруков А.О., Байдаров Д.Ю., Файков Д.Ю. Технологическое лидерство государства: концептуальное понимание и механизмы формирования // Экономическое возрождение России. 2024. № 1 (79). С. 75–89.
- Вольчик В.В. Дискурсы о социальных барьерах российской (контр)инновационной системы: реальность или нарратив? // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 61–71.
- Гареев Т.Р. Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации // Terra Economicus. 2023. Т. 21. № 4. С. 38–54.
- Данилин И.В., Сидорова Е.А. Концепция технологического суверенитета в меняющемся мире // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3 (64). С. 238–243.
- Дежина И.Г. Теоретические основы и практические шаги по обеспечению технологического суверенитета в России // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2023. № 9 (39). С. 92–102.
- Дежина И.Г., Ключарев Г.А. Российские концепции международного научно-технического сотрудничества: смена драйверов развития // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 4. С. 51–68.
- Дементьев В.Е. Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства // Terra Economicus. 2023. Т. 21. № 1. С. 6–18.
- Капогузов Е.А., Пахалов А.М. Технологический суверенитет: концептуальные подходы и восприятие российскими академическими экспертами // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3 (64). С. 244–250.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. Однополярность, многополярность и биполярные коалиции. XXI век // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 3–16.
- Латов Ю.В., Латова Н.В. Российская технологическая инноватика в отечественных СМИ (на примере технопарков) // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27. № 4. С. 141–162.
- Ленчук Е.Б. Технологический суверенитет – новый вектор нацтехнологической политики России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3 (64). С. 232–237.
- Соловьев Э.Г. Эволюция понятия «суверенитет» – есть ли место экономическому суверенитету в политической науке? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3 (64). С. 225–231.
- Широкова Е.Ю. Научно-технологическое развитие регионов: тенденции и факторы активизации // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2024. № 3. С. 171–190.
- Юревич М.А. Технологический суверенитет России: понятие, измерение, возможность достижения // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 4. С. 7–21.
- Agarwal M., Kumar S. BRICS Countries' Increasing Role in the world economy, Including Institutional Innovation // BRICS Journal of Economics. 2023. Vol. 4. No. 2. P. 173–191.
- Early B.R., Cilizoglu M. Economic sanctions in flux: Enduring challenges, new policies, and defining the future research agenda // International Studies Perspectives. 2020. No. 21(4). P. 438–477.
- Edler J., Blind K. et al. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means // Research Policy. 2023. No. 52(6). P. 104765.
- Panibratov A. Sanctions, cooperation and innovation: Insights into Russian economy and implications for Russian firms // BRICS Journal of Economics. 2021. No. 2(3). P. 4–26.
- Saaida M. BRICS Plus: de-dollarization and global power shifts in new economic landscape // BRICS Journal of Economics. 2024. Т. 5. № 1. P. 13–33.

Статья поступила: 30.10.24. Финальная версия: 20.11.24. Принята к публикации: 07.12.24.

RUSSIAN DISCOURSES ON TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY (evidence from expert survey)

KAPOGUZOV E.A.*, PAKHALOV A.M.*, SHERESHEVA M. Yu.*

*Lomonosov MSU, Russia

Evgeny A. KAPOGUZOV, Dr. Sci. (Econ.), Associate Prof., Head of Laboratory for BRICS-Related Studies (egenk@mail.ru); Alexander M. PAKHALOV, Research Fellow, Laboratory for Institutional Analysis, Faculty of Economics (pakhalov@gmail.com); Marina Yu. SHERESHEVA, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of Laboratory for Institutional Analysis, Faculty of Economics (m.sheresheva@mail.ru). All – Lomonosov MSU, Moscow, Russia.

Acknowledgements. The research was carried by the grant of RSF No. 24-28-00711.

Abstract. The article discusses approaches to the sociological understanding of the concept of “technological sovereignty”, which is one of Russia’s political priorities against the background of sanctions pressure and the evolution of the modern world system towards increasing polycentrism. A systematic review of European and Russian research papers and official documents demonstrates a sharp increase in interest in the topic of technological sovereignty over the past decade, despite significant differences in the definition of this term. The empirical part of the study is based on the content analysis of interviews conducted by the authors ($N = 25$) with leading Russian academic experts and practitioners. Based on the analysis of interviews, key narratives (elements of perception) of the essence and mechanisms of ensuring technological sovereignty are identified. It was found that among domestic experts, the predominant attitude is to increase national control over key technologies while maintaining international economic ties. When discussing Russia’s technological independence, experts go beyond the securitization discourse that dominates official documents to a discourse of increasing competitive advantages and efficiency. The experts surveyed believe that China’s experience of achieving technological sovereignty is generally more successful than Russia’s, but the experts remain sceptical about the possibility of implementing China’s experience in Russia.

Keywords: technological sovereignty, modern world system, scientific and technological development, sociology of innovation.

REFERENCES

- Afontsev S.A. (2024) Theoretical Dimensions of Economic Sovereignty. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. No. 3: 218–224. (In Russ.)
- Agarwal M., Kumar S. (2023) BRICS Countries’ Increasing Role in the World Economy, Including Institutional Innovation. *BRICS Journal of Economics*. No. 4 (2): 173–191.
- Bezrukov A., Baydarov D., Faikov D. (2024) State Technological Leadership: Conceptual Understanding and Formation Mechanisms. *Ekonomicheskoe vrozhdzenie Rossii* [The Economic Revival of Russia]. No. 1: 75–89. (In Russ.)
- Danilin I.V., Sidorov E.A. (2024) The Concept of Technological Sovereignty in the Transforming World. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy Assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. No. 3: 238–243. (In Russ.)
- Dementiev V.E. (2023) Technological Sovereignty and Priorities of Localization of Production. *Terra Economicus*. No. 1: 6–18. (In Russ.)
- Dezhina I.G. (2023) Theoretical Grounds and Practical Steps to Ensure Technological Sovereignty in Russia. *Problemy deyatelnosti uchenogo i nauchnykh kolektivov* [The problems of scientist and scientific groups activity]. No. 9: 92–102. (In Russ.)
- Dezhina I.G., Kliucharev G.A. (2020) Russian Concepts of International Scientific-technological Cooperation: Changing Drivers of Development. *Sociologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science & Technology]. Vol 11. No. 4: 51–68. (In Russ.)
- Early B.R., Cilizoglu M. (2020) Economic Sanctions in Flux: Enduring Challenges, New Policies, and Defining the Future Research Agenda. *International Studies Perspectives*. Vol. 21. No. 4: 438–477.
- Edler J., Blind K. et al. (2023) Technology Sovereignty as an Emerging Frame for Innovation Policy. Defining Rationales, Ends and Means. *Research Policy*. No. 52(6): 104765.
- Gareev T.R. (2023) Technological Sovereignty: From Conceptual Contradiction to Practical Implementation. *Terra Economicus*. No. 4: 38–54. (In Russ.)

- Kapoguzov E.A., Pakhalov A.M. (2024) Technological Sovereignty: Conceptual Approaches and Perceptions by the Russian Academic Experts. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. No. 3: 244–250. (In Russ.)
- Kirdina-Chandler S.G. (2022) Unipolarity, Multipolarity and Bipolar Coalitions. *XXI Century. Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 3–16. (In Russ.)
- Latov Yu.V., Latova N.V. (2018) Russian Technological Innovation in the Domestic Media (The Case of Technology Parks). *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 4: 141–162. (In Russ.)
- Lenchuk E.B. (2024) Technological Sovereignty – a New Trend in Russian Scientific and Technological Policy. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. No. 3: 232–237. (In Russ.)
- Panibratov A. (2021) Sanctions, Cooperation, and Innovation: Insights into Russian Economy and Implications for Russian Firms. *BRICS Journal of Economics*. No. 2: 4–26.
- Saaida M. (2024) BRICS Plus: De-dollarization and Global Power Shifts in New Economic Landscape. *BRICS Journal of Economics*. No. 1: 13–33.
- Shirokova E. Yu. (2024) Scientific and Technological Development of the Regions: Trends and Activation Determinants. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6: Ekonomika* [Moscow University Economics Bulletin]. No. 3: 171–190. (In Russ.)
- Solovyev E.G. (2024) Evolution of the Concept of “Sovereignty” – is there a Place for Economic Sovereignty in Political Science. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. No. 3: 225–231. (In Russ.)
- Volchik V.V. (2021) Discourses on Social Barriers to Developing Russian (Contra) Innovation System: Reality or Narrative? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 61–71. (In Russ.)
- Yurevich M.A. (2023) Technological Sovereignty of Russia: Concept, Measurement, and Possibility of Achievement. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Theoretical Economy Issues]. No. 4: 7–21. (In Russ.)

Received: 30.10.24. Final version: 20.11.24. Accepted: 07.12.24.

От редакции. Профессор Франко Ферраротти (1926–2024) сыграл ключевую роль в институционализации итальянской социологии в послевоенный период как основатель и руководитель первой в Италии кафедры социологии, открытой в 1961 г. в Университете La Sapienza в Риме, а также как активист, внесший важный вклад в создание в 1962 г. первого в Италии факультета социологии в университете города Тренто. Российским социологам профессор Ферраротти известен по довольно редким публикациям научных статей в отечественных журналах и главам в учебниках и монографиях по истории социологии, по энциклопедическим словарным статьям о нем в отечественных справочных изданиях.

Мы готовили этот материал к 99-летию ученого. В первых числах ноября итальянские коллеги прислали ответы профессора на вопросы редакции. 13 ноября 2024 г. Франко Ферраротти не стало. Выражаем соболезнования близким ученого и его коллегам и публикуем последнее в его жизни интервью на страницах российского социологического журнала.

© 2024 г.

«СОЦИОЛОГИЯ ОБРЕТАЕТ НЕМАЛЫЙ УСПЕХ ПО МЕРЕ ТОГО, КАК ОСОЗНАЕТ ОПЫТ ПОЛНОГО ПРОВАЛА» (последнее интервью Франко Ферраротти)

Аннотация. В своем интервью нашему журналу Франко Ферраротти рассуждает о смысле социологии и ее интерпретативной сущности, показывая, что она не может быть наукой об обществе вообще, скорее она пытается объяснять взаимообусловленность разных его аспектов, представляя собой открытие и собирание интерпретаций. Профессор Ферраротти ставит актуальные вопросы о междисциплинарности и учреждении постдисциплинарных социальных исследований. Профессор размышляет о потере в рыночном обществе трансцендентного смысла метачеловеческой ценности, ибо именно она придает смысл сосуществованию людей. Развитие цифровизации он связывает с тем, что появляется человек цифрового будущего, у которого традиционная логика книги и чтения заменена альтернативной – логикой аудиовизуальной, которая позволяет эмоциональному возобладать над разумным, изменяя коммуникацию на непрерывную экстернализацию. Его размышления об обществе дают почву для постановки вопросов о будущем и роли социологии в нем.

Ключевые слова: социология • рыночное общество • коммуникации • цифровые технологии • трансценденция • логика книги

DOI: 10.31857/S0132162524120044

Редакция журнала благодарит Светлану Николаевну Варламову, руководителя Научно-образовательного центра ФНИСЦ РАН, и господина Энрико Якометти (Enrico Iacometti), генерального директора издательского дома Armando Editore (Италия, Рим), за помощь в организации интервью.

Н.В. Романовский. Какие важные на Вашей памяти изменения произошли в социологии?

Франко Ферраротти. Социология – молодая наука, она может насчитывать максимум сто пятьдесят – двести лет. В отличие от других наук, она как-то удержалась в состоянии самостоятельности и изоляции. А далее произошло реальное открытие. В том смысле, что сегодня больше нет сильных наук и наук слабых; нет различий между двумя культурами. Сегодня есть лишь одна наука, которую можно делить на две большие категории: одна – науки доказательные, они завершаются фразой «что и требовалось доказать» и опираются прежде всего на математический способ рассуждения, на доказательность, на проверку рабочих гипотез. И есть науки, которые можно определить как интерпретативные, – они подпадают под рубрику герменевтики. Из них особенно тесно связаны две – история и социология. Но в целом в этой картине, и Европы, и всего мира, история воспринимается классически – как *Historia vitae magistra*¹ (история – наставница жизни) в соответствии с платоновским элитарным канонам, различающим тех, кто знает, и тех, кто не знает. Тех, кто знает, – небольшое меньшинство – по автобиографическому письму VII Платона; речь идет, видимо, о старых мудрецах Древнего Египта. То есть перед нами монополия эпистемы (надежное, хорошо обоснованное научное знание), контрастом, противоположностью которого выступает докса² – общее мнение, подвижное, меняющееся, неприемлемое [как наука] само по себе. Поэтому, согласно канону исторического, эпистема, несомненно, доказуема, но отделена от доксы, от расхожего, общепринятого мнения.

Все это отражает дуальную картину общества именно потому, что на одной стороне имеется малое меньшинство великих ученых, а на другой – большинство человеческих существ, которые являются людьми лишь зоологически, не в полном смысле; они придерживаются стадной логики. Это обедненная историческая концепция, в то время как сегодня (и для меня это имеет фундаментальное значение) социологические исследования не являются подлинно изысканиями нового, пока не устранен этот элитарный, аристократический подход, который не воздает должного сложности присутствия человека в этом мире и, напротив, не начинается с обычного опыта, с переоценки обыденного знания, которое следует считать в каком-то смысле фундаментальным как минимум, если не более, чем эпистема мудрецов. И в этом отношении у нас есть отличный пример, удивительное исключение из этого традиционного понимания смысла истории: в 1929 г. Марк Блок и Люсьен Февр основали «Школу Анналов»³ – школу, в которой историк заинтересован не в «исторической истории», а в повседневности. Сегодня перед нами социология, которая сама по себе хотела бы отойти от элитарного канона, который видит только «истинных» людей (мудрецов), с одной стороны, а с другой – тех, кого Платон определяет как *андрапода*⁴, «ноги людей», люди в чисто зоологическом смысле.

С этой точки зрения должен признать, что сегодня социология явно пребывает в сложной ситуации потому, что ей приходится как можно шире утверждать свой критический подход, который концептуально ориентирован, но в то же время учитывать исторические реалии. Поэтому данный факт становится фундаментальным инструментом в выстраивании всеобщего понимания принципиального единства живущих на нашей планете людей. Социология обретает немалый успех по мере того, как осознает опыт полного

¹ Фраза из трактата Цицерона «Об ораторе». – Прим. ред.

² От др. греч. δόξα – «мнение», «взгляд». Платон понимал доксу как неподлинное знание. – Прим. ред.

³ Историки Марк Блок и Люсьен Февр основали в 1929 г. журнал «Анналы экономической и социальной истории», с которым связано появление направления в историографии, ставшего впоследствии всемирно известным под именем «Школы Анналов». – Прим. ред.

⁴ Andrapoda (ανδράποδα) дословно переводится как «человеконогий». В Древней Греции так именовали рабов, направляемых на исполнение самого примитивного и тяжелого труда, который могли бы выполнить и животные. – Прим. ред.

провала. Есть социолог, и есть исследования, но при переходе к совершенствованию специализированных приемов и техники социального исследования социолог больше не ставит перед собой фундаментальных проблем своей дисциплины, особенно на базе автономного социологического суждения, а вместо того принимает запросы клиентов, например запрос руководителя компании, которая плохо функционирует. Наш социолог утратил в какой-то мере автономию, став техником в социальной инженерии.

Н.В. Считается, что современный мир секуляризирован. Как это влияет на социологию?

Ф.Ф. Идея кризиса сакрального в индустриальном обществе – это идея, пришедшая к нам издалека. Но она мне кажется нежизнеспособной по простой причине: сакральное – это идея трансцендентальной ценности, что фундаментально. И я тут не выступаю в защиту каких-либо властей, например иранских аятолл, клерикальной власти католиков и т.д. Я лишь ставлю себе задачу, делаю выбор, оцениваю.

Сегодня общество, действующее не на основе трансцендентных ценностей, а лишь на базе ценностей имманентных (то есть связанных с тем, чтобы «делать ради делать»), неизбежно не может не быть обществом, стремящимся оправдывать то, что оно делает, на основе того, что оно делает, то есть «делать ради того, чтобы делать». В той мере, в какой мы имеем общества технически развитые и развивающиеся, которые не могут соотноситься с трансцендентным центром, что ж, в таких обществах мы заменили чистое познание утилитарной рыночной калькуляцией. Но общества, считающие себя полностью связанными с имманентными, не с трансцендентными ценностями, общества, думающие, что есть «пути Господни», святое и т.д., если даже идет речь о пережитках, об остатках прошлого, – это общества, основа самооценки которых – утилитарный расчет, с которым они связывают все общественные отношения и которые претендуют на то, чтобы обосновывать свои ценности имманентно, не трансцендентально. Теперь такое общество, в котором большая часть отношений редуцирована до отношений утилитарных, может рассматриваться как важная историческая конструкция, в терминах рыночной экономики. В самом деле, сегодня такой порядок весьма силен: важные политики, например, перед принятием ответственных решений смотрят, как открылись рынки.

Но, и в этом суть моих возражений, общество, в котором столь сильна и влиятельна на выбор решений рыночная экономика, – это общество, в котором все политические отношения, от самых элементарных до самых изощренных, сводятся к чисто утилитарным отношениям. Нет. В обществе, где господствует рыночная экономика, она может втягивать все общество и преобразовывать его в общество рыночное. И фактически сегодня невозможна дружба без интересов. Нам нужно быть внимательными, так как рыночное общество – это больше не общество. Общество рождается на основе межличностных отношений, как еще одно отношение, у которого своя собственная ценность, ценность экзистенциальной гармонии, – как основа всякого общества. Несомненно, рынок важен и абсолютно законен, но он не метафизическая единица, задающая общественные ценности как таковые. Он лишь одна из форм обменов и продаж товаров. С этой точки зрения мы сегодня утратили трансцендентный смысл метачеловеческой ценности, забыв, что именно эта ценность придает смысл сосуществованию людей.

Н.Р. К каким переменам следует готовиться социологам в связи с дигитализацией (цифровизацией)?

Ф.Ф. Это очень интересная тема – применение технических достижений в плане опасений, в плане восприятия социальной реальности.

Мы находимся в этической ситуации, где есть две соперничающие между собой логики: с одной стороны, существует *логика книги* (и тем самым письма). Эта логика традиционная, когда книга была единственным инструментом интеллектуальной коммуникации. К примеру, вспомним три мировые монотеистические религии, именуемые «религиями книги», – Ислам (Коран), иудаизм (Талмуд), христианство (Евангелия). Логика книги означает, во-первых, возврат к себе. Чтение само по себе есть действие одиночки, совершаемое в тишине

и концентрации. В ней, если не брать монолог, именно читатель вступает в диалог с автором. И только активный читатель, вчитывающийся в глубины текста, является не просто читающим, он приходит к результатам, о которых автор даже не подозревал. В свою очередь, этот читатель пишет, становясь со-автором. И тогда чтение и письмо встают на один уровень как взаимодополняющие, взаимосвязанные действия. Поэтому такая логика есть диалог с собой, это внутренняя жизнь, проходящая мимо аспекта практики.

Эта логика книги и чтения сегодня глубоко подорвана альтернативной ей логикой, логикой аудиовизуальной. Эта логика – уже не вопрос принятия тишины и одиночества, а вопрос «слушания», «движения от одной проблемы к другой», больше не вопрос концентрации и глубокого погружения, а открытости, деконцентрации и постепенного вхождения в те же самые ритм и звучание. Аудиовизуальное – это быстрота, индифферентность к историческим моментам как таковым; напротив – нужно всегда быть в курсе дел, всегда в контакте с текущими событиями. Логика аудиовизуального – логика синтетического образа, который наносит молниеносный удар и гипнотизирует, позволяя эмоциональному моменту возобладать над моментами разума.

С такой точки зрения состояние человека цифрового будущего нельзя сказать, что становится негуманным (*disumano*), оно имеет иную, блуждающую логику, которая не задерживается на странице, на предложении или слове, но индифферентно перемещает внимание от темы к теме. У него все выгоды скорости, но и все тяготы деконцентрации. Сегодня все общаются, и никто не слушает, мы знаем все, и не знаем ничего. Это фундаментальный момент, потому что коммуникация, на которой основана для читателя логика книги (как уже говорилось), – это коммуникация читателя с автором. Напротив, коммуникация в логике аудиовизуального – непрерывная экстернализация. Все коммуницируют, но никто не слушает, так как электронная коммуникация самореферентна, не создает общего сознания и лишена концентрации; а не иметь концентрации – значит быть намного быстрее. Поэтому будущее человечество будет человечеством информированным и одновременно неинформированным; человечеством, имеющим знание, но никогда это знание не будет глубоким.

Н.В. В будущем социология останется самостоятельной или она превратится в часть социального знания?

Ф.Ф. Этот вопрос имеет два аспекта: типично эволюционно-исторический аспект и аспект теоретический. Социология родилась, с Огюстом Контом и Гербертом Спенсером, как общая наука обо всем обществе, как некая всеобъемлющая глобальность. Эта большая амбиция ошибочна, ибо нет такой «социологии», так как есть «различные общества» на разных стадиях развития. Идея построить социальную жизнь, где есть физический выбор натуры, была жива у Эмиля Дюркгейма – это его «физика традиций, обычаев» (*la "fisica dei costumi"*). Дюркгейм доходил до критики генеральности, о которой говорил Спенсер; но у него еще есть идея необходимости изучения социальных фактов как идей (в 1946 г. вышла книга социолога Жюль Моннеро «Социальные факты – это не вещи»). Итак, что такое социология? В чем новизна ее вклада в историю элит, в социальную и культурную антропологию, психологию, психоанализ и социальную психологию? Ответив на эти вопросы, мы приходим к тому, что, я считаю, есть сегодня надежное и оправданное определение социологии: социология – не наука об обществе вообще, но открытие, момент собирания и объяснения не общества в целом, а разных аспектов общества, как они обуславливают друг друга. Приведу один пример, опять из Дюркгейма. В 1897 г. он опубликовал книгу с названием «Самоубийство» с подзаголовком «Социологический этюд». Самоубийство – казалось бы, не чисто индивидуальный акт, он связан с социальной, коллективной солидарностью конкретного исторического периода. Почему нет самоубийств в регионах Юга, где господствует идея братства, но их много в скандинавских странах? Ответственность индивида за свою судьбу в обществе никогда не есть вопрос индивидуальной ответственности как таковой; это часть не религии

спасения, а францисканской религии братства, согласно которой любой брат должен всегда помогать бедным.

Но теперь стремление заполучить конкретное поле, некую монопольную сферу было определено, прежде всего – потребностью в бюрократически-административной структуре, такой как университет, что абсолютно законно. Но на деле мы постепенно вступаем в эпоху, когда более не сможем говорить о психологических исследованиях как таковых, социологических исследованиях как таковых, об антропологии как таковой, – мы вступаем в эпоху некоего междисциплинарного подхода к исследованиям. Нет возможности вести исследование, прежде чем оно станет чисто социологическим, психологическим, антропологическим. Подход к исследованиям сегодня, тем более вчера, таков: им надлежит быть не односторонними, но обращенными к проблемам индивида в частности, поскольку эти проблемы являются и проблемами общества, в котором индивид живет.

Вторая фаза (текущая) – фаза сложная. Сейчас ясно, что мы более не можем довольствоваться мульти- или междисциплинарным подходом; мы вошли в эпоху учреждения социальных исследований в поле исследований постдисциплинарных. Вот что можно сказать сегодня: есть некая гипотеза, сформулированная точным образом, с инструментами, которыми могут быть анкета, прямое интервью; давайте попытаемся проверить консистентность/неконсистентность рабочей гипотезы в этом смысле. Сегодня, думаю, мы вынуждены сосуществовать с первой фазой этой проблемы, с теми, кто с этой проблемой живет.

Это интересно, потому что сегодня мы, наконец, понимаем, что в фундаментально интерпретативном смысле (*key* – «тональности», англ.), основанном, как в истории, на казуальной атрибуции, когда каждый изучаемый феномен уникален и конкретен (естественная – всегда валидная и важная атрибуция), мы движемся к интерпретации социологической, которая в принципе придает интерпретативный, сравнительный, условный, типологический смысл; то есть она стремится обобщать ради условий, которые порождают возникновение определенных феноменов. Взять, к примеру, Французскую революцию 1789 г.: историк старается найти причинную генетическую матрицу (положение крестьян, тяготы налогообложения, роскошь Версаля, отрыв элит от народа и т.д.) и в итоге как-то фиксирует конкретные условия уникального и неповторимого феномена революции. Социолог задает себе совсем иные вопросы: при каких условиях бунт станет восстанием, а потом революцией? Короче говоря, если историк спрашивает, каков генетический корень феномена, социолог задает себе вопрос: каковы условия, породившие этот феномен? Оба момента весьма интересны и отличают две науки, не смешивая их.

Н.В. По Вашему опыту, что значит социология для изучающих ее как жизненный путь?

Ф.Ф. Это важный вопрос. В любом обществе молодежь, особенно студенты (студенты – в некотором смысле наш самый открытый и простой объект исследования), – очень чувствительные, но устойчивые антенны в отношении того, что в данный момент совершается, но еще не совершилось. Давайте возьмем, к примеру, 1968 год. Что это было? Безусловно, это был неудавшийся протест, потому что ему не удалось стать «предложением», поскольку в тот момент невозможно было внести предложение, ибо молодежный студенческий протест предвосхищал грядущий мир, которым стал мир сегодняшней. В самом деле, сегодня мы живем в эпоху после 1968 года, не понимая ее важности. А важность эта в том, что этот институт [эпохи] существует не как юридическая структура, способная наказывать тех, кто не соблюдает правил, а как средство выражения и удовлетворения (и, по крайней мере, частичного решения) проблем, с которыми встретился индивид. Молодые люди (особенно вынужденно безработные из-за отсутствия спроса на работу) сознают имеющиеся у них проблемы, последствия которых ускользают от них. И факт, например, что молодая женщина разрывается между своим материнским призванием и карьерой, является одним из противоречий современного общества, с которыми сталкиваются отдельные люди, но которые все больше сознают, что у них нет средств разрешить их. Как реагирует общество? Оно отвечает: «Каждый да спасется сам».

Подготовил Н.В. РОМАНОВСКИЙ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, зам. гл. редактора журнала «Социологические исследования», Москва, Россия (socis@isras.ru).

“SOCIOLOGY GAINS CONSIDERABLE SUCCESS AS IT REALIZES THE EXPERIENCE OF TOTAL FAILURE” (last interview with Franco Ferrarotti)

Franco Ferrarotti (1926–2024) – key person in institutionalizing post-war Italian sociology founding (1961) and leading the first in Italy chair of sociology in La Sapienza University in Rome, as well as a co-founder of the first in Italy Sociology department of the Trento University.

Abstract. In this interview with Franco Ferrarotti, our magazine discusses the meaning of sociology and its interpretative essence, showing that it cannot be a science about society in general, rather it tries to explain the interdependence of its various aspects, representing the discovery and collection of interpretations. Professor Ferrarotti raises topical questions about interdisciplinarity and the establishment of post-disciplinary social research. Professor reflects on the loss of the transcendent meaning of meta-human value in a market society, because it is it that there appears gives meaning to human coexistence. He associates the development of digitalization with the fact that a person of the digital future in whom the traditional logic of books and reading is replaced by an alternative one – audiovisual logic, which allows the emotional to prevail over the reasonable, changing communication to continuous externalization. These reflections on society provide the basis for raising questions about the future and the role of sociology in it.

Keywords: sociology • market society • communications • digital technologies • transcendence • logic of the book

Prepared by N. ROMANOVSKIY

Nikolay V. ROMANOVSKIY, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS; Deputy Head Editor of “Sociological Studies” journal, Moscow, Russia (socis@isras.ru).

© 2024 г.

В.И. МУКОМЕЛЬ

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ МИГРАНТЫ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (mukomel@isras.ru).

Аннотация. Статья базируется на социологических обследованиях трудовых мигрантов из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, проведенных в 2020–2023 гг. Исследуются процессы адаптации среднеазиатских трудовых мигрантов к трансформациям российского рынка труда в период пандемии и после ее окончания. Особое внимание уделяется последнему периоду, когда иностранные работники были вынуждены приспособливаться к экстраординарным изменениям, произошедшим в результате внешнеполитических санкций после февраля 2022 г. и вследствие сокращения трудовых ресурсов после начала СВО. Во время пандемии мигранты адаптировались к трансформациям российского рынка труда, не стремясь его покидать, надеясь, несмотря на локдауны и массовые увольнения, на быстрое возвращение к работе, что им и удалось уже после первой волны пандемии. Анализируются вертикальная и межсекторальная мобильность среднеазиатских мигрантов. Достижения выходцев из стран Средней Азии (диверсификация видов экономической деятельности, сокращение разрыва в оплате труда с российскими гражданами, улучшение условий труда) были во многом обусловлены их высокой мобильностью во время пандемии. Серьезными проблемами российского рынка труда остаются его сегментация с сопутствующей сверхквалификацией, недоиспользованием человеческого капитала, дискриминационные практики, ограничивающие доступ к конкретным видам экономической деятельности.

Ключевые слова: трудовые мигранты • рынок труда • виды экономической деятельности • занятия • вертикальная мобильность • межсекторальная мобильность • оплата труда • дискриминационные практики • Средняя Азия

DOI: 10.31857/S0132162524120054

Среднеазиатские мигранты и до пандемии преобладали на российском рынке труда. После уточнения перспектив возвращения мигрантов с Украины, до пандемии составлявших второй по численности контингент после граждан Узбекистана, стало понятно, что среднеазиатские мигранты будут доминировать на российском рынке труда многие годы. Изменившаяся ситуация сопряжена с новыми вызовами. Во-первых, квалификация уроженцев Средней Азии относительно низка, уступая как россиянам, так и мигрантам из других государств постсоветского пространства. Во-вторых, среднеазиатские мигранты хуже, чем граждане других стран СНГ, адаптируются к российским реалиям в силу большей культурной дистанции с принимающим населением. Наконец, ксенофобские настроения

местных жителей по отношению к выходцам из Средней Азии более распространены, чем к другим мигрантам из постсоветского пространства.

Еще в преддверии пандемии среднеазиатские мигранты продемонстрировали способность адаптироваться к российскому рынку труда, существенно отличному от рынков труда их стран происхождения [Мукомель, 2022: 73]. Однако во время пандемии, в условиях форс-мажорной ситуации, их адаптационный потенциал подвергся суровым испытаниям.

В кризисных ситуациях реакция трудовых мигрантов несколько отличается от реакции российских граждан, что обусловлено разными возможностями этих контингентов. Российский рынок труда весьма специфично реагирует на кризисы: в отличие от традиционного для рыночных экономик сокращения рабочих мест при сохранении величины оплаты труда, российские работодатели, испытывающие сильное административное давление властных структур, избегают увольнений: «амортизация негативных экономических шоков идет... не столько по линии падения занятости и роста безработицы, сколько по линии сжатия продолжительности рабочего времени и снижения цены труда» [Капелюшников, 2023: 4]. Такая реакция работодателей на экономические кризисы особенно болезненна для иностранных работников, подверженных увольнению в первую очередь. Во-первых, их права в трудовой сфере ограничены, во-вторых, часть из них не имеет разрешительных документов на занятие трудовой деятельностью в России и/или заняты неформально, что делает их бесправными. У трудовых мигрантов, находящихся в России и лишившихся работы, есть две опции. Первая – покинуть Россию и вернуться в страну происхождения, намереваясь переждать трудные времена на родине – что было практически исключено во время первых волн пандемии. Вторая – остаться в России и искать любую работу.

Нельзя сказать, что проблемы трудовых мигрантов во время пандемии прошли мимо внимания российских исследователей: фиксируется несколько сотен публикаций по этой тематике. Имеются и исследования, основывающиеся на опросах среднеазиатских трудовых мигрантов, – все они были проведены во время первой волны пандемии [Варшавер и др., 2020; Полетаев, 2021; Ryazantsev et al., 2020; Рязанцев и др., 2022].

В настоящей статье на основе социологических обследований 2020–2023 гг. предпринята попытка найти ответы на ключевые вопросы: как среднеазиатские мигранты адаптировались к изменениям на рынке труда во время разных волн пандемии и что мы можем зафиксировать по ее завершению? Как они видели свои перспективы в России во время разных волн пандемии? Менялись ли их настроения в это время? Какие изменения фиксируются в видах экономической деятельности и занятиях трудовых мигрантов? Каково положение среднеазиатских трудовых мигрантов на российском рынке труда по завершении пандемии? Как относятся работодатели к использованию иностранной рабочей силы? Какие проблемы адаптации к российскому рынку труда по-прежнему актуальны?

Методология. Исследование базируется на следующих социологических обследованиях трудовых мигрантов из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана: 1) онлайн-опрос (CAWI) 510 мигрантов в России, из которых 370 трудовых, и 502 потенциальных трудовых мигранта за рубежом в июне 2020 г. для НИУ ВШЭ (далее – Опрос 2020А); 2) опрос (CATI) 248 мигрантов, из них 218 трудовых мигрантов, в Москве и Московской области в июне 2020 г. для НИУ ВШЭ (далее – Опрос 2020Б); 3) опрос (CATI) 514 мигрантов, из них 491 трудовой мигрант, в Москве и Московской области в ноябре 2020 г. проведен Институтом социологии ФНИСЦ РАН (далее – Опрос 2020В); онлайн-опрос (CAWI) 1649 мигрантов, из них 1466 трудовых, в России и 1070 потенциальных трудовых мигрантов за рубежом в ноябре 2021 г. для НИУ ВШЭ (далее – Опрос 2021); 4) опрос (CATI) 2921 мигранта, из них 2774 трудовых, в Москве в октябре – ноябре 2023 г. для НИУ ВШЭ (далее – Опрос 2023).

Социологические обследования различались размерами выборок, методиками и регионами опроса. Наряду с онлайн-опросами, где респондентами являлись мигранты, находящиеся практически во всех регионах России, и потенциальные мигранты в государствах выхода, приводятся результаты социологических опросов мигрантов из Средней

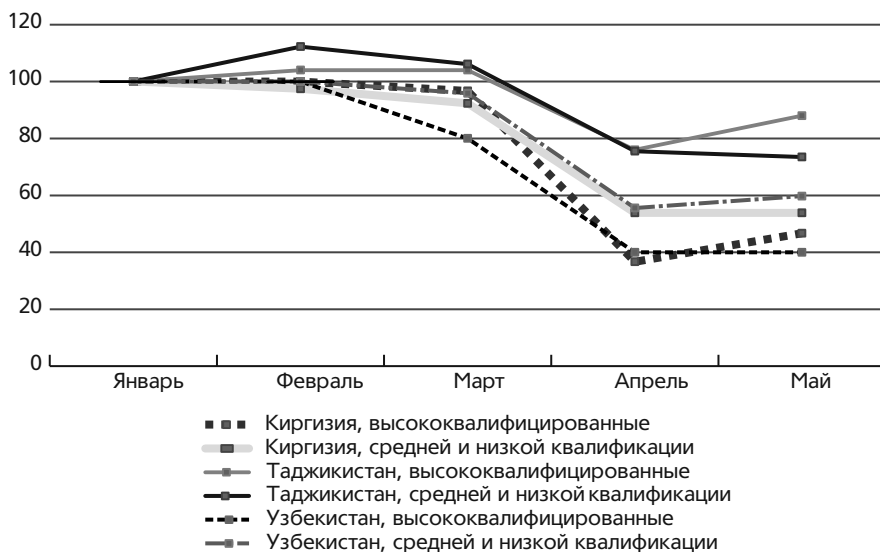
Азии в Московском мегаполисе, на который приходится около 2/5 всех мигрантов, работающих в России.

Использованы также результаты опросов работодателей, имевших опыт найма иностранной рабочей силы и в большинстве своем использовавших труд мигрантов в момент опроса (для НИУ ВШЭ): осенью 2021 г. (410 респондентов), и в октябре – ноябре 2023 г. (760 респондентов).

В САТИ-опросах, проводимых «снежным комом», использовались квотные выборки: в опросах мигрантов в первую очередь контролировалось гражданство по регионам опроса, в опросах работодателей – виды экономической деятельности.

Среднеазиатские трудовые мигранты во время пандемии. Первая волна пандемии в России, пришедшаяся на весну 2020 г., сопровождалась закрытием границ и прекращением межгосударственных транспортных коммуникаций. Локдаун, объявленный в конце марта, наиболее сказался на сфере услуг. Кризис сильнее всего ударил по гостиничному и ресторанному бизнесу, где в самый тяжелый месяц, в апреле, работали только 23,3% от занятых в феврале, по персональным услугам (38,4% работавших в феврале), помощи в домашнем хозяйстве – 56,4%, торговле – 69,6%, тогда как в строительстве продолжали трудиться 81% работников, а в мае занятость в строительной сфере вышла на январский уровень [Денисенко, Мукомель, 2020].

Среднеазиатские мигранты, уступающие в квалификации мигрантам из других стран, лишались работы в первую очередь: в апреле 2020 г. были уволены 43,6% из работавших в феврале, тогда как среди трудовых мигрантов из других постсоветских стран – 31,2%. Наиболее пострадали от кризиса трудовые мигранты из Киргизии. Их преимущество на рынке труда по сравнению с гражданами Таджикистана и Узбекистана – в силу преференций в рамках ЕАЭС, лучшего владения русским языком, большего опыта занятости в сфере услуг на родине, – обернулось недостатком. Будучи существенно меньше заняты в строительстве, по сравнению с выходцами из Таджикистана и Узбекистана, и лучше представлены в сферах, наиболее пострадавших от кризиса (гостиничном бизнесе,

Рис. Изменение занятости мигрантов разной квалификации из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана в январе – мае 2020 г., в % (январь 2020 г. = 100%)

Источник: Опрос, 2020А.

общепите, социальных и персональных услугах, на транспорте, коммунальном хозяйстве), они в массовом порядке лишались работы. Причем киргизские и узбекские высококвалифицированные мигранты оказались в худшем положении, чем работники средней и низкой квалификации¹ (рис.).

Почти половина трудовых мигрантов (47,5%) жаловались, что денег не хватает на самое необходимое, еще 23,0% могли продержаться без посторонней помощи не более 1–2 недель. Тех, кто больше боялся остаться без средств к существованию, было почти вдвое больше боящихся COVID-19 (Опросы 2020А и 2020Б).

В сложившейся катастрофической ситуации большинство трудовых мигрантов и не думали покидать российский рынок труда: отвечая в начале июня на вопрос о ближайших планах до сентября – октября 2020 г., 77,2% работающих и ищущих работу намеревались оставаться в России (табл. 1).

Даже среди мигрантов, не присутствующих на рынке труда (учащихся, пенсионеров, домохозяек и др.), большинство намеревались оставаться в России. Лишь 3,2% всех граждан среднеазиатских государств были готовы выехать на родину, как только восстановится транспортное сообщение.

На краткосрочные планы трудовых мигрантов влияли не только оценка ситуации на родине и дороговизна отъезда. Оптимизм и трудовых мигрантов в России, и потенциальных трудовых мигрантов вне России зиждился на оценке ситуации как временной и уверенности, что они смогут найти работу в принимающей стране. Особенно оптимистичны были потенциальные трудовые мигранты, находящиеся за ее пределами (табл. 2).

Их оптимизм имел основания: российский рынок труда весной 2020 г. покинули их основные конкуренты – граждане Украины, Молдовы и Белоруссии [Мкртчян, Флоринская, 2021: 18,19]. На 1 октября 2020 г. в Москве граждане Киргизии, Таджикистана и Узбекистана составляли 78% всех иностранцев из стран СНГ и 87% прибывших с целью работы². Постановка на миграционный учет в Москве в 2020 г. сократилась на 45,1% по сравнению

Таблица 1

Ближайшие планы на пребывание в / отъезд из России трудовых мигрантов из Средней Азии, в % от опрошенных

«Какие у вас ближайшие планы (до сентября – октября 2020 г.)?»	Опрос 2020А, N = 370	Опрос 2020Б, N = 218	Всего, N = 588*	Не работающие и не ищущие работу, N=169*	Итого, N = 757
Остаться в России	75,1	80,7	77,2	59,8	73,3
Вернуться в свою страну, там переждать трудности и потом приехать в Россию	10,3	7,3	9,2	16,0	10,7
Вернуться в свою страну насовсем	4,1	6,9	5,1	6,5	5,4
Нет ответа, затруднились ответить	10,5	5,0	8,5	17,8	10,6

Примечание. * Объединенный массив опросов 2020А и 2020Б.

Источники: опросы 2020А и 2020Б.

¹ Высококвалифицированные мигранты – образованные мигранты (уровни 5–8 по Международной стандартной классификации образования), которые должны быть заняты в группах 1–3, а средней и низкой квалификации – в группах 4–9 по ISCO-08.

² Данные УВМ г. Москвы, по запросу.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос: «Вы уверены, что найдете работу в России?»,
в % от опрошенных**

Варианты ответов	Находящиеся в России		Находящиеся за рубежом, планирующие работать в России**, N = 347
	работающие и ищущие работу*, N = 502	не работают и не ищут работу, но планируют работать в России*, N = 116	
Уверен(а), что сохраню прежнюю работу	47,6	49,1***	–
Уверен(а), что найду	20,8		68,0
Не уверен(а), что найду быстро	18,2	30,2	22,2
Не уверен(а), что вообще найду	3,9	7,8	1,7
Затрудняюсь ответить	9,5	12,9	8,1

Примечание. * Объединенный массив 2020А и 2020Б, ** опрос 2020А, *** вариант ответа «уверен, что быстро найду».

Источники: опросы 2020А, 2020Б.

с предшествующим годом, выдача разрешений на проживание – на 46,7%, оформление и выдача приглашений на въезд иностранцам – на 69%³.

Сократившееся предложение на рынке труда уже к исходу первой волны коронавируса спровоцировало дефицит рабочих рук. Отчасти это наблюдалось еще на дне кризиса: на транспорте и в складских хозяйствах, в домашних хозяйствах и строительстве оплата труда опрошенных мигрантов возросла соответственно на 10,5 и 3% в апреле по сравнению с допандемийным февралем. Об этом сигнализировал и Росстат: средняя зарплата россиян в транспортировке и хранении возросла в феврале – апреле на 10,5%, в административной деятельности – на 4%, в торговле – на 3,4%, в строительстве – на 0,7%⁴. Конкуренция среди рабочих в мае фактически отсутствовала, на одну размещенную вакансию приходилось одно резюме, тогда как среди медицинских работников, несмотря на продолжающуюся эпидемию, «конкурс» был выше – два резюме на место. При этом в своих резюме соискатели на рабочие специальности в мае запрашивали в среднем на 27% меньше денег, чем им были готовы предложить работодатели⁵.

Обследование, проведенное на пике второй волны пандемии, в ноябре 2020 г., продемонстрировало, что ожидания трудовых мигрантов оправдались: 85,6% работавших в феврале вернулись на те же рабочие места, которые они занимали до пандемии, а сменившие работу отмечали, что она лучше той, на которой они работали в феврале – 54,6%, либо примерно такая же – 18,2%, лишь 21,2% считали, что она хуже прежней, еще 6,1% не определились с ответом. При этом большинство респондентов (59,2%) не выказывали беспокойства, что они могут потерять работу, тревожные настроения были у 35,3% опрошенных, а 5,5% не определились. Ситуация на рынке труда была не очень плоха: доля безработных мигрантов составила 3,0%. Большинство иностранных работников были удовлетворены оплатой труда (69,6%),

³ Данные ГУВМ МВД России. ГУВМ МВД с начала 2024 г. закрыло доступ к ранее опубликованным данным.

⁴ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности в Российской Федерации с 2013 года // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 03.09.2024).

⁵ Ломская Т., Абакумова М. Время работяг: в каких профессиях теперь 23 человека на место, а где стали платить 500 000 рублей // Forbes. 04.06.2020. URL: <https://www.forbes.ru/karera-i-svooy-biznes/402181-vremya-rabotyag-v-kakih-professiyah-teper-23-cheloveka-na-mesto-gde> (дата обращения: 21.10.2020).

Таблица 3

**Оценка различными контингентами мигрантов в России шансов найти работу,
в % от ответивших**

Контингенты	Уверен, что сохраню прежнее место работы	Уверен, что найду	Не уверен, что быстро найду	Не уверен, что вообще найду	Затрудняюсь ответить	Итого
Работающие	64,4	27,8	5,8	0,5	1,3	100,0
Временно не работающие, ищущие работу	8,4	68,5	20,3	2,4	0,3	100,0
Другие	14,0	68,8	11,8	5,4	1,8	100,0
Итого	49,2	39,3	9,2	1,3	1,0	100,0

Примечание. Распределение ответов на вопрос: «Вы уверены, что найдете работу в России?»

Источник: опрос 2021.

не удовлетворены – 20,2% (остальные не определились). Еще выше была удовлетворенность условиями труда (75,1%), против 13,3% недовольных. В этих условиях зарплатные притязания трудовых мигрантов⁶ возросли: желательная оплата труда респондентов (медиана) была в 1,5 раза выше той, которую они получали. Немаловажную роль играло и то, что большинство трудовых мигрантов (57,8%) были уверены в наличии навыков или квалификации для выполнения более сложной работы (Опрос 2020В).

Обследование, проведенное после практически незамеченной третьей волны пандемии, пришлось на ноябрь 2021 г. – время пика самой серьезной четвертой волны. Отличительной характеристикой респондентов данного опроса явился безмерный оптимизм в отношении перспектив работы, ставший следствием все более явственного дефицита рабочих рук в мигрантском сегменте рынка труда. Отвечая на вопрос, уверены ли они, что найдут работу в России, трудовые мигранты сомневались лишь в том, сколько времени на это потребуется: не были уверены, что быстро найдут, 7,7% опрошенных. Сомнения в том, что вообще найдут работу, высказывали лишь 0,7% трудовых мигрантов, находящихся в России (53,5% выражали уверенность в сохранении рабочего места, 37,1% не сомневались, что найдут). При этом как безработные, так и последнее время не работающие, но собирающиеся выйти на рынок труда, мало сомневались в успешности поиска работы (табл. 3).

Аналогичные результаты были получены и среди потенциальных трудовых мигрантов, намеревающихся приехать на работу в Россию, – не были уверены в том, что найдут работу, только 1,2% респондентов.

Большинство потенциальных трудовых мигрантов за рубежом готовы были бы поехать в районы Сибири и Дальнего Востока при условии повышенной оплаты (в среднем 99 тыс. рублей в месяц). Среди трудовых мигрантов в России охочих до работы на Востоке страны было вдвое меньше (и это были в основном строители), а зарплатные притязания были существенно выше – 118 тыс. руб. При этом средняя оплата труда по России на момент опроса составляла 56 тыс. рублей (в Москве оплата наемных работников в 2023 г. – 99 тыс. рублей, в Московской области – 62 тыс. рублей)⁷.

⁶ Формулировка вопроса: «Какая должна быть оплата, чтобы вы на нее согласились?»

⁷ Рынок труда, занятость и заработная плата // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 05.09.2024).

Среднеазиатские трудовые мигранты после пандемии. В 2022–2023 гг. шоки, вызванные пандемией, постепенно сошли на нет (формально ВОЗ объявило о ее завершении 5 мая 2023 г.). Им на смену пришли новые, вызванными внешними санкциями после февраля 2022 г. и оттоком с рынка труда российских работников в связи с релокацией. На этом фоне сокращение притока трудовых мигрантов, усилившее дефицит рабочих рук⁸, особенно в строительстве, способствовало снижению удельного веса ищущих работу и готовых к ней приступить до 2,5%. В ситуации, когда спрос на рабочую силу очень высок, а предложение ограничено, мигранты в большинстве своем (60,8%) не беспокоились по поводу возможной потери работы, озабоченность выказывали лишь 27,1% опрошенных, 12,1% колебались с ответом.

Таблица 4

Возможности найти работу, адекватный заработок и достойная продолжительность рабочего времени: индикаторы достойного труда мигрантов и россиян

Индикатор	Киргизские мигранты	Таджикские мигранты	Узбекские мигранты	Мигранты из Средней Азии, всего	Москвичи*
Доля занятых в общей численности, %	93,6	90,7	93,3	95,0	65,8
Уровень безработицы, %	2,4	2,8	2,2	2,5	2,2
Безработица среди молодежи 15–24 лет, %	2,3	4,1	1,7	2,7	5,1**
Молодежь 15–24 лет, NEET, %	4,5	10,5	5,6	6,9	10,1**
в т.ч. мужчины	5,5	7,4	3,3	4,5	9,0
женщины	7,3	32,3	16,3	15,2	11,2
Работающие бедные	0,8	1,4	1,3	1,2	3,3***
Доля работников с низким уровнем заработной платы, %	25,4	36,0	31,0	30,5	26,1****
Доля занятых с чрезмерной продолжительностью рабочих часов, %	71,6	78,9	79,9	76,9	2,8**

Примечания. Курсивом выделены немногочисленные группы. NEET – молодежь, которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков (Not in Employment, Education or Training). Работающие бедные – доля работников с низким уровнем заработной платы (ниже 2/3 медианы почасового заработка работающих по найму российских работников). Доля занятых с чрезмерной продолжительностью рабочих часов – более 48 часов в неделю. **** Российские граждане, 2023 г.

Источник: Опрос 2023. * Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 1126 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 05.09.2024). ** Российские граждане – Индикаторы достойного труда за 2022 г. // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 05.09.2024). В Москве уровень безработицы в 2023 г. среди молодежи в возрасте 15–19 лет составил 4,6%, среди 20–29 лет – 2,9% (Социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации) 2024 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 09.09.2024).) *** Доля работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) с начисленной заработной платой ниже границы бедности трудоспособного населения Москвы // Росстат, 2023. URL: https://www.google.com/search?q=3-3-1_2023.doc&oq=3-3-1_2023.doc&gs_lcrp=EgZjaHJvbWUyBggAEEUYOTIGCAEQIxn0gEIMzM3MWowajmoAgCwAgA&sourceid=chrome&ie=UTF-8 (дата обращения: 14.10.2024).

⁸ Дефицит работников списочного состава возрос к концу 4-го квартала 2023 г. на 36,3% по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. (Движение работников списочного состава по организациям г. Москвы, не относящимся к субъектам малого предпринимательства // Москомстат. URL: <https://77.rosstat.gov.ru/folder/64639> (дата обращения: 15.11.2024)).

С доступом к рынку труда у среднеазиатских мигрантов нет особых проблем. Доля молодежи, которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков, также невелика, особенно среди мужчин; среди молодых женщин она выше, чем среди россиянок, что может являться следствием более раннего возраста заключения брака и рождения детей с сопутствующими семейными заботами. (Кроме того, молодые среднеазиатские женщины более образованы, чем мужчины, – высшее и неполное высшее образование имеют 12% женщин и лишь 9,1% мужчин этого возраста, – что снижает вероятность того, что они будут работать по низкоквалифицированным профессиям). По многим позициям положение трудовых мигрантов выглядит даже более благополучным в сравнении с российскими гражданами (с поправкой на существенные различия в возрастном составе мигрантов и россиян, отражающихся на занятости этих контингентов) (табл. 4).

Доля работников с низкими заработками соизмерима с аналогичным показателем россиян, а доля работающих бедных даже ниже, чем среди москвичей. И рабочие места их вроде устраивают: 79,8% опрошенных удовлетворены заработной платой (не удовлетворены – 11,8%), довольны условиями труда – 83% (недовольны – 7,3%). Но сравнение оплаты труда мигрантов с зарплатами москвичей, а не российских граждан в целом, кардинально меняет картину: доля работников с низким уровнем зарплаты возрастает примерно в 2,5 раза. И эти, не столь уж впечатляющие заработки на фоне москвичей, сопряжены с несоизмеримо более высокой трудовой нагрузкой: средняя продолжительность рабочей недели мигрантов составляет почти 60 часов.

Другая проблема – качество рабочих мест. Большинство мигрантов считает, что у них есть навыки и квалификация для выполнения более сложной работы, чем та, которая у них есть – 54,2%; только треть (33,5%) считает, что они не могли бы выполнять более сложную работу, еще 12,2% уклонились от ответа. Анализ занятий среднеазиатских мигрантов подтверждает их субъективное восприятие рабочих мест (табл. 5).

Структура занятости мигрантов кардинально отличается от структуры занятости российских работников, и особенно москвичей. Лишь около 3% последних являются неквалифицированными рабочими (заняты там, где требуется лишь начальное образование), тогда

Таблица 5

Распределение работающих мигрантов разных государств по группам занятий, в %

Профессионально-должностная группа	Граждане Киргизии	Граждане Таджикистана	Граждане Узбекистана	Итого
1. Руководители	1,0	0,1	-	0,4
2. Специалисты-профессионалы	1,0	0,4	0,6	0,7
3. Специалисты-техники и иной средний специальный персонал	2,9	2,8	2,5	2,7
4. Служащие, занятые подготовкой документации, учетом и обслуживанием	0,3	0,4	0,6	0,4
5. Работники сферы обслуживания и торговли	37,5	18,1	20,8	25,6
7. Квалифицированные рабочие	7,0	17,7	16,9	13,9
8. Операторы и сборщики промышленных установок и машин	8,4	5,1	5,6	6,4
9. Неквалифицированные рабочие	41,7	55,3	53,1	50,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание. Без группы 6. Квалифицированные работники сельского хозяйства.

Источник: Опрос 2023.

Таблица 6

**Структура занятости по основным видам экономической деятельности работающих граждан
Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, в % ответивших**

Вид экономической деятельности	Граждане Киргизии	Граждане Таджикистана	Граждане Узбекистана	Москвичи*	Справочно: месячная зарплата москвичей, тыс. руб.*
Обрабатывающие производства	2,5	2,3	1,7	7,7	112,5
Строительство	7,4	22,4	24,3	7,0	92,8
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспорта и бытовых изделий	29,2	23,6	22,7	17,8	103,5
Транспортировка и хранение	19,0	13,9	13,8	6,9	105,3
Гостиницы и рестораны	11,5	6,1	7,3	2,3	57,0
Деятельность административная и сопутствующие услуги	14,3	22,8	22,6	4,9	71,2
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	–	–	–	4,8	124,9
Образование	0,2	0,4	–	6,1	129,3
Здравоохранение и социальные услуги	2,8	1,6	0,5	6,4	124,1
Предоставление прочих услуг	9,5	1,6	3,7	1,0	94,2
Итого	96,4	94,7	96,6	64,9	105,4**

Источник: Опрос 2023. * Численность и начисленная заработная плата работников, ноябрь 2023 года // Мосстат, 2024. URL: <https://77.rosstat.gov.ru/folder/64639> (дата обращения: 12.10.2024). ** По пересчету по ВЭД. По всем ВЭД – 128,8 тыс. рублей (Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по субъектам Российской Федерации с 2019 года, рублей // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 12.10.2024)).

как среди мигрантов – половина. И, напротив, свыше половины москвичей (53,2%⁹) заняты на рабочих местах, требующих высокой квалификации (группы 1–3 по ISCO-08), в то время как среднеазиатские мигранты на таких должностях встречаются гораздо реже. Хотя уровень образования среднеазиатских мигрантов не столь низок, чтобы концентрироваться на рабочих местах, не требующих соответствующего образования, 87,9% работников с высшим образованием заняты там, где их квалификация не востребована («сверхквалификация»), в т.ч. 29,5% из них – неквалифицированные рабочие. Излишняя квалификация еще более характерна для работников со средним образованием, свыше половины которых трудится в России неквалифицированными рабочими. Отметим, что имеет место и обратное: почти треть работников без среднего образования заняты на местах, где такое образование требуется.

Структура видов экономической активности среднеазиатских мигрантов существенно отличается от аналогичной структуры российских работников. Во-первых, занятость москвичей более диверсифицирована: в представленных в табл. 6 видах экономической деятельности занято 64,9% жителей Москвы и 96,3% выходцев из Средней Азии. Во-вторых, среднеазиатские мигранты чаще москвичей заняты в сфере услуг (кроме госуправления, военной безопасности, социальных услуг, образования и здравоохранения), строительстве, реже – в обрабатывающих производствах, практически отсутствуют в сферах информации

⁹ Обследование рабочей силы 2023 // Росстат. Табл. 6.5, 6.31а. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 14.10.2024).

и связи, финансовой и страховой деятельности, профессиональной, научной и технической деятельности. В-третьих, они концентрируются в хуже оплачиваемых сферах.

Одновременно отмечаются существенные различия в структуре занятости граждан Киргизии, с одной стороны, и Таджикистана, Узбекистана – с другой. Граждане Киргизии больше заняты в торговле, транспортировке и хранении, гостиничном бизнесе и общепите, здравоохранении, прочих услугах, и реже – в строительстве, административной деятельности. Труд в транспортировке и хранении оплачивается средне, но гостиничный и ресторанный бизнес, торговля, прочие услуги – аутсайдеры по оплате труда в московской экономике (табл. 6). Высокая занятость киргизстанцев в этих видах экономической активности – результат того, что они занимают лучше оплачиваемые рабочие места, чем граждане Таджикистана и Узбекистана, – следствие предпочтений как граждан страны-члена ЕАЭС и лучшего владения русским языком. И, напротив, у них нет особых стимулов работать на обрабатывающих производствах, в строительстве, где они не имеют конкурентных преимуществ перед мигрантами из Таджикистана и Узбекистана, и уж тем более в плохо оплачиваемых административной деятельности и сопутствующих услугах (табл. 7).

Среднеазиатские мигранты демонстрируют высокую мобильность на рынке труда, меняя виды экономической активности и занятия. Особую активность проявили трудовые мигранты, начавшие работать в Москве во время пандемии (а это 40,3% всех респондентов). Будучи молодыми (71,7% – до 30 лет, 86,6% – до 40 лет), не очень образованными (71,4% – со средним и ниже среднего уровнем образования), чаще всего еще не обзаведшимися семьей (60,5% не состоят в браке), они исключительно мобильны. Треть из них (30,4%) успели поменять работу за то короткое время, что трудятся в Москве. И в целом среди мигрантов из Средней Азии смена занятий идет достаточно интенсивно: сменили профессионально-должностную группу четверть респондентов, работавших в Москве, причем преобладает восходящая мобильность¹⁰. При этом фиксируется более низкая

Таблица 7

Почасовая оплата мигрантов различных стран по видам экономической деятельности, руб./час, медиана, ответившие

Вид экономической деятельности	Граждане Киргизии	Граждане Таджикистана	Граждане Узбекистана
Обрабатывающие производства	272	271	270
Строительство	307	307	279
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспорта и бытовых изделий	263	206	230
Транспортировка и хранение	319	287	287
Гостиницы и рестораны	255	197	249
Деятельность административная и сопутствующие услуги	216	226	239
Здравоохранение и социальные услуги	352	219	255
Предоставление прочих услуг	345	283	265
Деятельность домашних хозяйств	319	301	238
Итого	279	253	260

Источник: Опрос 2023.

¹⁰ Классификация занятий по ISCO-08 не дает представления об иерархии занятий. Использован подход, апробированный Е. Варшавской и М. Денисенко [2019] и Г. Монусовой [2022: 193–194], согласно которому группа 4 (Работники торговли и сферы обслуживания) смещается вниз перед группой 9 (Неквалифицированные рабочие). Нарушение классификации нефизический/ физический труд компенсируется иерархией оплаты труда, в большинстве случаев не требующего квалификации среди работников торговли и сферы обслуживания.

Таблица 8

**Мобильность работающих граждан Киргизии, Таджикистана и Узбекистана,
% от ответивших**

Гражданство	Работающие	в т.ч. меняли работу	из них меняли занятие		
			всего	восходящая мобильность	нисходящая мобильность
Киргизия	100,0	53,0	25,2	17,9	7,3
Таджикистан	100,0	55,5	25,8	18,8	7,0
Узбекистан	100,0	49,4	21,6	14,9	6,7
Итого	100,0	52,3	24,0	17,0	7,0

Источник: Опрос 2023.

Таблица 9

**Оплата труда и доля неквалифицированных рабочих среди респондентов, различающихся
мобильностью, ответившие**

N	Мобильность	Оплата труда*	Доля неквалифицированных рабочих**
2671	Все работающие	264	50,1
1271	в т.ч. не меняли работу	255	53,7
1399	меняли работу	268	46,8
758	в т.ч. меняли работу, не меняли занятие	268	68,3
641	в т.ч. меняли работу, меняли занятие	274	21,4
455	с восходящей мобильностью	287	–
284	восходящая мобильность, меняли ВЭД	287	–
168	восходящая мобильность, не меняли ВЭД	287	–
186	с нисходящей мобильностью	259	73,7
149	нисходящая мобильность, меняли ВЭД	262	73,2
33	нисходящая мобильность, не меняли ВЭД	240	75,8

Примечания. *Среднечасовая оплата труда, руб., медиана; ** группа 9 по ISCO-08, %

Источник: опрос 2023.

мобильность узбекистанцев, менее образованных и позже граждан Таджикистана и Киргизии пришедших на российский рынок труда (табл. 8).

Восходящая вертикальная мобильность – залог лучшей оплаты и условий труда. Респонденты, перешедшие в более статусную профессионально-должностную группу, получают наиболее высокую оплату труда – в среднем на 12,6% выше, чем не менявшие занятие. В худшем положении работники с нисходящей вертикальной мобильностью, почти $\frac{3}{4}$ из которых переходят в группу неквалифицированных рабочих. Однако те из них, кто меняет вид экономической деятельности, находятся в лучшем положении, чем не решающиеся на такой шаг: разрыв в оплате труда первых и вторых составляет 9,2% (табл. 9).

Межсекторальная мобильность существенно выше вертикальной: меняли вид экономической деятельности более трети работающих мигрантов (34%), тогда как занятие – 24% работников. Мигранты активно покидают торговлю и сферу административной деятельности, где их оплата труда минимальна, перемещаясь в виды экономической деятельности с более высокой заработной платой: обрабатывающие производства,

Таблица 10

**Виды экономической деятельности, доля неквалифицированных рабочих и оплата труда
по видам экономической деятельности, 2023 г., ответившие**

Вид экономической деятельности	Все работающие, %	В т.ч. менявшие работу, %	Доля неквалифи- цированных рабочих, %	Работающие свыше 48 часов в неделю, %	Почасовая оплата, руб., медиана
Обрабатывающие производства	2,0	2,6	47,3	61,8	271
Строительство	18,2	19,2	39,0	79,9	287
Оптовая и розничная торговля; ремонт авто- транспорта и бытовых изделий	22,5	20,2	32,4	79,9	230
Транспортировка и хранение	18,6	21,0	69,5	89	307
Гостиницы и рестораны	8,2	8,7	21,0	77,2	240
Деятельность административная и сопутству- ющие услуги	20,3	18,5	88,9	60,4	230
Здравоохранение и социальные услуги	1,6	1,9	37,5	45,2	326
Предоставление прочих услуг	5,0	3,1	8,1	70,4	315
Деятельность домашних хозяйств	1,4	2,0	16,2	78,4	296
Итого, включая прочие	100,0	100,0	50,1	75,9	263

Источник: опрос 2023.

транспортировка и хранение, здравоохранение, деятельность домашних хозяйств (табл. 10).

Ситуация в строительстве не столь однозначна: несмотря на то что в долгосрочном плане доля занятых здесь мигрантов снижается, менявшие работу иностранцы часто перемещаются именно в эту сферу. Оплата труда имеет значение, как и то, что многие иностранные работники пришли в отрасль во время пандемии, когда строительство было наиболее устойчивой сферой деятельности. Но значимо и то, что труд в строительной отрасли позволяет многим работникам повысить свой профессионально-должностной статус: почти у четверти работающих в строительстве (24,4%) зафиксирована восходящая мобильность. Небольшая доля ухудшивших свой статус, сочетающаяся с высоким удельным весом внутрисекторальной вертикальной мобильности, позволяет говорить о строительстве как об отрасли с наибольшими перспективами карьерного роста в исследуемом периоде.

По этой же причине фиксируется относительная привлекательность работы в гостиничном бизнесе и общепите, где, несмотря на низкую оплату труда, почти четверть работников повысили свой профессионально-должностной статус и где доля неквалифицированных рабочих составляет лишь 21%.

Сфера транспортировки и хранения неплохо оплачивается. Однако в отрасли преобладает нисходящая мобильность, крайне низка внутрисекторальная мобильность, продолжительность рабочей недели чрезмерна, а среди занятых мигрантов много неквалифицированных рабочих¹¹. Все это роднит ее со сферой административной деятельности

¹¹ Среди занятых в сфере транспорта и хранения 28,7% – курьеры без машин, среди занятых в административной деятельности 33,8% – дворники и уборщицы.

Таблица 11

Мобильность работников по видам экономической деятельности, в % ответивших

Вид экономической деятельности	Меняли работу	В т.ч. с начала пандемии	Доля работников ВЭД с восходящей мобильностью	Доля работников ВЭД с нисходящей мобильностью	Внутрисекторальная вертикальная мобильность
Обрабатывающие производства	84,2	60,0	30,9	9,1	10,9
Строительство	66,3	43,3	24,4	3,5	16,6
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспорта и бытовых изделий	52,0	27,2	19,9	4,7	9,8
Транспортировка и хранение	40,0	22,2	12	13,5	3,4
Гостиницы и рестораны	57,1	41,1	23,7	5,0	6,4
Деятельность административная и сопутствующие услуги	34,7	18,3	5,0	9,4	3,3
Здравоохранение и социальные услуги	53,1	9,1	23,8	...	...
Предоставление прочих услуг	19,6	8,5	15,5	...	...
Деятельность домашних хозяйств	71,0	40,0	40,5	...	...
Итого, включая прочие	52,1	29,3	17,1	7,0	7,5

Примечание. <...> – единичные случаи.

Источник: опрос 2023.

и сопутствующих услуг, где ситуация не лучше, а оплата труда минимальна (табл. 10, 11). В этих видах экономической активности концентрируются наихудшие рабочие места, где работают 61,8% неквалифицированных рабочих и куда приходят либо совсем неквалифицированные мигранты, либо не удержавшиеся на лучших профессионально-должностных позициях.

Напротив, низкая доля перемещающихся на рабочие места в сфере прочих услуг с неплохой оплатой труда вызвана высокой конкуренцией в этой сфере, о чем свидетельствуют крайне низкая доля неквалифицированных рабочих, большой удельный вес работников с восходящей мобильностью и ограниченная внутрисекторальная мобильность. (Отмечалось, что наибольшая мобильность характерна для секторов, где не требуются особые знания и навыки. Учитывая, что трудовые мигранты сконцентрированы в видах экономической деятельности, где требования к квалификации низки, не должно удивлять, что межсекторальная мобильность у среднеазиатских мигрантов существенно выше, чем у россиян [Вакуленко, 2020]. Неспроста наиболее мобильны самые квалифицированные и образованные мигранты: если среди не имеющих и среднего образования меняли работу 35,9%, то среди мигрантов с высшим/неполным высшим образованием – 60,4%.)

Несмотря на позитивные изменения (сокращение разрыва в оплате труда иностранных работников и россиян, улучшение условий труда мигрантов, более цивилизованные отношения с работодателями), нет оснований полагать, что граница между мигрантским и немигрантским сегментами российского рынка труда [Варшавская, Денисенко, 2019] размывается. И в этом сложно винить работодателей, во всех опросах в подавляющем большинстве выражающих заинтересованность в использовании иностранной рабочей

силы, не собирающихся дискриминировать трудовых мигрантов в оплате труда и при вынужденных увольнениях. Осенью 2023 г. 58% работодателей заявили, что точно будут использовать труд иностранцев в следующем году (в опросе 2021 г. таковых было 47%), 29,0% – скорее будут использовать.

Федеральными властями регулируется доступ иностранных граждан к отдельным видам экономической активности. Запрещен допуск иностранных работников к розничной торговле в аптеках, нестационарных торговых объектах и на рынках, прочая розница вне магазинов и палаток на рынках, действуют серьезные ограничения на работу трудовых мигрантов в розничной торговле алкоголем и табачными изделиями (допустимая доля иностранных работников не более 15%). Более лояльно отношение к занятости мигрантов в овощеводстве (допустимая доля – 50%) и уж совсем благоприятное – к занятости иностранцев в строительстве (80%). С 2021 г. вводится квота на работу в лесоводстве и лесозаготовках (50%), эксплуатации жилого и нежилого фонда, деятельности по обслуживанию зданий и территорий, где концентрируются работники ЖКХ, клининга (70%). На фоне этих «ступенчатых» квот выделяется целенаправленное снижение допустимой доли иностранцев в пассажирских перевозках (с 50% в 2015 г. до 24% в 2024 г.) и на грузовом транспорте – с 35% в 2016 г. до 24% в 2024 г.

Самое интересное – исключения из правил. При том что доля иностранных работников в строительстве не может превышать 80%, за последние 10 лет не было никаких ограничений по их занятости в строительстве в Москве, Амурской области, в 2023–2024 гг. – в Бурятии. Чудный метания Краснодарского края, где в 2020–2021 гг. отказались было от всяких ограничений, но в 2022 г. допустимая доля иностранцев в строительстве была установлена в 60%, а в 2023–2024 гг. – в 50%. С 2021 г. допустимая доля иностранцев в строительстве снижена и в трудоизбыточном Дагестане (до 50%).

Настораживают ограничения доступа среднеазиатских мигрантов к отдельным видам экономической активности в регионах, в последнее время направленные исключительно на трудовых мигрантов из Узбекистана и Таджикистана и, следовательно, приобретающие признаки дискриминации: власти субъектов РФ вправе ежегодно устанавливать запреты на привлечение иностранных граждан, работающих на основании патентов, подавляющее большинство которых – среднеазиатские мигранты. (Ограничения не распространяются на граждан Киргизии как страны – члена ЕАЭС.)

Действия властей часто определяются не социально-экономическими мотивами, а стремлением угодить ксенофобским настроениям населения. Этим объясняется как расширение географии ограничений (если в относительно благополучном 2019 г. они действовали в 12 субъектах, то в 2024 г. – в 41 регионе), так и шквал видов экономической активности, подпадающих под ограничения, особенно в сферах, где мигранты контактируют с местным населением. (В 2025 г. к уже привычным сферам ограничений и запретов в регионах добавились в т.ч.: образование, здравоохранение, социальное обеспечение, трудоустройство, уход за детьми, курьерская служба, деятельность стоянок, охранных служб и др.) Сон Ха Джу, анализировавший секторальные запреты в 83 российских регионах, прямо утверждает, что региональные власти устанавливают запреты на использование труда мигрантов в секторах, которые не зависят от иностранной рабочей силы, а ограничения вводятся исключительно для того, чтобы апеллировать к общественным антимигрантским настроениям [Joo, 2022].

Заключение. Адаптивные способности трудовых мигрантов особенно наглядно проявились во время неординарных экономических шоков 2020-х гг. Среднеазиатские трудовые мигранты, не стремящиеся покидать российский рынок труда, выражали уверенность в быстром возвращении на рабочие места во время локдаунов и массовых увольнений. Они вернулись к работе уже после первой волны пандемии, освоив новые ниши на рынке труда. Полученный опыт, высокая межсекторальная мобильность, сопровождаемая и существенной восходящей мобильностью, позволили им в дальнейшем очень оптимистично оценивать свои шансы на работу в России.

Диверсификация видов экономической деятельности, сокращение разрыва в заработной плате с российскими гражданами, улучшение условий труда, – наиболее видимые результаты адаптации трудовых мигрантов к изменениям рынка труда. Важными индикаторами адаптации к экономическим трансформациям является диверсификация направлений трудовых миграций, освоение нетрадиционных локальных рынков труда, распространенность неформальной нелегальной занятости – темы, заслуживающие внимательного анализа, но не рассматриваемые в настоящей статье.

Наиболее серьезными проблемами российского рынка труда, не способствующими адаптации к нему трудовых мигрантов, остаются его сегментация с сопутствующей сверхквалификацией, недоиспользованием человеческого капитала, постоянные колебания государственной миграционной политики, дискриминационные практики доступа среднеазиатских мигрантов к отдельным секторам экономики, стремление регулировать миграционные потоки, не принимая в расчет интересы работодателя, ключевого актора миграционной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вакуленко Е.С. Сравнительный анализ межрегиональной и межсекторной мобильности в России // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 4. С. 1193–1207. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-13.
- Варшавер Е., Иванова Н., Рочева А. Положение мигрантов в России во время пандемии коронавируса (COVID-19): результаты опроса. РАНХиГС. 2020. С. 81. URL: http://mer-center.ru/_id/1/169_06-07-2020-vars.pdf (дата обращения: 08.07.2023).
- Варшавская Е.Я., Денисенко М.Б. Квалификационная мобильность мигрантов в России // Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 63–80. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-11-63-80.
- Денисенко М.Б., Мукомель В.И. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. 2020. № 7(3). С. 84–107. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11637 (дата обращения: 08.07.2024).
- Капелюшников, Р.И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов: препринт WP3/2023/02. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023.
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграция: основные тренды января-февраля 2021 года // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2021. № 10 (142). Июнь / Под ред. В.С. Гуревича, С.М. Дробышевского, А.В. Колесникова, В.А. Мау, С.Г. Синельникова-Мурылева; Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации. URL: <https://www.iep.ru/ru/monitoring/migratsiya-osnovnye-trendy-yanvarya-fevralya-2021-goda.html> (дата обращения: 07.09.2023).
- Монусова Г.А. Трудовая мобильность мигрантов: адаптация и/или интеграция // Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / Отв. ред. В.И. Мукомель, К.С. Григорьева. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. С. 185–221. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022.
- Мукомель В.И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда: до пандемии // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 63–75. DOI: 10.31857/S013216250017014-8.
- Полетаев Д.В. Занятость трудящихся-мигрантов из Средней Азии в России по время пандемии COVID-19 // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. N11(5). С. 21–34. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-21-34.
- Рязанцев С.В., Касымов О.К., Вазиров З.К., Гарибова Ф.М. Влияние пандемии COVID-19 на положение мигрантов из Таджикистана на российском рынке труда // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Том 2. № 4. С. 45–57. DOI: 10.19181/demis.2022.2.4.3. (In English)
- Joo S.H. Building fences? Sectoral Immigration Bans in Russian Regions. *Post-Soviet Affairs*. 2022. № 38(5). P. 410–426. DOI: 10.1080/1060586X.2021.201304.
- Ryazantsev S., Vazirov Z., Khranova M., Smirnov A. The Impact of the Covid-19 Pandemic on the Position of Labor Migrants from Central Asia in Russia. *Central Asia and the Caucasus*. 2020. Vol. 21. Iss. 3. P. 58–70. DOI: 10.37178/ca-c.20.3.06.

Статья поступила: 22.10.24. Финальная версия: 23.11.24. Принята к публикации: 25.11.24.

CENTRAL ASIAN MIGRANTS AT THE RUSSIAN LABOR MARKET DURING AND AFTER PANDEMIC

MUKOMEL V.I.

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Vladimir I. MUKOMEL, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher, Head of the Center for the Study of Interethnic Relations, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (mukomel@isras.ru).

Abstract. The processes of adaptation of Central Asian labor migrants to the transformations in the Russian labor market during the pandemic and after its end are analyzed. Particular attention is paid to the latter period, when foreign workers were forced to adapt to extraordinary changes in the labor market as a result of foreign policy sanctions after February 2022 and the resulting reduction in the labor force after the start of the military operation. During the pandemic, migrants adapted to the transformations of the Russian labor market, not seeking to leave the Russian labor market, hoping for a quick return to jobs despite lockdowns and mass layoffs, which they managed after the first wave of the pandemic. The vertical and intersectoral mobility of Central Asian migrants is analyzed. The achievements of migrants from Central Asian countries (diversification of economic activities, reduction of the wage gap with Russian citizens, improvement of working conditions and transformation of relations with employers) were largely due to their high mobility during the pandemic. Serious problems of the Russian labor market remain its segmentation with the accompanying overqualification, underutilization of human capital, discriminatory practices limiting access to specific types of economic activity. The article is based on sociological surveys of labor migrants from Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan conducted in 2020–2023.

Keywords: migrant workers, labor market, types of economic activity, occupations, vertical mobility, intersectoral mobility, wages, discriminatory practices, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan.

REFERENCES

- Denisenko M., Mukomel V. (2021) Labor Migration in Russia During the Coronavirus Pandemic. *Demographic Review*. 7(5): 42–62. DOI: 10.17323/demreview.v7i5.13197.
- Kapeliushnikov R. (2023) *The Russian Labor Market: a Statistal Portrait on the Background of Crises*: Working paper WP3/2023/02. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
- Joo S.H. (2022) Building Fences? Sectoral Immigration Bans in Russian Regions. *Post-Soviet Affairs*. 38(5): 410–426. DOI: 10.1080/1060586X.2021.2013047.
- Mkrтчian N., Florinskaya Yu. (2021) Migration: Main Trends for January-February 2021. *Monitoring of Russia's Economic Outlook. Trends and Challenges of Socio-Economic Development*, Gaidar Institute for Economic Policy. Issue 10, June. (In Russ.)
- Monusova G.A. (2022) Labor Mobility of Migrants: Adaptation and/or Integration. *Adaptation and Integration of Migrants in Russia: Challenges, Realities, Indicators*. Ed. by V.I. Mukomel, K.S. Grigorieva. Moscow: FNIS RAS: 185–221. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022. (In Russ.)
- Mukomel V.I. (2022) Central Asian Migrants at the Russian Labor Market: Before the Pandemic. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 63–75. (In Russ.)
- Poletaev D.V. (2021) Employment of Central Asian Migrant Workers in Russia During the COVID-19 Pandemic. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. No. 11(5): 21–34. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-21-34. (In Russ.)
- Ryazantsev S., Vazirov Z., Khranova M., Smirnov A. (2020) The Impact of the Covid-19 Pandemic on the Position of Labor Migrants from Central Asia in Russia. *Central Asia and the Caucasus*. Vol. 21. Iss. 3: 58–70. DOI: 10.37178/ca-c.20.3.06.
- Ryazantsev S.V. (2022) The Impact of COVID-19 on Tajik Migrants in the Russian Labour Market / S.V. Ryazantsev, O.K. Kasymov, Z.K. Vazirov, F.M. Garibova. *DEMIS. Demographic Research*. Vol. 2. No. 4: 45–57. DOI: 10.19181/demis.2022.2.4.3. (In Russ.)
- Vakulenko E.S. (2020) Comparative Analysis of Interregional and Intersectoral Mobility in Russia. *Ekonomika regiona*. No.16(4): 1193–1207. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-13. (In Russ.)
- Varshaver E., Ivanova N., Rocheva A. (2020) *The Situation of Migrants in Russia During the Coronavirus Pandemic (COVID-19): Survey Results*. Russian Academy of National Economy and Public Administration. URL: http://mer-center.ru/_ld/1/169_06-07-2020-vars.pdf. (accessed 07.08.2023). (In Russ.)
- Varshavskaya E.Y., Denisenko M.B. (2019) Immigrant Occupational Mobility in Russia. *Voprosy Ekonomiki*. No. 11: 63–80. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-11-63-80. (In Russ.)

Received: 22.10.24. Final version: 23.11.24. Accepted: 25.11.24.

А.А. ЭНДРЮШКО

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ ИЗ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН: АДАПТАЦИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ И УСТАНОВКИ НА ИНТЕГРАЦИЮ

ЭНДРЮШКО Анна Александровна – кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (anna.endryushko@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу адаптации в российском обществе и интеграционных установок двух групп внешних мигрантов: образовательных и молодых трудовых (возраст 16–30 лет). На материалах трех социологических исследований граждан из постсоветских государств (2017, 2020, 2023 гг.) рассматриваются социально-экономические и социокультурные аспекты адаптации в российском обществе образовательных и трудовых мигрантов, сравниваются их установки на интеграцию, которые предполагают не только желание остаться жить в России, но и поиск точек соприкосновения между родной культурой и культурой принимающего общества. Показано, что по ряду показателей (основным из них является хорошее знание русского языка) образовательные мигранты лучше адаптируются к принимающему социуму, чем трудящаяся иностранная молодежь. У них более долгосрочные планы в России, а намерения идут дальше поверхностного приспособления. В то же время, имея социальный капитал, они более требовательны к социальной среде, которая будет окружать их в новом обществе. Их планы могут быть более гибкими и ситуативными, чем у трудовых мигрантов, в том числе относительно переориентации на другие страны.

Ключевые слова: иммиграция • образовательная миграция • трудовая миграция • адаптация мигрантов • интеграционные установки • иностранные студенты • общероссийская идентичность • межэтнические установки

DOI: 10.31857/S0132162524120069

Введение. Значительная доля мировых миграционных потоков (они достигли 281 млн человек¹) приходится на молодежь², чье передвижение имеет важное демографическое, экономическое, социальное и культурное значение. «Беспрецедентные подвижности» молодых людей порождает сфера образования [Kong, 2013]. Число иностранных студентов в мире достигло 6,39 млн человек³, лидерами по их приему являются США, Великобритания, Канада, Франция, Австралия, Германия⁴.

---

¹ International organization for migration. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/msite/wmr-2024-interactive/> (дата обращения: 21.05.2024).

² Возрастные границы понятия «молодежь» различаются в миграционной статистике и терминологии разных стран, поэтому сложно оценить масштабы этого явления. По данным ООН, в 2019 г. 14% всех международных мигрантов (около 38 млн человек) были в возрасте до 20 лет. См.: World migration report. 2020. P. 236. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (дата обращения: 21.05.2024).

³ World migration report. 2024. P. 40. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2024> (дата обращения: 21.05.2024).

⁴ Global Flow of Tertiary-Level Students. Institute for Statistics UNESCO. URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (дата обращения: 21.05.2024).

Россия также является принимающей страной для иммигрантов трудовых и образовательных. В 2022 г. она заняла шестое место в мире по количеству иностранных студентов (более 350 тыс. человек). За последние годы их число планомерно увеличивалось⁵. Целевым показателем к 2030 г. является цифра в 500 тыс.⁶

В ситуации демографических (убыль населения) и экономических (дефицит рабочей силы) вызовов, с которыми сталкивается Россия, трудовая и образовательная миграция в Концепции миграционной политики⁷ обозначается как важная для страны. В отличие от трудовой миграции, особенно низкоквалифицированной, отношение к которой в принимающем обществе часто неоднозначно (порой враждебно), студенты из других государств воспринимаются более положительно, поскольку предполагается, что образовательная миграция ограничена сроком обучения, после которого иностранные студенты покинут страну или будут заняты в экономике как высококвалифицированные специалисты. Негативный дискурс в российских СМИ, особенно актуализировавшийся вокруг вопросов национальной безопасности в последние месяцы, направлен исключительно на трудовых иммигрантов, иностранные студенты в нем не фигурируют.

Иностранные студенты и трудовые иммигранты – группы с разными целями миграции, социальным капиталом, жизненными планами. Сравнительный анализ процессов адаптации этих групп мигрантов, выявление общих и специфических проблем, с которыми они сталкиваются, позволяет глубже понять специфику их встраивания в российское общество и разработать более эффективные меры государственной миграционной политики.

Исследования внешней образовательной миграции в России довольно распространены и затрагивают такие темы, как адаптация иностранных студентов к российским вузам [Ишкинеева и др., 2017] и влияние международной миграции на учебные заведения страны [Лебедева, 2022], образовательные траектории [Деминцева, 2016] и карьерные планы иностранцев [Хороших, Логачева, 2021], потенциал учебной миграции из стран СНГ в Россию [Гаврилов и др., 2012; Полетаев, 2012; Полетаев и др., 2014]. Уделяется внимание правовым аспектам образовательной миграции [Скоробогатова, 2021; Шитова, 2020]. Обсуждается образовательная миграция в контексте пандемии COVID-19 [Рязанцев, Очирова, 2021; Тарадина и др., 2021].

Несмотря на широкое изучение образовательной миграции, за редким исключением отсутствуют исследования, в которых бы сравнивалась адаптация и интеграция образовательных и трудовых мигрантов. В качестве исключений можно назвать исследование А.Л. Рочевой и Е.А. Варшавера [2020], посвященное планам на переезд иностранных студентов, работающих мигрантов, мигрантов второго и полуторного поколения и местных жителей. Авторы концентрируются на этнической принадлежности респондентов и миграционном бэкграунде⁸, анализируя факторы, влияющие на миграционные намерения. Выявлено, что иностранные студенты рассматривают образование и как возможность остаться в стране приема, и как «трамплин» для дальнейшей миграции в более экономически развитые страны. Значимым фактором миграционных намерений для работающих иностранцев выступает доход, для обучающихся – уверенность, что они смогут найти хорошую работу [там же]. Следует упомянуть исследование социально-психологической

⁵ Число иностранных студентов в России за три года выросло на 26 тысяч. Министерство образования и науки РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46158/> (дата обращения: 23.05.2024).

⁶ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 07.10.2024).

⁷ Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/copy/58986> (дата обращения: 07.10.2024).

⁸ Наличие гражданства РФ для категории «мигранты» включается в регрессионную модель как один из факторов. Сделан вывод о его незначимости в вопросах миграционных намерений.

направленности [Краснощеченко, Ковдюк, 2015], в котором на основе личностных тестов анализируется социальная адаптация студентов-мигрантов и трудовых мигрантов (без поправки на возраст последних). Делается вывод о более высоком уровне адаптированности студентов-иностранцев по сравнению с иностранными работниками. Такой результат авторы объясняют сложившейся в последние годы в российских вузах практикой адаптации студентов-первокурсников, которая для иностранцев «облегчает и ускоряет вхождение в новую социокультурную среду вуза и региона, снижает стресс аккультурации...» [там же: 40].

В нашем исследовании мы хотим сравнить адаптацию в российском обществе и установках на интеграцию образовательных мигрантов и трудящейся иностранной молодежи (16–30 лет) из постсоветских стран. Мы предполагаем, что, во-первых, иностранные студенты лучше адаптируются к принимающему обществу, чем трудящаяся молодежь из числа мигрантов в силу наличия большего социального капитала (программы по адаптации в образовательном учреждении, поддержка родителей на период обучения); во-вторых, образовательные мигранты имеют более долгосрочные планы в принимающей стране по сравнению с трудовыми ввиду преференций в получении российского гражданства для получивших высшее образование в России.

Эмпирическая база и методология. Миграция, связанная с обучением, может быть обозначена разными терминами в зависимости от типа образования и его уровня. В данном исследовании мы используем понятие «образовательная миграция» как расширенный формат миграционного потока, связанного с получением образования в широком смысле (на любой образовательной ступени). Мы сравниваем образовательных мигрантов из постсоветских государств с молодыми трудовыми мигрантами (в возрасте 16–30 лет)⁹ из этих же стран. Эмпирическую основу составили данные нескольких социологических исследований: 1) опрос иностранных граждан из постсоветских государств, проведенный Центром этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) для НИУ ВШЭ в Московском регионе в 2023 г. Общая выборка составила 3 533 чел., в том числе 80 образовательных мигрантов и 1 682 молодых трудовых мигранта; 2) опрос иностранных граждан из постсоветских государств, проведенный сотрудниками Сектора изучения миграционных и интеграционных процессов ИС ФНИСЦ РАН совместно с НИУ ВШЭ в июне 2020 г. Общая выборка – 2 956 чел., в том числе 155 образовательных мигрантов и 239 молодых трудовых мигрантов, находящихся на время опроса в РФ¹⁰; 3) опрос иностранных граждан из постсоветских государств, проведенный ЦЭПРИ для НИУ ВШЭ по общероссийской выборке в 2017 г.¹¹ Общая выборка составила 8 577 чел., в том числе 197 образовательных и 3 531 молодой трудовой мигрант.

Все три исследования проведены по квотной выборке и сходной анкете¹². Различались техники опроса: опрос 2017 г. – PAPI (Paper Assisted Personal Interview); опрос 2020 г. – CAWI (Computer Assisted Web Interviewing); опрос 2023 г. – CATI (Computer Assisted Telephone Interview).

Итоговая выборка составила 432 образовательных мигранта (далее – ОМ) и 5 452 молодых трудовых мигранта (далее – ТМ). Тип миграции в исследовании определен по роду занятий. Индикатором служили ответы на вопрос: «Чем вы занимаетесь в России?»

⁹ В данной статье автор использует термины «иммигрант» и «мигрант» как синонимы, поскольку контекст исследования уточнен.

¹⁰ Поскольку опрос проходил в период пандемии коронавируса, часть респондентов (трудовых мигрантов) находились в странах происхождения, чтобы «переждать трудности» (см.: [Денисенко, Мукомель, 2020]), однако из нашей подвыборки они были исключены.

¹¹ Обследование проводилось «снежным комом» в 19 субъектах РФ по выборке, основанной на данных Центрального банка учета иностранных граждан и лиц без гражданства (ЦБДУИГ).

¹² Анкеты в обследованиях не полностью идентичны; для данного исследования использованы переменные, которые есть во всех трех опросах.

(отобраны варианты ответов: учусь; работаю). Уточняющего вопроса о типе образовательного учреждения не задавалось.

В данной работе мы различаем понятия адаптации и интеграции мигрантов. Подобное разделение используется в подходах отечественных авторов, изучающих тему иммиграции (в отличие, например, от европейских коллег). Адаптация понимается как поверхностное приспособление к нормам и традициям страны приема, а интеграция предполагает процесс встречного движения культур принимающего социума и мигрантов, ответственность за который лежит как на мигрантах, так и на принимающем обществе [Мукомель, 2016]. Мигранты должны активно участвовать в процессе интеграции без потери собственной идентичности. Под интеграционными установками, соответственно, мы будем понимать готовность и ориентацию мигрантов на то, чтобы остаться в стране приема и на поиск точек соприкосновения между родной культурой и культурой принимающего социума.

Исходя из эмпирических данных, можно выделить два основных ограничения исследования. Во-первых, наших респондентов можно назвать как минимум условно адаптированными, поскольку анкета была на русском языке и отвечающие владеют им в той или иной мере. Во-вторых, исследование не было посвящено собственно иностранным студентам, мы анализируем образовательных мигрантов в общем внешнем потоке, что обеспечивает возможность их сравнения с трудовыми. По этой же причине в работе не затрагиваются вопросы непосредственно учебной жизни, способов поступления, форм обучения и т.п.

Социально-демографические профили образовательных и трудовых мигрантов. Ввиду обозначенных ограничений исследования, следует описать профили двух сравниваемых групп по основным социально-демографическим характеристикам.

Страны исхода образовательных и трудовых мигрантов несколько различаются (табл. 1). Значительная часть первых в нашей выборке – из Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана. Стоит отметить: из Казахстана при наличии образовательных мигрантов очень

Таблица 1

Страны исхода образовательных и трудовых мигрантов, в %

Страна исхода	2017		2020		2023	
	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ
Азербайджан	7,1	2,9	5,9	3,8	12,5	1,2
Армения	0,5	2,9	7,8	6,7	15	2
Беларусь	4,1	3,6	0	8,8	11,3	3,3
Грузия	1	0,4	0,7	1,3	2,5	0,1
Казахстан	25,4	2,2	15,7	9,7	3,8	1,1
Кыргызстан	5,6	16,8	1,3	10,5	20	32,8
Молдова	3,6	5,6	5,9	11,3	0	1
Таджикистан	14,7	22,3	25,5	19,7	16,1	26,8
Туркменистан	0	0	3,3	0,8	0	0
Узбекистан	11,2	30,3	28,8	15,5	18,8	30,5
Украина	25,9	12,8	2,6	10,5	0	1
Другая	0,9	0,2	2,5	1,4	0	0,2
Всего	100	100	100	100	100	100

Примечание. Здесь и далее: ОМ – образовательный мигрант, ТМ – трудовой мигрант.

Таблица 2

**Социально-демографические характеристики образовательных и
трудовых мигрантов, в %**

Социально-демографические характеристики	2017		2020		2023	
	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ
Возраст						
до 19 лет	32	4,6	21,9	2,1	66,4	5
20–24 года	53,3	35,6	56,1	25	28,9	38,6
25–30 лет	14,7	59,9	14	72,3	5,1	56,5
	χ2 Пирсона = 313,858***		χ2 Пирсона = 158,818***		χ2 Пирсона = 779,036***	
Пол						
Мужской	62,9	78,5	72,3	82,4	60	79,4
Женский	37,1	21,5	27,7	17,6	40	20,6
	χ2 Пирсона = 26,177***		χ2 Пирсона = 5,746**		χ2 Пирсона = 16,971***	
Уровень образования						
Среднее общее и ниже	47,7	57,1	18,1	39,4	57,5	66,3
Начальное профессиональное	2,5	5,4	4,5	5	6,3	6,7
Среднее профессиональное	8,1	21,2	12,9	21,8	6,3	15,8
Неполное высшее	27,9	2,7	37,4	8,8	26,3	2,9
Высшее	13,2	13,5	27,1	25,1	3,8	8,3
Нет ответа	0,6	0,1	0	0	0	0
	χ2 Пирсона = 321,780***		χ2 Пирсона = 56,693***		χ2 Пирсона = 210,515***	

Примечание. Здесь и далее: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

мало трудовых, но в выборке 2023 г. образовательных мигрантов значительно меньше по сравнению с 2017 и 2020 гг. Из Таджикистана и Узбекистана много и трудовых, и образовательных мигрантов; при значительном числе образовательных мигрантов с Украины в 2017 г., в выборке 2023 г. они отсутствуют.

Подавляющее большинство образовательных мигрантов прибывает из столиц стран исхода, а также больших (более 100 тыс. жителей) городов – 28,7 и 49,2% соответственно (среди трудовых соответствующие показатели – 15,5 и 43,7%). Среди трудящейся иностранной молодежи, напротив, больше выходцев из малых (менее 100 тыс. жителей) городов и сел – 30,7 и 10,1%. Для иностранных студентов эти показатели составляют 17,4 и 4,6% соответственно (данные 2017 г.).

При определении границ возраста у подвыборки трудовых мигрантов мы ориентировались на возрастной диапазон образовательных мигрантов в наших данных. Однако стоит учитывать, что большая часть последних находятся в возрасте активного получения образования, то есть до 24 лет, в то время как трудящаяся иностранная молодежь распределена по разным диапазонам (табл. 2). Имеются различия и по полу: среди трудовых

мигрантов подавляющее большинство (78–82%) – мужчины; представленность женщин в подвыборке образовательных доходит до 40% (табл. 2).

Вопрос об образовании демонстрирует некоторое смещение в обследовании 2020 г., характерное для онлайн-опросов – в сторону людей с высшим (в т.ч. неполным) образованием, что особенно видно на подвыборке трудовых мигрантов (по сравнению с 2017 и 2023 гг., табл. 2). Образовательные мигранты, если выбирали образование выше общего среднего, скорее отвечали о получаемом уровне, чем о завершённом¹³.

Сроки пребывания образовательных мигрантов могут регулироваться периодом обучения, трудящиеся иностранцы обычно сами определяют длительность поездки в зависимости от трудовой занятости и действующего законодательства. Наши подвыборки ограничены молодежью, поэтому длительность миграционной «карьеры» у двух изучаемых групп схожа: 55,7% образовательных и 60% трудовых мигрантов в выборке 2023 г. приехали в Россию не более 5 лет назад (в данных 2017 г. – 65,5 и 51,8% соответственно). Разница в том, что среди иностранных студентов 53% жили последний год в стране приема непрерывно (то есть все 12 месяцев), среди трудовых – 37,5%. То есть трудящаяся иностранная молодежь чаще выезжает на родину.

Социально-экономические и социокультурные аспекты адаптации мигрантов.

Поскольку мы не затрагиваем подробности основной деятельности образовательных мигрантов (учебную жизнь, способы поступления, формы обучения), то останавливаться подробно на трудовой сфере (основной для ТМ) мы не будем. Это имело бы смысл, если бы значительная часть иностранных студентов сообщили, что помимо учебы осуществляют и трудовую деятельность. Однако таковых 16,2% в опросе 2017 г. (в 2020 г. – 0%, в 2023 г. – 6%). Это скорее можно назвать подработкой, поскольку учеба респондентами указана в качестве основного занятия. Имевшие подработку студенты в опросах 2017 и 2023 гг. отметили такие сферы, как «оптовая и розничная торговля», «деятельность домашних хозяйств», «гостиницы и рестораны», «транспорт и связь», «образование», «наука, ИТ, вычислительная техника». Подавляющее большинство (62,5%) подрабатывало на основе устных договоренностей, 34,4% – по письменному договору. Среди трудовых мигрантов соответствующие распределения 38,5 и 55,9%.

В ограничениях исследования мы указали, что респондентов можно назвать условно адаптированными ввиду знания языка принимающей страны (анкеты всех опросов были на русском), однако различия между образовательными и трудовыми мигрантами по этому параметру существенны. По оценкам интервьюеров, подавляющее большинство первых (более 70% по данным 2017 г. и более 65% – 2023 г.) владеют русским языком на «отлично» (табл. 3), среди вторых таковых менее трети (28–31%). Доля владеющих языком

Таблица 3

Оценка интервьюерами знания русского языка у образовательных и трудовых мигрантов, в %

Оценка знания русского языка респондентом	2017		2023	
	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ
Очень плохо 1	0	1,3	0	1,2
2	1,5	8,8	3,8	7,3
3	5,6	30	6	30,7
4	21,8	28,4	25	31,9
Очень хорошо 5	71,1	31,5	66,3	28,9
χ^2 Пирсона = 143,090***			χ^2 Пирсона = 55,394***	

¹³ Об этом свидетельствуют дополнительные кросстабуляционные распределения с вопросом: «В какой стране вы получили это образование?»

Таблица 4

**Использование русского языка образовательными и трудовыми мигрантами
в разных сферах общения, в %**

«На каком языке вы чаще всего общаетесь в России...»	2017		2023	
	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ
...с друзьями?				
На русском	70,6	27,6	62,5	15,3
На русском и другом в равной степени	26,4	43,5	28,7	49,2
На другом	3	28,7	8,8	35,4
Затрудились с ответом	0	0,2	0	0,2
		χ^2 Пирсона = 172,970***		χ^2 Пирсона = 120,320***
...дома?				
На русском	56,9	23,9	33,8	10,2
На русском и другом в равной степени	34	25,4	47,5	24
На другом	9,1	49,9	18,8	65,3
Затрудились с ответом	0	0,8	0	0,6
		χ^2 Пирсона = 151,394***		χ^2 Пирсона = 81,357***

принимающей стороны на элементарном уровне (ответ «очень плохо») у образовательных мигрантов и вовсе равна нулю в двух обследованиях.

Более низкая оценка уровня знания русского у образовательных мигрантов в 2023 г. по сравнению с 2017 г. очевидно связана с отсутствием в выборке студентов с Украины. Однако даже при этом условии языковая адаптация студентов из постсоветских государств находится на высоком уровне.

Данные об использовании русского языка в разных сферах общения (табл. 4) демонстрируют, что у иностранных студентов, в отличие от трудящихся мигрантов, русский язык является основным в общении с друзьями (62–70%). В приватной сфере (домашнем общении) для обеих групп более характерно двуязычие, но образовательные мигранты чаще говорят на русском, чем трудовые.

Образовательные мигранты чаще, чем трудовые, приезжают в Россию с членами семьи (в других исследованиях подобная тенденция также фиксируется¹⁴). У трудовых мигрантов этот показатель достаточно устойчив во всех трех обследованиях – усредненно 60% одиночек на 40% приехавших в Россию с кем-либо из членов семьи. У образовательных он, очевидно, ситуативен. В 2017 г. студенты в 40% случаев приезжали в страну обучения с членами семьи, в 2020 г. во время пандемии этот показатель ожидаемо снизился до 32,3%. В 2023 г. в выборку попали главным образом те, кто живет в России не один (88,8%). Вероятно, это связано со сложной социально-политической обстановкой.

Сокращение в выборке студентов-одиночек повлияло и на распределение респондентов по жилищным условиям. Если в 2017 и 2020 гг. 42,6 и 53,5% соответственно жили в общежитиях, а в отдельных квартирах не более трети, то в выборке 2023 г. подавляющее большинство живет в отдельном жилье; фактически нет студентов из общежитий.

¹⁴ В исследовании Е.Б. Деминцевой показано, что зачастую иностранные студенты выбирают обучение в России как первый этап стратегии миграции всей семьи [Деминцева, 2016].

Таблица 5

Жилищные условия образовательных и трудовых мигрантов, в %

Жилищные условия	2017		2020		2023	
	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ
Тип жилья						
Отдельный дом, часть дома	8,6	5,9	9	10,5	2,5	1,5
Отдельная квартира	33	38,6	20,6	35,1	72,5	24,2
Комната, часть квартиры	15,2	31,9	7,7	21,3	21,3	47,7
Комната в общежитии	42,6	18,3	53,5	9,6	3,8	26,2
Другое	0,5	5,2	2,5	7,1	0	3,5
Нет жилья	–	–	6,5	16,3	–	–
	χ2 Пирсона = 89,345***		χ2 Пирсона = 99,111***		χ2 Пирсона = 75,977***	
Условия проживания						
Собственное жилье	7,1	3,5	11	11,3	20	1,3
Снимаю за деньги	57,9	71,8	45,2	54,4	58,8	72,2
Предоставил работодатель	6,6	19	2,6	9,6	0	22,4
Живу у партнера	0,5	1,1	0,6	3,3	0	0,7
Живу у родственников	13,2	4,2	3,2	2,9	21,3	3,2
Другое	14,7	0,5	37,5	18,4	0	0,2
	χ2 Пирсона = 390,500***		χ2 Пирсона = 78,409***		χ2 Пирсона = 205,552***	

Примечание. Вариант «другое» у студентов в выборке 2020 г. – это общежитие.

Также образовательные мигранты чаще живут в собственном жилье (вероятно, принадлежащем семье) либо у родственников (табл. 5).

В вопросе документированности на территории РФ не наблюдается значимых различий относительно таких документов, как миграционный учет и миграционная карта (это общие документы для иностранцев). Однако среди образовательных мигрантов в выборках 2017 и 2023 гг.¹⁵ больше обладателей вида на жительство – 13,2 и 27,5% соответственно (у трудовых – 6,9 и 2,4%).

Сравнение интеграционных установок образовательных и трудовых мигрантов. Интеграционные установки связывают с наличием у иностранцев желания остаться в стране приема, их восприятием принимающего общества как места своей будущей жизни (что также предполагает идентификацию с ним). Такие намерения могут быть у мигранта до приезда в новую страну, а могут сформироваться в процессе миграции.

Образовательные и трудовые мигранты едут в Россию с разными планами и намерениями, часто совпадающими с основными видами деятельности – трудовой и образовательной

¹⁵ В 2020 г. ввиду пандемии коронавируса вносились изменения в режимы пребывания иностранцев в РФ.

Таблица 6

**Планы образовательных и трудовых мигрантов в начале миграции
и на момент опроса, в %**

Варианты ответов	2017		2023		2017		2023	
	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ
	«Какие планы были у вас, когда вы ехали в Россию первый раз?»				«А какие из них осуществились на сегодняшний день?»			
Найти хоть какую-нибудь работу	4,1	36,5	1,4	23	5,6	38,2	4,1	26,4
Найти работу с хорошим заработком	6,1	61	9,5	68,5	4,1	50,4	8,1	68,4
Найти работу, соответствующую моему опыту и квалификации	3	10,1	1,4	7,2	3	6,4	2,7	7,7
Получить/продолжить образование	87,3	7,5	67,6	6,7	84,8	3,9	81,1	4,1
Приобрести профессию, повысить квалификацию	8,6	5	16,2	8,3	5,6	2	16,2	8,1
Остаться жить в России / получить гражданство	–	–	2,7	4	–	–	16,2	2,9
Поехал(а) вместе с семьей / к семье, родственникам,	21,3	9,7	55,4	13,8	–	–	–	–
Другие планы*	11,2	8,2	0	5,5	4,6	3,5	4,1	4
Нет ответа, затруднились с ответом	2,5	3	2,7	1,6	9,1	5,2	8,2	2,1
Никакие планы не осуществились	–	–	–	–	3	3,1	2,7	0,5

Примечания. Оба вопроса – множественные и предполагают любое число ответов. * В т.ч. выйти замуж/жениться, найти пару; дать образование детям; избежать службы в армии; «бежать от войны».

(табл. 6). Попутно у иностранцев из обеих сравниваемых групп могут быть и другие планы, связанные, например, с поиском партнера или желанием избежать службы в армии, но они имеют гораздо меньшее значение. Также обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть образовательных мигрантов изначально едет в Россию с семьей либо к родственникам – 21,3% в опросе 2017 г. и 55,4% в обследовании 2023 г.

Помимо обобщенных планов, задавался вопрос о намерениях относительно проживания в России и стране исхода (миграционные намерения). И в 2017, и в 2023 гг. образовательные мигранты в 1,5–2 раза чаще, чем трудовые, выражали желание остаться в стране приема уже в начале миграции. Иностранные студенты, в отличие от трудящейся молодежи, фактически не планировали транснациональной стратегии миграции – жизни «и тут и там». Если спрашивать напрямую о планах после получения образования (как это было сделано в опросе 2023 г.), то примерно треть студентов-иностранцев (29,7%) в начале миграции намеревались вернуться на родину (табл. 7).

В процессе жизни в новой стране планы относительно постоянного проживания могут трансформироваться. У сравниваемых групп желание остаться в России укрепляется, но у образовательных мигрантов этот процесс более выражен. Стратегия «завершить образование и вернуться на родину» сокращается почти вдвое.

В процессе проживания в новой стране трансформируются не только миграционные намерения, но и чувства принадлежности к принимающему социуму и обществу отправления. При сравнении коллективных идентичностей образовательных и трудовых мигрантов можно выделить несколько моментов. У иностранных студентов более выражены идентичности, не связанные с гражданством, этничностью, религией, то есть они чаще ощущают близость поколенческую, профессиональную, экономическую (особенно

Таблица 7

**Миграционные намерения образовательных и трудовых мигрантов в начале миграции
и на момент опроса, в %**

Варианты ответов	2017		2023		2017		2020		2023	
	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ
	планы относительно проживания в РФ в первый приезд				планы относительно проживания в РФ на момент опроса					
Остаться в России навсегда	46,7	29,7	24,3	10,7	51,8	36,8	39,4	53,1	37,8	15,5
Заработать денег и через несколько месяцев вернуться	3,6	19,1	1,4	19	2,5	12,2	5,8	12,1	0	9,9
Поработать год-другой и вернуться	7,1	26,5	6,8	51	5,1	21,8	6,5	6,3	1,4	45,8
Постоянно ездить между Россией и родиной	16,2	19,2	6,8	10,8	14,7	22	21,3	19,2	9,5	20,1
Завершить образование и вернуться	–	–	29,7	1,9	–	–	–	–	17,6	1,4
Пожить в России и переехать в другую страну	7,1	1	8,1	1,3	5,6	1	16,1	7,5	12,2	1,8
Другое	12,2	1,1	17,6	3	10,7	0,3	11	1,7	10,8	1,5
Затруднились с ответом	7,1	3,4	5,4	2,3	9,6	5,9	0	0	10,8	4
	χ^2 Пирсона = 266,053***		χ^2 Пирсона = 296,758***		χ^2 Пирсона = 323,277***		χ^2 Пирсона = 29,453***		χ^2 Пирсона = 227,204***	

Примечание. В обследовании 2020 г. вопроса о миграционных намерениях в начале миграции не задавали.

в обследовании 2017 г.). Этническая и религиозная идентичности у них фактически не различаются и по данным 2023 г., и по данным 2017 г. Кроме того, у обеих групп в 2023 г. выросла значимость религиозной идентичности (табл. 8).

Таблица 8

Коллективные идентичности образовательных и трудовых мигрантов, в %

«Часто ощущают единство, близость с...»	2017		2023	
	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ
С людьми того же возраста, поколения	63,5	48,6	75	51,7
С людьми той же профессии, такого же рода занятий	56,3	47,8	50	59,4
С гражданами той страны, из которой приехали	52,3	59,6	63,7	63,9
С жителями города, села, в той стране, из которой приехали	53,8	60,8	58,8	63,1
Со всеми гражданами России	43,7	28,3	60	47
С жителями того города, села России, в котором сейчас живут	51,8	30,4	63,7	48,4
С людьми своей национальности	62,9	62,7	61,3	64,7
С людьми своей веры	55,3	57,2	66,3	69
С людьми такого же достатка	51,3	34,7	52,5	47,6

Таблица 9

Межэтнические установки образовательных и трудовых мигрантов, в %

«Вы согласны с мнением, что местные жители никогда не будут считать приезжих вашей национальности своими?»	2017		2023	
	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ
Согласен	17,3	31,2	15	35,6
Скорее согласен	21,8	27,7	6,3	18,8
Скорее не согласен	25,9	14,8	12,5	13,8
Не согласен	26,4	12,1	53,8	18,9
Затрудняюсь с ответом	8,6	14,2	12,5	12,9
	χ^2 Пирсона = 62,785***		χ^2 Пирсона = 61,478***	

Однако ощущение близости с принимающим социумом (общероссийская и локальная российская идентичности) имеет существенные различия. Обе эти идентичности у образовательных мигрантов на 13–21 п.п. выше, чем у трудовых в обоих обследованиях. Вместе с тем гражданская идентичность страны исхода у иностранных студентов не слабее, чем у трудящейся иностранной молодежи (см. табл. 8).

Чувство принадлежности у образовательных мигрантов отчасти может быть связано с тем, что они реже испытывают воспринимаемую дискриминацию. Доля тех, кто за последний год не встречал неприязни по национальному признаку, составляет 67,5% против 54,2% у трудовых (данные 2023 г., различия значимы на уровне 0,01). Вероятно, поэтому уверенность образовательных мигрантов в том, что они смогут стать в России «своими», значительно выше, чем у трудящейся иностранной молодежи (табл. 9).

Мы предполагали, что значимым стимулом остаться в стране приема у образовательных мигрантов могут быть преференции в приобретении гражданства для получивших высшее образование в России. Однако наши данные о планах иностранных студентов получить постоянные документы в РФ показывают, что это справедливо лишь в некоторой мере. Доля образовательных мигрантов, которые заявили, что планируют в ближайшем или отдаленном будущем получить гражданство РФ, одинакова в исследованиях 2017 и 2023 гг. – 47%. Мы не можем сказать, с чем связаны подобные планы – с упрощенной натурализацией или с собственно желанием жить в России и поэтому получить гражданство РФ.

Выводы. Образовательные и трудовые мигранты – две основные группы добровольных мигрантов в странах приема, имеют разные цели и разные ресурсы. Образовательные мигранты по ряду рассмотренных в статье показателей действительно лучше адаптируются к принимающему обществу, чем трудящаяся иностранная молодежь. Адаптация к образовательной среде вуза (или другого учебного заведения), его инфраструктуре, коллективу, очевидно, влияет и на общую адаптацию в российском обществе. Однако во многом это базируется на успешной языковой адаптации и социальном капитале иностранных студентов, основу которого составляет наличие родственников в стране приема, которые помогают с жильем и подработкой.

Образовательные мигранты также имеют более долгосрочные планы в принимающей стране по сравнению с трудовыми. Молодые трудовые мигранты зачастую сосредоточены на быстром заработке и временных миграционных стратегиях, в то время как образовательные, обладая большим социальным капиталом, чаще концентрируются на долгосрочных целях. Учитывая данные о домохозяйствах образовательных мигрантов, условиях их проживания, намерениях в начале миграции, можно сказать, что одной из распространенных жизненных стратегий является «получение образования как шаг к долгосрочной миграции семьи». Однако это едва ли однозначно можно связывать

с преференциями в натурализации иностранцев, получивших высшее образование в России. Учитывая данные по российской идентичности (формирование чувства общности) и межэтническим установкам, можно сказать, что их намерения идут дальше просто поверхностного приспособления.

Важно уточнить, что данные по адаптации образовательных мигрантов и их интеграционным установкам более ситуативны (сильнее меняются в разные годы обследований). На это указывают результаты нашего исследования и статистика состава иностранных студентов в российских вузах, которая претерпевает изменения в текущей сложной социально-политической обстановке. Планы и намерения трудовых мигрантов более стабильны во времени, несмотря на экономические сложности (рост курса валют), ужесточение миграционного законодательства и усиление негативной направленности в дискурсе российских СМИ, объектом которого выступают трудовые, а не образовательные мигранты. Иностранные студенты, имея больший социальный капитал, возможности для обучения за пределами родины, очевидно, и более требовательны к социальной среде, которая будет окружать их в новом обществе, их планы более гибкие, в том числе в выборе страны обучения. Эти особенности нужно учитывать при разработке мер государственной миграционной политики в трудовой и образовательной сферах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаврилов К.А., Градиловский С.Н., Письменная Е.Е., Рязанцев С.В., Яценко Е.Б. Учебная миграция из стран СНГ и Балтии: потенциал и перспективы для России / Под ред. К.А. Гаврилова, Е.Б. Яценко. М.: Наследие Евразии, 2012.
- Деминцева Е.Б. Образовательные траектории молодежи стран СНГ в Москве // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 82–87.
- Денисенко М.Б., Мукомель В.И. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 3. С. 84–107. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11637.
- Ишкинеева Ф.Ф., Озерова К.А., Кавеева А.Д., Ахметова С.А., Фурсова В.В. Интернациональный характер современного образования: адаптация иностранных студентов в российском вузе // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8. № 1. С. 35–54. DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.444.
- Краснощеченко И.П., Ковдюк Д.П. Социально-психологическая адаптация студентов-мигрантов и трудовых мигрантов // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 8–5 (39). С. 38–41.
- Лебедева Т.В. Влияние международной образовательной миграции на развитие современной системы высшего образования в Российской Федерации // Векторы благополучия: экономика и социум. 2022. Т. 47. № 4. С. 23–39. DOI: 10.18799/26584956/2022/4/1345.
- Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся: ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. С. 414–416.
- Поletaев Д.В., Дементьева С.В., Зурабишвили Т.З. Потенциал учебной миграции в профессиональные образовательные организации в контексте новой миграционной политики // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2014. Т. 324. № 6. С. 118–125.
- Поletaев Д.В. Учебная миграция в Россию: существующие практики и возможные перспективы // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2012. Т. 10. С. 390–406.
- Рочева А.Л., Варшавер Е.А. Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 295–334. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1632.
- Рязанцев С.В., Очинова Г.Н. Трансформация международной образовательной миграции во время пандемии COVID-19 // Социальное пространство. 2021. Т. 7. № 4. DOI: 10.15838/sa.2021.4.31.3.
- Скоробогатова В.И. Правовое регулирование трудоустройства иностранных студентов и выпускников: зарубежный и российский опыт // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 1 (138). С. 246–255. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-1-246-255.
- Тарадина Л.Д., Шлентова А.Е., Ивашкевич А.А. Трансформация академической привлекательности стран в условиях пандемии // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25. № 1. С. 117–130. DOI: 10.15826/umpa.2021.01.009.

Хороших В.В., Логачева Э.А. Карьерные планы иностранных студентов, обучающихся в России // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. Вып. 4. С. 241–250. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-29.

Шитова Н.Б. Образовательная миграция в России: концептуальные вопросы правового регулирования // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 98–111. DOI: 10.12737/jrl.2020.083.

Kong L. Balancing Spirituality and Secularism, Globalism and Nationalism: The Geographies of Identity, Integration and Citizenship in Schools // Journal of Cultural Geography. 2013. Vol. 30. № 1. P. 276–307. DOI: 10.1080/08873631.2013.834120.

Статья поступила: 06.08.24. Финальная версия: 14.10.24. Принята к публикации: 19.11.24.

EDUCATIONAL AND LABOR MIGRANTS FROM POST-SOVIET COUNTRIES: ADAPTATION IN RUSSIAN SOCIETY AND INTEGRATION ATTITUDES

A.A. ENDRYUSHKO

Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Russia

Anna A. ENDRYUSHKO, Cand. Sci. (Sociol.), Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (anna.endryushko@mail.ru).

Abstract. The article offers a comparative analysis of adaptation in Russian society and integration attitudes of two external migrants groups: educational and young working (aged 16–30). Based on the three (2017, 2020, 2023) sociological surveys data of foreign citizens from post-Soviet states, the author examines socio-economic and socio-cultural aspects of adaptation in Russian society of educational and labor migrants comparing their integration attitudes, which imply not only the desire to stay living in Russia, but also the search for common ground between their native culture and the culture of the host society. It is shown that according to a number of indicators (the main being a good knowledge of the Russian language), educational migrants adapt better to the host society than working foreign youth. They also have longer-term plans in Russia, and their intentions go beyond superficial adaptation. At the same time, having social capital, they are more demanding for the social environment that surrounds them in the new society. Their plans may be more flexible and situational than those of labor migrants, including reorientation towards other countries.

Keywords: immigration, educational migration, labor migration, adaptation of migrants, integration attitudes, foreign students, all-Russian identity, interethnic attitudes.

REFERENCES

- Demintseva E.B. (2016) Educational Trajectories of Youth from the CIS Countries in Moscow. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 82–87. (In Russ.)
- Denisenko M.B., Mukomel V.I. (2020) Labor Migration in Russia During the Coronavirus Pandemic. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. No. 3(7): 87–107. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11637. (In Russ.)
- Gavrilov K.A., Gradirovskij S.N., Pis'mennaya E.E., Ryazancev S.V., Yacenko E.B. (2012) *Educational Migration from the CIS and Baltic Countries: Potential and Prospects for Russia*. Ed. by K.A. Gavrilov, E.B. Yacenko. Moscow: Fond Nasledie Evrazii. (In Russ.)
- Iskineeva F.F., Ozerova K.A. (2017) The International Nature of Modern education: Foreign Students' Adaptation to Russian Universities. *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 1(8): 35–54. DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.444. (In Russ.)
- Khoroshikh V.V., Logacheva E.A. (2021) Career Plans of Foreign Students Studying in Russia. *Gercenovskie chteniya: psihologicheskie issledovaniya v obrazovanii* [Herzen Readings: Psychological Research in Education]. Iss. 4: 241–250. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-29. (In Russ.)
- Kong L. (2013) Balancing Spirituality and Secularism, Globalism and Nationalism: The Geographies of Identity, Integration and Citizenship in Schools. *Journal of Cultural Geography*. No. 1(30): 276–307. DOI: 10.1080/08873631.2013.834120.
- Krasnoshchchenko I.P., Kovdyuk D.P. (2015) Social and Psychological Adaptation of Migrant Students and Labor Migrants. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. [International research journal]. No. 8–5 (39): 38–41.

- Lebedeva T.V. (2020) The Impact of International Educational Migration on the Development of the Modern Higher Education System in the Russian Federation. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i socium* [Vectors of Well-Being: Economy and Society]. No. 4(47): 23–39. DOI: 10.18799/26584956/2022/4/1345. (In Russ.)
- Mukomel V.I. (2016) Adaptation and Integration of Migrants: Methodological Approaches to Assessing the Effectiveness and the Role of the Host Society. In: Gorshkov M.K. (ed) *Russia under reform: yearbook*. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Novyj hronograf: 414–416. (In Russ.)
- Poletaev D.V. (2012) Educational Migration to Russia: Existing Practices and Possible Prospects. *Nauchnye trudy: Institut narodnohozyajstvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences]. No. 10: 390–406. (In Russ.)
- Poletaev D.V., Dementeva S.V., Zurabishvili T.Z. (2014) Potential of Educational Migration to Professional Educational Organizations in the Context of the New Migration Policy. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesursov* [Bulletin of Tomsk Polytechnic University. Georesources engineering]. No. 6(324): 118–125. (In Russ.)
- Rocheva A.L., Varshaver E.A. (2020) Migration Intentions of Youth with and without Migrant Backgrounds: a Russian Case. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 295–334. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1632. (In Russ.)
- Ryazantsev S.V., Ochirova G.N. (2021) Transformation of International Educational Migration During the COVID-19 Pandemic. *Social'noe prostranstvo* [Social area]. No. 4(7). DOI: 10.15838/sa.2021.4.31.3. (In Russ.)
- Shitova N.B. (2020) Educational Migration in Russia: Conceptual Issues of Legal Regulation. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law]. No. 7: 98–111. DOI: 10.12737/jrl.2020.083. (In Russ.)
- Skorobogatova V.I. (2021) Legal Regulation Of Foreign Students And Graduates Employment In Russia and Abroad. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy]. No. 1(138): 246–255. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-1-246-255. (In Russ.)
- Taradina L.D., Shlentova A.E., Ivashkevich A.A. (2021) Transformation of the Academic Attractiveness of Countries in the Context of a Pandemic. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University management: practice and analysis]. No. 1(25): 117–130. DOI: 10.15826/umpa.2021.01.009. (In Russ.)

Received: 06.08.24. Final version: 14.10.24. Accepted: 19.11.24.

Социальная политика. Социальная структура

© 2024 г.

Н.Д. КОЛЕННИКОВА

СУБЪЕКТИВНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ДИНАМИКА И СПЕЦИФИКА

КОЛЕННИКОВА Нина Дмитриевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (kolennikova-nina@mail.ru).

Аннотация. В статье показано, что за последнее «кризисное» десятилетие в субъективной социальной структуре российского общества произошли изменения, связанные прежде всего с заметным ростом численности условных социальных «верхов». Отмечен существенный прирост в десятилетней ретроспективе оценок своего статуса и статуса родительской семьи как высоких. На этом фоне продолжают расти статусные притязания россиян, которые и ранее во все периоды наблюдений оказывались значительно выше оценок собственного или родительского статусов. Несмотря на произошедшие изменения, российское общество остается обществом массовых субъективных средних слоев. Выявлена роль жизненных целей, связанных с получением престижной работы, хорошего заработка в оценке собственной статусной позиции и статусного воспроизводства. Отмечается высокая значимость образовательного статуса родительских семей. Проанализированы имущественные различия статусных групп и некоторые характеристики образа жизни их представителей, иллюстрирующие относительно благополучное положение социальных «верхов» и субъективных средних слоев в сравнении с субъективными «социальными низами» и переходной группой. Основной эмпирической базой выступили данные 15-й волны мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН, проведенной в 2024 г.

Ключевые слова: социальный статус • субъективная стратификация • социальная структура • субъективное измерение • статусные группы • статусные притязания

DOI: 10.31857/S0132162524120071

Теоретико-методологические предпосылки исследования. За последнее десятилетие Россия прошла через череду социально-экономических потрясений и преобразований, которые отразились на объективных характеристиках социального статуса россиян и его субъективном восприятии. При этом изменения в уровне жизни или каких-либо отдельных материальных составляющих благополучия не всегда приводят к смене социального самочувствия или поведенческой модели, тогда как субъективное восприятие собственной позиции может существенно влиять на социальное, эмоциональное и даже физическое самочувствие индивида. Не случайно М. Вебером субъективное измерение стратификации позиционировалось как не менее значимое, чем объективное, поскольку оно учитывает не только и не столько измеряемое конкретной статусной иерархией

социально-экономическое положение индивида, сколько трудноизмеримые, но более значимые с точки зрения восприятия индивида обществом уровни престижа и власти [Weber, 1978; Waters, Waters, 2016]. И даже первые эмпирические исследования субъективной стратификации, в противовес распространенным тогда двух и трех классовым структурам, основанным на объективных показателях, продемонстрировали, что групп, различающихся условным «престижным рангом», может быть гораздо больше [Warner, Lunt, 1942; Warner, 1960] и, соответственно, модели их поведения, а также мотивы и основания действий могут существенно различаться. В фокусе современных зарубежных исследований помимо методологических и методических вопросов об особенностях шкал субъективного статуса и границах статусных групп по этим шкалам [Raudenska, 2024; Lenzner, Höhne, 2021], находятся также факторы различной природы, обуславливающие те или иные оценки собственного статуса.

Интерес у исследователей в последние 5–10 лет вызывает взаимосвязь субъективной оценки своей социальной позиции как с объективными характеристиками индивида, так и со спецификой субъективных самооценок или отношения к отдельным процессам и явлениям. Из объективных характеристик индивида на взаимосвязь с самооценками субъективного социального статуса наиболее часто проверяются размеры доходов [Curtis, 2013], отдельные аспекты социальной мобильности, например, доходной [Curtis, 2016] или внутриспоколенческой [Ares, 2020; Kuball, Jahn, 2024], специфики социального капитала [Kim, Lee, 2021; Bucciol et al., 2020] и сравнительно реже – агрегированные объективные статусы [Chen, Fan, 2015].

Из субъективных критериев на взаимосвязь с самооценками социального статуса исследуются чаще всего запросы на перераспределение доходов, сокращение социальных неравенств [Evans, Kelley, 2017; Duman, 2020] и отношение к прогрессивной шкале налогообложения как один из механизмов сокращения избыточных неравенств [Fernández-Albertos, Kuo, 2018; Cansunar, 2021]. Привлекает внимание исследователей и взаимосвязь субъективного социального статуса с политическими установками индивида [Kroll, Delhey, 2013; Melli, Scherer, 2024].

В российской науке теме субъективной стратификации населения также уделяется значительное внимание, хотя и с относительно недавних пор, как указывает на это Н.Е. Тихонова [2018]. Наиболее значимые работы в этой области появились в предыдущем десятилетии. В их фокусе находились динамика и специфика взаимосвязей субъективного социального статуса с факторами объективного и субъективного свойства – от характера занятости [Зудина, 2013] и представлений о социальных неравенствах [Гимпельсон, Моносова, 2014] и жизненном успехе человека [Косова, 2014] до выявления сравнительной значимости совокупности факторов различной природы при оценке собственного статуса [Тихонова, 2014]. Относительно новых материалов, посвященных этой теме, сравнительно немного, но они учитывают ключевые тенденции в динамике субъективного социального статуса и определяющих его факторов, связанных с относительной устойчивостью субъективной социальной структуры, усилением роли материального благосостояния в статусном самоопределении [Тихонова, 2018; Коленникова, 2018; Тихонова, 2021; Общество неравных возможностей..., 2022].

Специфика восприятия массовыми слоями населения своего положения в обществе выступает значимым индикатором социально-экономической и социально-политической стабильности и позволяет не просто конкретизировать запросы населения на микро- и макроуровнях, но и оценить реалистичность их воплощения в силу существования тесной взаимосвязи между самооценкой своего статуса индивидом и его запросами [Тихонова, 2021]. Применительно к российскому населению в современных условиях нарастающих социально-экономических и политических вызовов, а также в связи с изменением роли нематериальных характеристик для самоопределения социального статуса, выявление специфики восприятия собственной позиции в обществе, в том числе в динамике, приобретает особую актуальность. В данной статье мы продолжим традицию анализа

динамики субъективного социального статуса по общепринятой шкале в ретроспективе последних «кризисных» десяти лет. Также мы определим конфигурацию статусных групп, значимо различающихся спецификой восприятия своего положения на «социальной лестнице»¹, и предпримем попытку выявить наиболее тесные взаимосвязи принадлежности к этим группам с ключевыми социально-демографическими и имущественными характеристиками индивидов, а также некоторые различия в образе жизни субъективных статусных групп.

Эмпирическую базу исследования составили результаты 15-й волны поквартирного мониторингового опроса², проведенного Институтом социологии ФНИСЦ РАН в апреле 2024 г. по общероссийской районированной квотной выборке ($N = 2000$), репрезентирующей взрослое (18 лет и старше) население РФ по полу, социально-профессиональному статусу, образованию и типу населенного пункта. Для анализа динамики отдельных показателей использовались данные многолетних мониторинговых опросов Института социологии ФНИСЦ РАН, осуществленных по аналогичной модели выборки.

Жизненные цели и объективные характеристики индивида как основания субъективного социального статуса. Большинство россиян с точки зрения оценок ими своего положения в обществе не относят себя ни к категории абсолютно успешных, ни к числу социальных аутсайдеров, хотя доля первых численно гораздо выше (30,5%), чем вторых (7,2%). Примерно так же выглядели эти показатели и в 2014 г. (32,4 и 6,7%). Наиболее же типична для россиян характеристика своего статуса как удовлетворительного, то есть находящегося между социальными низами и условными верхами (60,4% в 2014 г. и 62% в 2024 г.). В этом смысле российское общество остается обществом «субъективного среднего класса» [Тихонова, 2018]. Зафиксирована тесная взаимосвязь субъективной оценки собственного социального статуса с желанием получить престижную работу, хорошо зарабатывать, иметь интересную работу, жить не хуже других, сделать карьеру и получить

Таблица 1

Динамика взаимосвязи субъективной оценки социального статуса и достижимости некоторых жизненных целей, 2018–2024 гг., коэффициент корреляции Спирмена, отранжировано по данным 2024 г.

Жизненные цели	2018	2024
Получить престижную работу	0,293	0,282
Хорошо зарабатывать	0,312	0,279
Иметь интересную работу	0,286	0,252
Жить не хуже других	0,273	0,226
Получить хорошее образование	0,176	0,219
Сделать карьеру (профессиональную, политическую или общественную)	0,184	0,211

Примечания. Субъективная оценка социального статуса рассматривалась на основании ответов на вопрос: «Как вы оцениваете следующие стороны своей жизни? Ваше положение, статус в обществе». Предлагались варианты ответов: «хорошо», «удовлетворительно», «плохо». Затруднившиеся с ответом исключались из анализа, их доля в выборке составила 0,4%. Вопрос о жизненных целях в исследовательском инструментарии сформулирован следующим образом: «К чему вы стремились в своей жизни и в каких сферах уже добились желаемого?» Варианты ответа: «уже добились этого», «пока не добились, но считают, что еще добьются», «хотели бы, но вряд ли добьются», «в планах этого не было» и «затрудняюсь ответить». При работе с этими переменными затруднившиеся с ответом исключались из анализа, по каждой из целей доля таких ответов не превышала 1%. Все приведенные в таблице и далее в главе коэффициенты значимы на уровне 0,01.

¹ Данное устойчивое в стратификационных исследованиях выражение используется в кавычках как синоним термина «субъективный социальный статус».

² Маршрут по населенному пункту с заменой отказавшихся по следующему адресу.

хорошее образование. Динамика этих взаимосвязей демонстрирует два ключевых тренда. Первый из них – выход на первый план целей, связанных с обеспечением престижности своей рабочей позиции, и ослабление связи оценок социального статуса с желанием иметь высокий заработок (табл. 1). Второй тренд связан с усилением роли целей, связанных с образованием и карьерой при оценке собственного положения в обществе. Восприятие социального статуса может как существенно улучшаться по мере достижения этих целей, так и, напротив, ухудшаться при осознании невозможности их реализовать.

В целом практически половина россиян считает, что им живется не хуже других (51,1%), они получили хорошее образование (48,0%) и имеют интересную работу (47%). Немало и тех, кто уверен, что еще достигнет этих целей в будущем (34,5, 16,6 и 31% соответственно). Гораздо реже россияне говорят о полном достижении таких целей, как желание хорошо зарабатывать (28,2%), иметь престижную работу (17,8%) и сделать карьеру (17,1%). Однако, если к профессиональной, общественной или политической карьере стремится не каждый, а более трети россиян просто не ставят себе такой цели (33,7%), то в желании хорошо зарабатывать и трудиться на престижной работе признается абсолютное большинство (92,3 и 84,7% соответственно). В обоих случаях значительная часть россиян сомневается в осуществимости этих целей в принципе (36,8 и 27,8%).

Из объективных характеристик индивида наибольшую взаимосвязь с субъективными оценками положения в обществе демонстрируют именно величина доходов и профессиональный статус. Как хорошее свое положение в обществе чаще определяют представители материально обеспеченных слоев (54,9%), руководители (52,2%), предприниматели (43,1%) и специалисты на должностях, предполагающих наличие высшего образования (44,4%). В низкодходных слоях и среди безработных относительно чаще встречаются его оценки как плохого (13,5 и 13,2% соответственно)³. В динамике с 2014 г. взаимосвязь между профессиональной принадлежностью и оценкой собственного статуса стала теснее⁴, а с доходом несколько ослабла⁵. Это, как и приведенные выше показатели коэффициента корреляции Спирмена, указывает на постепенное усиление роли нематериальных составляющих для обеспечения престижности позиции как в системе производственных отношений, так и в обществе в целом. То есть восприятие социального статуса россиянами имеет под собой вполне объективные основания, хотя значимость некоторых из них может изменяться во времени.

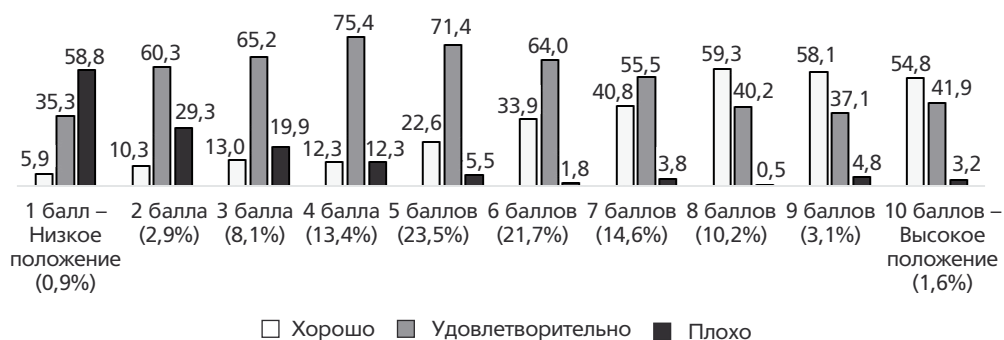
Статусные группы и динамика субъективной стратификации в 2014–2024 гг. Рассмотрим более дифференцированные субъективные оценки социального статуса, зафиксированные с применением графического теста, подразумевающего выбор респондентом позиции на 10-ступенчатой шкале социальных статусов. Этот метод часто используется исследователями, считается более надежным и валидным по сравнению с оценкой статуса на схеме в виде пирамиды, которая ведет к занижению индивидом своего места на ней. В распределении самооценок россиянами собственного социального статуса существует заметное тяготение к серединным позициям (рис. 1). Примечательно, что только при выборе самой нижней позиции доминирует и оценка своего положения в обществе как плохого. Тем не менее и среди ставящих себя на вторую и третью ступени «социальной лестницы» значительно чаще распространены оценки этих позиций как плохих (29,3 и 19,9% против 7,2% в среднем по выборке) и реже как хороших (10,3 и 13,0% против 30,4% соответственно).

Учитывая малочисленность группы социальных аутсайдеров (ставящих себя на самую нижнюю позицию) и факт доминирования в следующих двух группах негативных оценок своего статуса над позитивными, мы будем рассматривать все три эти группы как представителей сравнительно немногочисленных субъективных «социальных низов» (11,9%).

³ Соответствующие коэффициенты Спирмена равны 0,262 и 0,234.

⁴ Соответствующие коэффициенты корреляции Спирмена были равны 0,232 в 2014 г. и 0,294 в 2024 г.

⁵ Соответствующие коэффициенты корреляции Спирмена составили 0,288 в 2014 г. и 0,272 в 2024 г.

Рис. 1. Взаимосвязь самооценки своей позиций на «социальной лестнице» с оценкой собственного положения в обществе, 2024 г., в %

Примечание. Коэффициент корреляции Спирмена между представленными переменными равен 0,369.

Численность ассоциирующих свой статус с высокими ступенями на «социальной лестнице» составляет 14,9%, и только с 8-й ступени заметно доминирование субъективных оценок соответствующих позиций как хороших. Серединные же позиции на статусной лестнице пользуются у россиян наибольшей популярностью, но выбирающие их распадаются на две группы. Первая группа (выбирающие позицию в 4 балла) находится ближе к полюсу субъективных социальных низов и является переходной, поскольку доля оценивающих свой статус в ней как плохой значительно выше, чем в среднем по выборке, а характеризующих его как хороший – ниже общероссийской. О ее переходном характере говорит и то, что доли оценивающих свой статус как плохой и хороший в ней равны. Вторая группа объединяет тех, кто выбрал 5–7 позиции на «социальной лестнице», поскольку позитивное восприятие собственного статуса на этих позициях доминирует над негативным, а в случаях с 6 и 7 позициями даже превышает общероссийский уровень.

Портреты выделенных статусных групп сильнее всего различаются профессиональными и экономическими характеристиками (табл. 2). В группе субъективно высокостатусных относительно чаще встречаются руководители и специалисты на должностях, предполагающих наличие диплома о высшем образовании, а среди «социальных низов» доминируют экономически неактивные слои населения. Та же тенденция поляризации фиксируется и в отношении индивидуальных доходов. Существует также взаимосвязь между субъективным восприятием своего статуса и уровнем образования как собственным, так и родителей, хотя эти связи и слабее. Тем не менее наличие высшего образования относительно чаще встречается среди представителей высокостатусной группы, хотя типичным оно не стало пока ни для одной из групп. Кроме того, практически каждый четвертый представитель всех рассматриваемых статусных групп имеет диплом о высшем образовании, что указывает на довольно высокую дифференциацию жизненных траекторий имеющих этот диплом.

Роль родительского образования для высокой самооценки собственного статуса оказывается более значимой, чем собственное. Среди тех, кто определял свой статус как высокий, меньше всего выходцев из семей, в которых оба родителя не имели профессионального образования (19,1%). Среди представителей субъективных средних слоев таких было уже 25,4%, в переходной группе и «социальных низах» 42,3 и 40,1% соответственно. При этом наибольшая численность выходцев из семей, в которых один или оба родителя имели высшее образование, фиксируется в субъективных средних слоях и высокостатусной группе (35,5 и 33,1% против 18,6 и 23,4% среди представителей «социальных низов» и в переходной группе). Таким образом, высокий образовательный статус родительской

Таблица 2

Ключевые характеристики групп, различающихся субъективным статусом их представителей, 2024 г., в %

Группы	«Низы»	Переходная группа	Средние слои	Высококачественные
<i>Профессиональный статус работающих</i>				
Предприниматели и самозанятые	4,0	4,3	4,6	5,9
Руководители разных уровней	–	1,2	5,3	8,6
Специалисты на должностях, предполагающих высшее образование	13,9	19,3	24,5	30,9
Служащие на должностях, не требующих высшего образования	17,8	18,6	14,3	15,6
Рядовые работники торговли или сферы бытового обслуживания	17,8	16,1	14,7	14,1
Рабочие от 5 разряда	16,8	12,4	15,0	10,9
Рабочие 1–4 разряда и без разряда	29,7	28,0	21,6	14,1
<i>Статус занятости</i>				
Работают	42,8	60,1	74,5	86,2
Не работают (в том числе пенсионеры – 73,8%)	57,2	39,9	25,5	13,8
<i>Индивидуальные доходы по отношению к поселенческой медиане</i>				
Высокодоходные (с доходами свыше 2 медиан)	–	2,0	9,5	14,4
Среднедоходные (от 1,25 до 2 медиан)	8,9	13,7	27,1	37,5
Медианная группа (от 0,75 до 1,25 медианы)	31,3	35,3	36,4	33,2
Низкодоходные (с доходами не выше 0,75 медианы включительно)	59,8	49,0	27,0	14,8
<i>Образовательный уровень</i>				
Высшее	22,9	25,4	35,4	41,4
Среднее специальное или незаконченное высшее	53,8	50,7	50,5	45,5
Без профессионального образования	23,3	23,9	14,1	13,1
Всего	11,8	13,4	59,8	14,9

Примечания. Фоном выделены показатели, превышающие среднюю величину по выборке более чем на 3%, жирным шрифтом – максимальный показатель по столбцу. Коэффициенты корреляции Спирмена составили между принадлежностью к статусной группе и: профессиональным статусом 0,281, индивидуальным среднемесячным доходом 0,331, уровнем образования 0,138, образованием обоих родителей 0,163.

семьи повышает вероятность позитивной оценки собственного статуса⁶, хотя полностью ее и не определяет.

⁶ Отчасти это связано, видимо, с межпоколенческим воспроизводством образовательных статусов и привилегированным положением выходцев из высокообразованных семей.

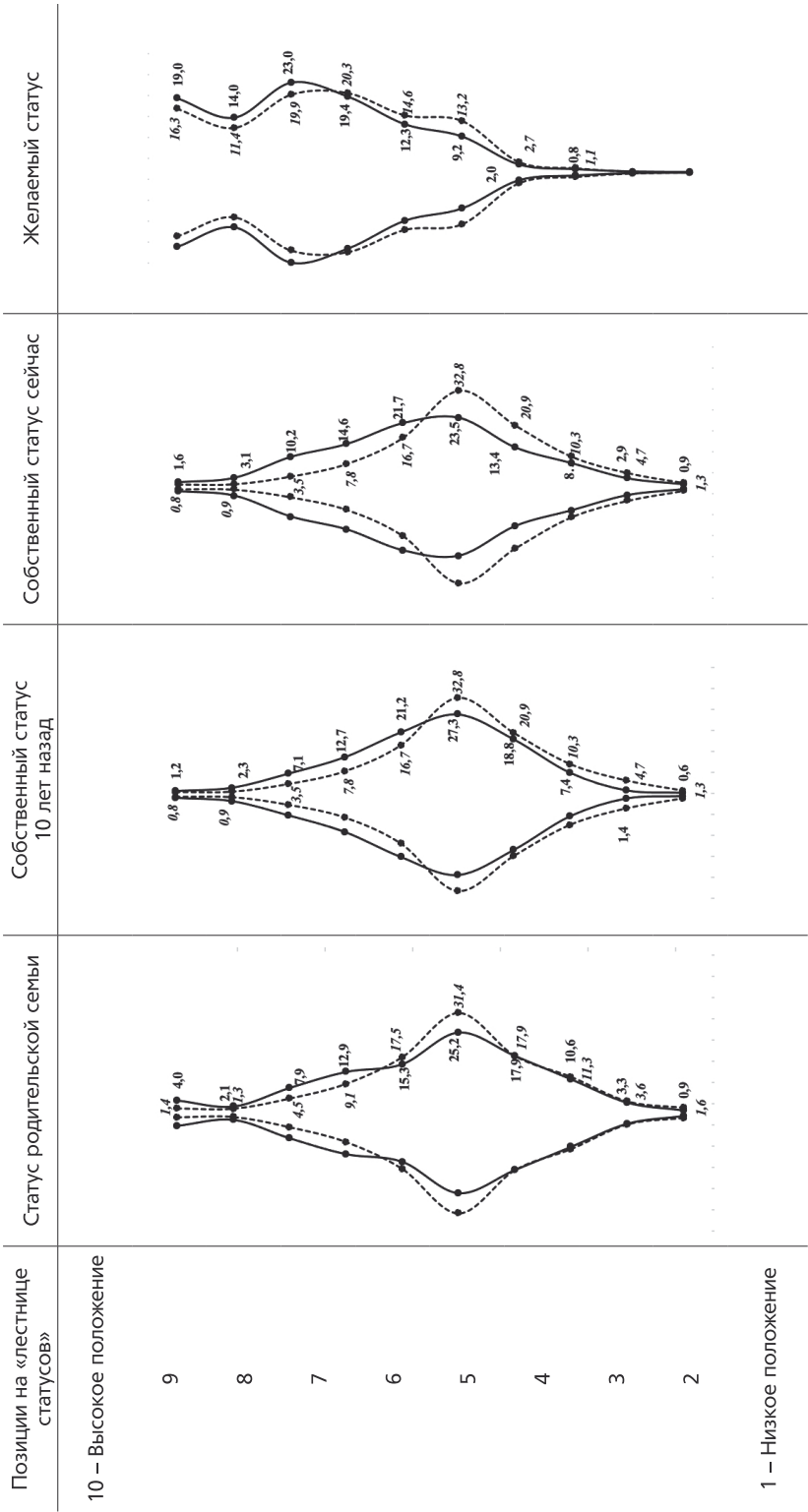

Рис. 2. Динамика оценок россиянами положения в обществе их родительских семей, их собственных статусных позиций 10 лет назад, их нынешнего места в обществе и желаемой статусной позиции в нем, 2014–2024 гг., в %

Примечание. Пунктирная линия соответствует 2014 г., сплошная – 2024 г.

Межгенерационное воспроизводство статусных позиций можно увидеть при сопоставлении оценок, которыми россияне определяют позицию родительской семьи и свою собственную в общественной иерархии (рис. 2). Эти оценки очень похожи, хотя просматривается тенденция к повышению оценок собственного статуса в сравнении со статусом родительской семьи. Так, 39,8% представителей высокостатусной группы происходили из семей, которые поставили на средние (5–7) позиции, при этом почти треть (28,2%) субъективных средних слоев вышли из семей, находившихся, по их оценкам, на низких и переходных позициях. Также 37,6% состава переходной группы и 35,5% представителей социальных низов происходили из средних слоев, то есть у них имело место снижение статуса по отношению к родительской семье (нисходящая межгенерационная социальная мобильность).

Еще важнее восприятие динамики собственного статуса. Практически половина (51,5%) состава высокостатусной группы оценивала в 2024 г. свой статус 10 лет назад как средний, то есть, по крайней мере, субъективно эти люди совершили серьезный рывок. Восходящую мобильность из состава социальных низов и переходной группы совершил и каждый пятый представитель нынешних субъективных средних слоев (20,7%). Наряду с этим в совокупности треть состава представителей «социальных низов» оценивали свой прежний статус как средний (32,6%) или высокий (2,5%), а среди представителей переходной группы таких было 39,5 и 2,3% соответственно. Это значит, что нисходящая мобильность также распространена в массовых слоях населения довольно широко.

Обращаясь к характеру статусных притязаний, отметим, что они у россиян достаточно высоки, поскольку более половины населения в качестве желаемых выбрали высокие позиции (56,0%), а место среди «социальных низов» и даже в переходной зоне устроило бы не более чем 3,1% населения.

Кроме того, статусные притязания россиян довольно специфичны. Так, чем ниже место россиянина в статусной иерархии, тем больше оказывается разрыв между самооценкой места, фактически занимаемого им на «социальной лестнице», и ступенью, на которой он хотел бы находиться. Большинство представителей «социальных низов» стремятся к серединным позициям (62,1%), но которые как минимум на 2–3 ступени выше их текущего статуса. Еще каждый четвертый из их состава хотел бы занимать 8–10 позиции в иерархии социальных статусов (23,8%). В переходной группе соответствующие показатели равны 55,3 и 35,5%. При этом 56,4% представителей субъективных средних слоев тоже хотели бы сменить свои позиции на более высокие (от 8 и выше).

Статусные притязания россиян в целом устойчивы, и произошедшие за последнее десятилетие сдвиги говорят только об их росте (табл. 3). В целом такая модель социальных притязаний существовала 20 лет назад⁷ и с тех пор, несмотря на кризисы 2010-х и новые социально-экономические вызовы 2020-х гг., еще больше укрепилась в обществе.

Что касается субъективной модели стратификации, основанной на текущих оценках россиянами своего социального статуса, то с 2014 г. вдвое выросла численность характеризующих как высокий статус своей семьи (14 против 7%) и собственный статус в десятилетней ретроспективе (11 против 5%), вдвое возросла доля аналогичных оценок собственного статуса (15 против 5%). В этой связи важно понимать, что влияет на ощущение своего места в обществе, если принимать во внимание не только социально-демографические характеристики индивида, но и особенности его ресурсной базы, а также испытываемые им проблемы.

Специфика субъективных статусных групп. Статусная самоидентификация связана с некоторыми имущественными характеристиками россиян и особенностями образа их жизни. Наличие любого движимого, недвижимого имущества и товаров длительного

⁷ Доли выбравших соответствующие позиции в 2003 г. как желаемые составили: 10 (верхняя статусная позиция) – 13,2%; 9–9,9%; 8–22,5%; 7–19,8%; 6–16,3%; 5–14,3%; 4–2,8%; 3–0,9%. Две нижние позиции выбрали тогда менее 1,0% респондентов.

пользования относительно реже, чем в среднем по выборке, встречается у представителей «социальных низов» (за исключением квартиры или дома, и холодильника, которые имеет абсолютное большинство россиян вне зависимости от субъективной статусной позиции (87,7 и 99,2% в среднем по выборке).

Также в высокостатусной группе чаще встречается владение гаражом или местом на коллективной стоянке (24,6 против 8,1% среди «социальных низов»), а также вторым жильем (14,5 против 4,7% соответственно). Посудомоечные машины и кондиционеры также значительно чаще встречаются среди выбирающих высокие позиции на «лестнице социальных статусов» (31,6 и 48,1 против 5,9% и 19,1% в группе идентифицирующих себя с «социальными низами»). Характерной особенностью потребительского стандарта субъективных средних слоев выступают компьютеры и ноутбуки (66,5 против 36,0% и 48,1% среди «социальных низов» и членов переходной группы), а также автомобили (59,5 против 31,8% и 41,0% среди «социальных низов» и членов переходной группы). Еще чаще они встречаются в высокостатусной группе (74,7 и 71,4%). Все это само по себе многое говорит о различиях в образе жизни рассматриваемых групп.

Динамика владения различными видами имущества в группах с разными субъективными оценками своего социального статуса демонстрирует три ключевых тенденции, первая из которых заключается в изменении роли элементов традиционного образа жизни, связанных с владением землей (в т.ч. садово-огородными участками) и скотом. Вторая тенденция относится к росту обеспеченности россиян основным жильем, а третья связана с сокращением на этом фоне среди них численности владельцев иных видов недвижимого имущества, в особенности гаражей и мест на коллективных стоянках.

Рост владельцев дач среди представителей средних слоев отчасти связан с попыткой улучшить таким образом свое экономическое положение (применительно скорее к переходной группе), а отчасти – с характерным образом жизни (преимущественно субъективных средних слоев). Для иллюстрации этой тенденции мы обратились к данным ВЦИОМ, полученным на репрезентативной всероссийской выборке⁸, и предприняли попытку выявить взаимосвязь между владением дачей или земельным участком и субъективными оценками своего материального положения. Среди россиян, оценивающих его как плохое и очень плохое, сравнительно чаще распространено использование дач с целью выращивания сезонной сельхозпродукции (72,2 и 72,7% соответственно против 68,7% в среднем по массиву). Напротив, среди тех, кто оценивает свое материальное положение как хорошее, сравнительно чаще дачи используются в качестве места для развлечений и отдыха (44,4 против 31,5% в среднем по массиву). А среди владельцев дач с оценками материального положения как очень хорошего чаще распространена практика сдачи в аренду этого вида имущества (11,1 против 0,9% в среднем).

В наибольшей степени сокращения владельцев недвижимого имущества коснулось наиболее благополучной в субъективном отношении группы, в которой за последнее десятилетие значимым образом уменьшились доли владельцев дач, участков без дома, гаражей и второго жилья. Это тревожный тренд на фоне того, что есть данные и об истощении ресурсной базы наиболее благополучной части массовых слоев населения под влиянием социально-экономических пертурбаций последнего десятилетия [Богомолова, Черкашина, 2020]. Вместе с тем это привело к некоторому сглаживанию имущественных

⁸ Использовались авторские расчеты на основании открытого массива данных, размещенного на сайте ВЦИОМ. См. подробнее информацию об особенностях инструментария и методики исследования по ссылке URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dacha-i-kak-my-ee-ispolzuet> (дата обращения: 24.07.2024). Для расчетов использовался вопрос о целях использования дачи: «Как вы чаще всего используете дачу или земельный участок?» (варианты ответа представлены по ссылке) и вопрос о субъективной оценке своего дохода: «Как бы вы оценили в настоящее время материальное положение вашей семьи?», варианты ответа предлагались следующие: «очень хорошее, хорошее», «среднее», «плохое, очень плохое», затруднившиеся ответить автором исключались из анализа, доля таких ответов в выборке составила 0,5%.

Таблица 3

Динамика владения различными видами движимого и недвижимого имущества в группах с разной статусной самоидентификацией, 2013–2024 гг., в %

Виды имущества	«Низы»		Переходная группа		Средние слои		Высоко-статусные		Россияне в целом	
	2013	2024	2013	2024	2013	2024	2013	2024	2013	2024
Квартира, дом	80,7	87,7	81,0	84,0	83,7	88,6	84,3	87,5	82,5	87,7
Дача, садово-огородный участок с домом	22,7	21,2	24,7	29,1	27,7	32,2	44,9	28,6	26,9	30,0
Садово-огородный участок без дома	21,0	7,6	18,4	9,3	16,8	10,5	19,1	11,8	18,2	10,2
Земля	2,6	2,1	2,3	3,0	3,8	3,0	4,5	4,7	3,3	3,3
Скот	4,0	3,4	4,3	7,5	6,6	2,4	5,6	1,3	5,4	3,1
Гараж или место на коллективной стоянке	15,3	8,1	20,4	10,4	29,0	18,8	36,0	24,6	24,5	17,2
Второе жилье (квартира, зимний дом и т.п.)	4,5	4,7	3,7	4,9	6,8	8,5	18,0	14,5	6,3	8,5
Ничего из перечисленного в собственности не имеем	11,4	9,3	11,5	9,0	8,8	8,9	4,5	8,4	9,7	8,9

Примечание. Фоном в таблице выделены показатели, которые выросли более чем на 5 п.п. по отношению к 2013 г., жирным шрифтом и подчеркиванием – те, которые соответствующим образом снизились. В силу отсутствия необходимых данных в массиве 2014 г. использовались данные исследования «Бедность и бедные в современной России», проведенного в 2013 г.

различий, распространенной нормой сегодня является только владение основным жильем (табл. 3).

Наряду с имущественными различиями фиксируются отличия в досуговых предпочтениях рассматриваемых статусных групп. Субъективные средние слои и представители высокостатусной группы заметно отличаются многообразием форм досуговой активности. В динамике с 2013 г. наиболее высокие темпы сокращения приверженцев разнообразного досуга фиксируются среди «социальных низов» (с 55,4 до 28,4%) и в переходной группе (с 57,2 до 42,5% соответственно). Впрочем, и в остальных двух группах в этом смысле наблюдались нисходящие тенденции – с 70,1 до 53,1% среди субъективных средних слоев и с 66,3 до 54,9% в высокостатусной группе. То есть в последнее десятилетие происходило оскудение досуга россиян, но статусные позиции существенно корректируют эту общую тенденцию, на которую заметно повлияла пандемия коронавируса, заставившая в свое время многих отказаться от привычных форм досуга [Коленникова, 2021].

Прямо противоположная картина наблюдается относительно проблем, с которыми представители различных субъективных статусных групп сталкивались за последний год – их разнообразие характерно для «низов» (50,8% столкнулись в течение года перед опросом с тремя и более проблемами) и переходной группы (45,5% соответственно). Доля столкнувшихся сразу с несколькими проблемами значительна и в более благополучных в статусном отношении группах – 34,1% среди представителей субъективных средних слоев и 39,7% в высокостатусной группе. В течение последнего десятилетия ситуация с проблемами характеризовалась нарастанием их множественности, хотя и не таким стремительным, как изменения в области досуга. С 2014 г. увеличилась доля тех, кто за последний год перед опросом сталкивался с тремя и более проблемами (с 34,4 до 37,0%). Причем если оскудение досуга затронуло в большей степени нижние слои, то проблемы

наиболее высокими темпами нарастали в верхней части «социальной лестницы». С 2014 г. в высокостатусной группе доля характеризующихся множественностью проблем возросла с 8,7 до 39,7%, а среди представителей субъективных средних слоев – с 28,1 до 34,1%. Соответствующим образом в этих группах снизилась доля тех, кто не сталкивался со значимыми для них проблемами (с 53,3 до 26,9% среди высокостатусных и с 32,3 до 30,7% среди представителей средних слоев), хотя по итогам опроса 2024 г. в сравнении с «социальными низами» и переходной группой в них все-таки выше численность не сталкивающихся со значимыми проблемами.

Важна и иерархия конкретных проблем внутри разных статусных групп. В тройку наиболее распространенных из них для представителей «социальных низов» входят проблемы с обеспечением базовых витальных потребностей – проблемы со здоровьем (44,5%), материальным положением (46,6%) и доступом к необходимой медицинской помощи (28,8%). В переходной группе, поскольку в ее составе больше экономически активных граждан, проблемы со здоровьем (36,6%) и доходами (30,6%) дополняет проблема с работой (24,6%). В двух остальных статусных группах, во-первых, сравнительно высока численность заявляющих об отсутствии у них значимых проблем (30,7% в средних слоях и 39,7% среди высокостатусных россиян). Во-вторых, на первый план помимо универсальной для всех групп проблемы со здоровьем (33,2% в средних слоях и 22,2% в высокостатусных) у них выходят качественно иные проблемы, связанные с образом жизни, а не с обеспечением базовых потребностей, в частности нехватка времени на то, чтобы сделать повседневные дела (22,9 и 25,6% соответственно) и заняться тем, чем хочется (26,2 и 23,6%).

Выводы. С точки зрения восприятия собственной статусной позиции условные «социальные низы» и «верхи» массовых слоев составляют примерно равные по численности группы, хотя за последнее десятилетие численность вторых существенно возросла. Несмотря на это, российское общество с точки зрения соотношения различных групп в его субъективной социальной структуре является скорее обществом массовых средних слоев с доминированием нижней их части.

Восприятие социального статуса у россиян имеет под собой вполне объективные основания, включающие достижимость для них их приоритетных жизненных целей. Влияет на оценки россиянами своего статуса и статус родительских семей, что отражает межпоколенческое воспроизводство статусных позиций. Однако это воспроизводство дополняется как восходящей статусной мобильностью, так и все еще достаточно массовой нисходящей мобильностью. Это настораживает на фоне довольно высоких социальных притязаний россиян.

Полярные статусные группы отличаются некоторыми имущественными характеристиками, образом жизни и спецификой переживаемых их представителями проблем. С точки зрения образа жизни «социальные низы» и тяготеющая к ним переходная группа (в сравнении с субъективными средними слоями и оценивающими свой статус сравнительно высоко) отличаются отсутствием экономических ресурсов, способных сформировать «подушку безопасности», недостаточной обеспеченностью товарами длительного пользования, предназначенными для увеличения комфорта и экономии времени, а также относительной скудостью и пассивностью досуга. В большей степени характерны для них и проблемы с обеспечением базовых потребностей, в то время как представители средне- и высокостатусной групп относительно чаще озабочены проблемами нехватки времени. При этом универсальными для всех статусных групп являются проблемы со здоровьем.

Наряду с этим фиксируются нисходящие тенденции в отношении имущественной обеспеченности и досуговой активности и восходящий тренд в части количества переживаемых проблем для тех, кто субъективно определяет свой статус как высокий. Несмотря на то что в целом именно этой части массовых слоев удавалось успешно адаптироваться к постоянно меняющимся условиям, их ресурсная база и образ жизни все же подверглись с середины 2010-х гг. значимым изменениям.

Таким образом, хотя последнее десятилетие оказалось непростым для россиян с точки зрения изменений в объективных условиях их жизни, это не привело к субъективному занижению их статусных позиций. Напротив, приросла численность как субъективно благополучных с точки зрения их статусной позиции россиян, так и желающих сменить свои позиции на еще более высокие. Тем не менее, несмотря на позитивные тренды в восприятии собственных статусных позиций, важно учитывать, что это восприятие тесно связано с уровнем запросов человека на желаемый социальный статус. Такие запросы среди россиян продолжают нарастать. Наиболее велик разрыв между текущей и желаемой статусными позициями среди условных «социальных низов» и в переходной группе, которые в совокупности составляют около четверти населения страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богомолова Т.Ю., Черкашина Т.Ю. Стратификация по нефинансовому богатству российских домохозяйств: высота, профиль, детерминанты // Мир России. 2020. Т. 29. № 4. С. 6–33.
- Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. Восприятие неравенства и социальная мобильность // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 18. № 2. С. 216–248.
- Зудина А.А. Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 3. С. 27–63.
- Коленникова Н.Д. Экономический статус занятого населения России: объективное и субъективное измерения // Вестник Института социологии. 2018. № 1. С. 76–94.
- Коленникова Н.Д. Воздействие пандемии на социально-психологическое самочувствие и поведение россиян // ИНАБ. Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. С. 18–32.
- Косова Л.Б. Основания успеха: результаты сравнительного анализа оценок субъективного статуса // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2014. Т. 18. № 3–4. С. 118–126.
- Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022.
- Тихонова Н.Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. Т. 126. № 1–2. С. 17–29.
- Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф: ИС РАН, 2014.
- Тихонова Н.Е. Субъективная стратификация российского общества: состояние, динамика, ключевые проблемы: аналитический доклад / Под науч. ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2021.
- Ares M. Changing classes, changing preferences: how social class mobility affects economic preferences // West European Politics. 2020. Vol. 43(6). P. 1211–1237.
- Buccioli A., Cicognani S., Zarri L. Social Status Perception and Individual Social Capital: Evidence from the US // The B.E. Journal of Economic Analysis & Policy. 2020. Vol. 20(1). P. 1–14.
- Cansunar A. Who Is High Income, Anyway? Social Comparison, Subjective Group Identification, and Preferences over Progressive Taxation // Journal of Politics. 2021. Vol. 83. № 4. P. 1292–1306.
- Chen Y., Fan X. Discordance between subjective and objective social status in contemporary China // The Journal of Chinese Sociology. 2015. Vol. 14. № 2. P. 1–20.
- Curtis J. Middle Class Identity in the Modern World: How Politics and Economics Matter // Canadian Review of Sociology. 2013. Vol. 50. № 2. P. 203–226.
- Curtis J. Social Mobility and Class Identity: The Role of Economic Conditions in 33 Societies, 1999–2009 // European Sociological Review. 2016. Vol. 32. № 1. P. 108–121.
- Duman A. Subjective social class and individual preferences for redistribution: Cross-country empirical analysis // International Journal of Social Economics. 2020. Vol. 47. № 2. P. 173–189.
- Evans M.D.R., Kelley J. Communism, Capitalism, and Images of Class: Effects of Reference Groups, Reality, and Regime in 43 Nations and 110,000 Individuals, 1987–2009 // Cross-Cultural Research. 2017. Vol. 51. № 4. P. 315–359.
- Fernández-Albertos J., Kuo A. Income Perception, Information, and Progressive Taxation: Evidence from a Survey Experiment // Political Science Research and Methods. 2018. Vol. 6. № 1. P. 83–110.
- Kim J.H., Lee C.S. Social Capital and Subjective Social Status: Heterogeneity within East Asia // Social Indicators Research. 2021. Vol. 154. № 3. P. 789–813.
- Kroll C., Delhey J. A Happy Nation? Opportunities and Challenges of Using Subjective Indicators in Policy-making // Social Indicators Research. 2013. Vol. 114. № 1. P. 13–28.
- Kuball T., Jahn G. Subjective social status across the past, present, and future: status trajectories of older adults // European Journal of Ageing. 2024. Vol. 21. P. 1–11.

- Lenzner T., Höhne J.K. Measuring Subjective Social Stratification: How Does the Graphical Layout of Rating Scales Affect Response Distributions, Response Effort, and Criterion Validity in Web Surveys? // *International Journal of Social Research Methodology*. 2021. Vol. 25. № 2. P. 269–275.
- Melli G., Scherer S. Populist Attitudes, Subjective Social Status, and Resentment in Italy // *Social Indicators Research*. 2024. Vol. 173. P. 589–606.
- Raudenská P. Measurement Invariance of Subjective Social Status: The Issue of Single-Item Questions in Social Stratification Research // *Research in Social Stratification and Mobility*. 2024. Vol. 92. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2024.100953>.
- Warner W.L. *Social Class in America*. New York: Harper and Row, 1960 [1949].
- Warner W.L., Lunt P.S. *The Status System of a Modern Community*. New Haven: Yale University Press, 1942.
- Waters T., Waters D. Are the Terms “Socio-Economic Status” and “Class Status” a Warped Form of Reasoning for Max Weber? // *Palgrave Communications*. 2016. Vol. 2. P. 1–13.
- Weber M. *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley; Los Angeles, CA: University of California Press, 1978.

Статья поступила: 06.09.24. Финальная версия: 04.11.24. Принята к публикации: 19.11.24.

SUBJECTIVE STRATIFICATION OF RUSSIAN SOCIETY: DYNAMICS AND SPECIFICS

KOLENNIKOVA N.D.

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Russia

Nina D. KOLENNIKOVA, Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Moscow, Russia (kolennikova-nina@mail.ru).

Abstract. The article shows that during the last “crisis” decade some changes have occurred in the subjective social structure of Russian society. They are associated with the growing number of subjective upper strata. A significant increase was also recorded in the assessments of their previous status and the status of the parental family as high. The status claims of Russians are also increasing. However, despite these changes, Russian society remains a society of mass subjective middle strata. The high role of life goals related to getting a prestigious job, good earnings, as well as career and educational prospects for assessing one’s own status position and for status reproduction was also noted. Special attention is focused on the high significance of the educational status of parental families. The property differences of status groups and some characteristics of the lifestyle of their members are analyzed. They testify to the relatively favorable situation of the upper strata and subjective middle strata in comparison with the subjective lower strata and the transition group. The main empirical base was the data of the 15th wave of the monitoring study of the Institute of Sociology of the FCTAS RAS, conducted in 2024.

Keywords: social status, subjective stratification, social structure, status groups, subjective measurement, status claims.

REFERENCES

- Ares M. (2020) Changing classes, changing preferences: how social class mobility affects economic preferences. *West European Politics*. Vol. 43. No. 6: 1211–1237.
- Bogomolova T., Cherkashina T. (2020) The Stratification of Russian Households by Non-financial Wealth: Volume, Structure and Correlates. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 29. No. 4: 6–33. (In Russ.)
- Buccioli A., Cicognani S., Zarri L. (2020) Social Status Perception and Individual Social Capital: Evidence from the US. *The B.E. Journal of Economic Analysis & Policy*. Vol. 20. No. 1: 1–14.
- Cansunar A. (2021) Who Is High Income, Anyway? Social Comparison, Subjective Group Identification, and Preferences over Progressive Taxation. *Journal of Politics*. Vol. 83. No. 4: 1–20.
- Chen Y., Fan X. (2015) Discordance between subjective and objective social status in contemporary China. *The Journal of Chinese Sociology*. Vol. 14. No. 2: 1–20.
- Curtis J. (2013) Middle Class Identity in the Modern World: How Politics and Economics Matter. *Canadian Review of Sociology*. Vol. 50. No. 2: 203–226.
- Curtis J. (2016) Social Mobility and Class Identity: The Role of Economic Conditions in 33 Societies, 1999–2009. *European Sociological Review*. Vol. 32. No. 1: 108–121.
- Duman A. (2020) Subjective social class and individual preferences for redistribution: Cross-country empirical analysis. *International Journal of Social Economics*. Vol. 47. No. 2: 173–189.

- Evans M.D.R., Kelley J. (2017) Communism, Capitalism, and Images of Class: Effects of Reference Groups, Reality, and Regime in 43 Nations and 110,000 Individuals, 1987–2009. *Cross-Cultural Research*. Vol. 51. No. 4: 315–359.
- Fernández-Albertos J, Kuo A. (2018) Income Perception, Information, and Progressive Taxation: Evidence from a Survey Experiment. *Political Science Research and Methods*. Vol. 6. No. 1: 83–110.
- Gimpelson V.E. (2014) Perception of Inequality and Social Mobility. *HSE Economic Journal*. Vol. 18. No. 2: 216–248. (In Russ.)
- Kim J.H., Lee C.S. (2021) Social Capital and Subjective Social Status: Heterogeneity within East Asia. *Social Indicators Research*. Vol. 154. No. 3: 789–813.
- Kolennikova N.D. (2018) The Economic Status of Russia's Working Population: Objective and Subjective Dimensions. *Bulletin of the Institute of Sociology*. No.1: 76–94. (In Russ.)
- Kolennikova N.D. (2021) The Impact of the Pandemic on the Socio-Psychological Well-Being and Behavior of Russians. *INAB. Rossiyskoye obshchestvo v usloviyakh pandemii: god spustya (opyt sotsiologicheskoy diagnostiki)* [INAB. Russian Society in a Pandemic: a Year Later (Experience of Sociological Diagnostics)]. No. 2: 18–32. (In Russ.)
- Kosova L.B. (2014) Grounds for Success: a Comparative Analysis of Subjective Status Assessments. *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*. Vol. 18. No. 3–4: 118–126. (In Russ.)
- Kroll C., Delhey J. (2013) A happy nation? Opportunities and challenges of using subjective indicators in policymaking. *Social Indicators Research*. Vol. 1. No. 114: 13–28.
- Kuball T., Jahn G. (2024) Subjective social status across the past, present, and future: status trajectories of older adults. *European Journal of Ageing*. Vol. 21: 1–11.
- Lenzner T., Höhne J.K. (2021) Measuring Subjective Social Stratification: How Does the Graphical Layout of Rating Scales Affect Response Distributions, Response Effort, and Criterion Validity in Web Surveys? *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 25. No. 2: 269–275.
- Melli G., Scherer S. (2024) Populist Attitudes, Subjective Social Status, and Resentment in Italy. *Social Indicators Research*. No. 173: 589–606.
- Raudenská P. (2024) Measurement Invariance of Subjective Social Status: The Issue of Single-Item Questions in Social Stratification Research. *Research in Social Stratification and Mobility*. Vol. 92. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2024.100953>.
- Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Modern Russia (2022) / Ed. by N.E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2014) *The social structure in Russia: theories and reality*. Moscow: Novyy Khronograf. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2018) Subjective stratification of Russian society model and its dynamic. *Vestnik obshhestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. Vol. 126. No. 1–2: 17–29. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2021) *Subjective Stratification of Russian Society: State, Dynamics, Key Problems: Analytical Report* / Ed. L.N. Ovcharova. Moscow: HSE University. (In Russ.)
- Warner W.L. (1960 [1949]) *Social Class in America*. New York: Harper and Row.
- Warner W.L., Lunt P.S. (1942) *The Status System of a Modern Community*. New Haven: Yale University Press.
- Waters T., Waters D. (2016) Are the Terms "Socio-Economic Status" and "Class Status" a Warped Form of Reasoning for Max Weber? *Palgrave Communications*. Vol. 2: 1–13.
- Weber M. (1978) *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley; Los Angeles, CA: University of California Press.
- Zudina A.A. (2013) Informal Employment and Subjective Social Status: The Case of Russia. *Economic Sociology*. Vol. 14. No. 3: 27–63. (In Russ.)

Received: 06.09.24. Final version: 04.11.24. Accepted: 19.11.24.

Ю.В. ЛАТОВ

МЕЖДУ ФУТУРОШОКОМ И ФУТУРОЭЙФОРИЕЙ (восприятие будущего в контексте идеологических предпочтений современных россиян)

ЛАТОВ Юрий Валерьевич – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (latov@mail.ru).

Аннотация. На основе данных опросов Института социологии ФНИСЦ РАН 2000–2020-х гг. выявлена динамика показателей распространенности страха перед будущим (футурошок) и противоположной уверенности в хорошем будущем (футуроэйфории). Проверены гипотезы о взаимосвязи этих чувств с идеологическими предпочтениями. Данные свидетельствуют, что хотя проблема страха перед будущим и не является острой (страх присущ не более чем четверти россиян), но тревожен рост страха перед неопределенностью будущего в последнее десятилетие. Анализ на данных за 2023 г. показал связь футурошоковых и футуроэйфорийных чувств с приверженностью разным идеологемам. Сторонники консервативности и державности чаще уверены в будущем, реже испытывают страх и отчаяние перед ним, в то время как приверженцы социалистических и русско-националистических ценностей – наоборот. Различия не слишком велики (не более 10 п.п.), но сопоставимы с разрывами показателей, которые формируются под влиянием поселенческих различий.

Ключевые слова: социология образа будущего • футурошок • футуроэйфория • Россия • идеология • социальная дифференциация

DOI: 10.31857/S0132162524120087

В 2025 году исполняется 60 лет концепции футурошока, предложенной американским социологом Э. Тоффлером (1928–2016) для обозначения негативного восприятия будущего [Toffler, 1970; Тоффлер, 2004]. Это повод для анализа и концептуализации того, как часто и почему страх перед будущим наблюдается в современной России.

Противоречия формирования образа будущего. Массовое действие, направленное на преодоление угроз и/или достижение цели, требует сильной мотивации, помогающей отказываться от текущих благ ради реализации духовно-культурных ценностей. Такая мотивация возможна на основе ценностных образов либо «хорошего» прошлого, которое нужно сохранить (восстановить), либо «хорошего» будущего. Когда общество развивается «в колее» (в рамках устойчивого аттрактора, общепринятых «правил игры»), то рефлексия о долгосрочных целях мало актуальна. В ситуации бифуркации без такой рефлексии трудно обойтись.

Выработка долгосрочных целей развития актуализировалась для России примерно 15 лет назад. С 2008 г. страна пережила два военных конфликта, четыре экономических кризиса и попытку «болотной» революции, оказавшись за новым «железным занавесом». Проблема мотивации россиян к консолидации оказалась в 2010-х гг. решена ориентацией на «светлое прошлое», на традиционные ценности и на образ (советской) России как

Исследование выполнено в рамках государственного задания ИС ФНИСЦ РАН 2024 г. (рег. номер 124091200014-0) при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований.

великой державы. Хотя критики современного режима подчеркивают его разрыв с либерализмом 1990-х гг., современная политика в этом аспекте повторяет либералов времен Б.Н. Ельцина, которые тоже искали ориентиры в прошлом, эксплуатируя образы «возвращения России в Европу» и ренессанса дореволюционных институтов. Разница между ориентациями 1990-х и 2010–2020-х гг. в том, что в одном случае «хорошим» прошлым считалась (с оговорками) императорская Россия, в другом – еще и советская (тоже с оговорками). Ни один из постсоветских режимов не предложил россиянам нового образа будущего. Более того, принцип революционного (в философском смысле) развития, когда будущее радикально отличается от прошлого, остро критикуется. Доминируют дискурсы, что «Россия исчерпала лимит на революцию», направленные против не только «цветных» революций, но и – неявно – против революций научно-технической, демографической, образовательной и т.д. (см. подробнее [Латов, 2021]). Дискурсы революционных изменений заменены дискурсами реформаторства. «Великую Россию» требуют строить без «великих потрясений», на основе стабильного политического руководства. Но на что направлены эти реформы? Какой быть будущей «Великой России»?

Достигнутая в конце 1980-х гг. открытость страны, возможность сравнивать жизнь в стране и за рубежом, заставляет граждан и политиков России равняться на качество жизни в странах «золотого миллиарда» при принципиальном отторжении некоторых западных норм [Карачаровский, 2024]. Принимаются отраслевые, региональные и т.д. государственные программы совершенствования здравоохранения, образования, транспорта, вооружения, электронных коммуникаций и т.д. Действия бизнеса, ориентированного на платежеспособный спрос, тоже устремлены на приближение жизни россиян к западным стандартам. Они не опираются на сформулированный комплексный образ будущего, но меняют облик если не всей страны, то ее передовых регионов.

Таким образом, с одной стороны, нынешнее политическое руководство формулирует подчеркнуто традиционалистский идеал (вплоть до призывов к молодым женщинам отказываться от высшего образования и карьеры ради деторождения); будущее понимается как ренессанс «правильного» прошлого. С другой стороны, сама меняющаяся жизнь формирует понимание, что Россия будущего – отдаленного и ближайшего, через 5–10 лет – будет *очень* сильно отличаться от современной и прошлой. Советская идеологема, что будущее станет таким, каким его решат сделать граждане, оказалась вытеснена восходящим к О. Тоффлеру образом футурошока – непредсказуемостью и опасностью будущего.

Страх перед будущим как социальная проблема. Как вспоминал автор «Футурошока», «в 1965 г. в статье, опубликованной в “Horizon”, я впервые употребил термин “шок будущего” для описания разрушительного стресса и дезориентации, которые вызывают... слишком большие перемены, происходящие за слишком короткое время» [Тоффлер, 2004: 16]. Концепции футурошока в России не повезло; ее знают, но почти не применяют: у Америки 1960–1970-х и у постсоветской России – очень разные источники страхов перед будущим. Тоффлер акцентировал внимание на постиндустриальных изменениях – качественных преобразованиях рабочей техники, домашнего быта, стилей поведения (вплоть до «сломанной семьи»). В его представлениях заведомо не входило, что страна может за 40 лет дважды поменять доминирующую идеологию (от коммунизма к либерализму и консерватизму), пережить пандемию, два внутренних («чеченские войны») и два внешних военных конфликта, три (в 1991, 1993 и 2011–2012 гг.) попытки столичных «революций» и т.д.

Поэтому призыв автора «Футурошока» считать изменения единственной константой жизни встречается у российских обществоведов сдержанную реакцию. Одни говорят о футурошоке применительно к анализу отдельных аспектов жизни россиян (напр., [Равочкин и др., 2023]). Другие в одобрении Тоффлером перемен видят «традицию западной политической мысли по отрицанию человеческой природы... навязыванию и конструированию образа будущего в котором нет места национально-государственной идентичности, традиционным социальным институтам...» [Бродовская и др., 2023]. В России так и не сложилось

устойчивого внимания к феномену страха перед будущим. О нем мимоходом пишут как об элементе массовидного образа будущего [Желтикова, 2020] или ориентации личности [Нестик, 2014; 2021] в условиях турбулентности. Исследования по социологии образа будущего пока практически отсутствуют в России, хотя развиваются за рубежом на теоретико-макросоциологическом (см.: [Delanty, 2024]), и эмпирическом (напр.: [van der Duin et al., 2020]) уровнях. Между этот феномен определенно заслуживает высокого внимания.

Будущее и настоящее взаимно влияют друг на друга. Современное состояние ресурсов (внешних по отношению к человеку и человеческих) формирует коридор возможностей изменений. Но и образ будущего в общественном сознании существенно детерминирует состояние ресурсов. Если ожидаемого (высоковероятного) будущего страшатся, его не будут желать, ради него не станут мобилизовываться. И наоборот: овладевшая массами идея «светлого будущего» не раз в истории становилась материальной силой. Поэтому для понимания современной ситуации в России – прежде всего, степени заинтересованности разных групп россиян в построении личного и общего «прекрасного далёко» – важно, какого будущего какие слои и группы россиян (не) желают.

Идея, что будущее отличается от настоящего не всегда приятным образом (как выразились Стругацкие, «будущее создается тобою, но не для тебя»), казалась в 1960-х новаторской, однако в наши дни стала тривиальной. Современный человек обречен на колебания между осознанием себя как управляющего своим будущим и как управляемого обстоятельствами объекта изменений. Но сами изменения, создающие иное будущее, вполне осознаются.

Логично ожидать, что образ будущего связан с идеологическими предпочтениями. Идеология тем и отличается от обыденного сознания, что является выражением интересов и идеалов, которые предполагают определенный образ будущего. Дифференциацию идеологий при этом сводят к различиям систем взглядов (коммунисты, социалисты, либералы, националисты и т.д.), сформировавшихся в XX в. Но в современном мире могут непротиворечиво совмещаться идеалы (социальная справедливость, демократическое участие и патриотизм), ранее считавшиеся антагонистическими. В то же время размывание идеологических барьеров нельзя считать отрицанием идеологий. Скорее, речь идет о формировании гибких идеологических предпочтений, где жесткое ядро (стабильное отношение к актуальным вопросам) сочетается с «мягкой» периферией.

Далее, на основании материалов Института социологии ФНИСЦ РАН 2000–2020-е гг. проанализировано, каковы у современных россиян образы будущего и как они соотносятся с их идеологическими предпочтениями. При этом «изобретенный» О. Тоффлером концепт есть смысл дополнить парным концептом, его антитезой. *Футурошок* – только один из полюсов эмоционального восприятия. Его противоположность – радостное восприятие образа будущего, уверенность в хорошем будущем – можно назвать *футуроэйфорией*. Оба понятия описывают крайности; большинство людей, скорее всего, будут тяготеть к промежуточным позициям.

Эмоциональные образы общего и личного будущего. Если смотреть на информацию об отношении к будущему в наборах переживаемых россиянами в 2001–2024 гг. чувств и опасений (табл. 1), то оснований для тревог как будто не видно.

Частоты типичных (переживаемых «часто») положительных эмоций за два последних десятилетия либо стабильны, либо имели тенденцию к росту. Например, частая удовлетворенность тем, что дела идут по плану, «подскочила» с 8,6% в 1999 г. до 29,4% в 2024 г., характеризуя расширение горизонта планирования. В то же время частоты отрицательных эмоций, напротив, снизились. Единственное негативное чувство, которое в 2020-х распространено сильнее, чем в 2000-х гг., – это как раз страх перед неопределенностью будущего. Его «часто» испытывали 23–26% в 2021–2024 гг. в сравнении с 12–20% в 2001–2013 гг. Соответственно, доля тех, кто, по их словам, «никогда не испытывал» в последнее время страха перед будущим, упала с 32–43% в 2001–2013 гг. до 19–25% в 2021–2024 гг. Впрочем, когда в 2003–2013 гг. задавали вопросы не о том, что респонденты чувствуют, а о том,

Таблица 1

Динамика частот эмоционального отношения россиян к будущему, 2001–2024 гг., в %

Переживаемые чувства	2001	2003	2006	2008	2013	2021	2023	2024
<i>Отношение к будущему как элемент переживаемых чувств*</i>								
Чувствовали страх перед неопределенностью будущего часто	18,2	18,1	19,8	14,9	11,6	24,6	23,0	25,8
Чувствовали страх перед неопределенностью будущего иногда	40,0	39,4	43,7	48,9	40,9	36,3	56,7	49,5
Практически никогда не чувствовали страха перед неопределенностью будущего	38,6	42,5	31,8	36,2	41,0	19,1	19,8	24,5
<i>Отношение к будущему как элемент переживаемых опасений**</i>								
Неясность перспектив на будущее	–	21,1	21,8	22,1	19,8	–	–	–
Отсутствие перспектив для детей	–	23,1	–	22,6	17,7	–	–	–

Примечания. * Приведены структурные показатели ответов респондентов на вопрос типа «Как часто за последний год вы переживали следующие чувства?». В некоторых опросах в анкете фигурировала формулировка «Испытывал(а) страх перед будущим из-за ситуации у меня на работе». Сумма долей ответов меньше 100%, поскольку некоторые респонденты затруднялись ответить. Заливкой выделена позиция, которые выбиралась в соответствующий год наиболее часто (или две, если разница между ними меньше 3 п.п.). **Приведены доли респондентов, выбравших соответствующий вариант при ответе на вопрос с множественным выбором «Чего вы больше всего опасаетесь в жизни?».

чего они *опасаются*, то ответы про неясность перспектив в будущем для себя и детей давали в 2000-е гг. тоже 22–23% респондентов. Видимо, повышение страха будущего в 2020-х в сравнении с 2000-ми все же происходило, поскольку настоящее стало более «пугающим», но вряд ли сильно.

Как видим, колебания доли россиян, испытывающих страх перед будущим, отражают текущие события. Это видно по контрасту показателей периода ковид-пандемии и СВО с показателями за 2013 г., последний «спокойный» год перед кризисами. При этом даже в период шоков, когда доля «часто» испытывающих страх перед будущим впервые превысила долю тех, кто «никогда» его не испытывал, эта доля страшящихся составляла лишь порядка 1/4 населения.

Рассмотренные показатели характеризуют один полюс – распространенность «футурошоковых» ощущений. Отсутствие страха перед неопределенностью будущего не обязательно означает «футурозифорическую» веру в «светлое будущее»; оно может проявляться в нейтральном отношении к нему, в отсутствии рефлексии о будущем. Когда в 2021 г. респондентов спрашивали, приходится ли им задумываться о будущем, оказалось, что даже о личном будущем «регулярно» думают 62,8%, еще 24,3% думают о нем «иногда»; применительно к будущему страны соответствующие показатели падали до 26,9 и 34,6%. Как видим, в «ковидный» год, когда поводов для размышлений о будущем было больше, чем обычно, почти 2/5 россиян не рефлексировали о будущем своей страны, а 1/8 – даже о личном будущем.

В базе опросов Института социологии ФНИСЦ РАН есть информация за «трудное» пятилетие 2020–2024 гг., позволяющая представить палитру – от уверенности до отчаяния – чувств по поводу своего будущего и будущего страны. Респонденты про страх в отношении будущего говорят реже, чем в ответах на вопросы о частоте переживаемых эмоций. Возможно, переживание страха перед неопределенностью будущего примерно соответствует не только чувствам страха и отчаяния, но и высоким степеням беспокойства.

Таблица 2

**Динамика структуры чувств россиян к своему будущему и будущему страны,
2001–2024 гг., в %**

Период	Объекты	Переживаемые чувства					
		уверенность в хорошем будущем	спокойствие	надежда	беспокойство	страх	отчаяние
2020	Свое будущее	9,7	14,5	29,2	33,5	5,3	3,4
	Будущее страны	6,6	9,2	26,8	33,0	9,5	6,4
2021	Свое будущее	12,5	16,5	29,5	28,7	4,8	3,6
	Будущее страны	10,0	7,7	26,0	28,4	9,8	6,8
2022	Свое будущее	7,3	7,3	33,4	39,9	9,2	2,5
	Будущее страны	9,9	5,8	30,4	33,1	16,6	3,5
2023	Свое будущее	14,2	16,4	28,9	31,8	6,8	1,4
	Будущее страны	16,7	9,2	31,3	31,0	7,8	3,3
2024	Свое будущее	17,6	18,0	29,4	28,2	4,4	2,1
	Будущее страны	23,0	11,2	32,0	24,8	6,0	2,6

Примечание. Формулировка вопроса: «Когда вы думаете о своем будущем и о будущем нашей страны, то какие чувства вы чаще всего испытываете?» Сумма долей ответов меньше 100%, поскольку некоторые затруднились ответить. Заливкой в табл. 2 и 3 выделена позиция, которые выбиралась в соответствующий год наиболее часто (или две, если разница между ними меньше 3 п.п.).

По данным табл. 2 видно, что самые положительные (уверенность в хорошем будущем) и самые отрицательные (страх, отчаяние) эмоции находятся на нисходящих концах мысленной кривой частот, самыми частыми являются «беспокойство» и отчасти «надежда». Эти модальные эмоции переживали порядка 55–65%, в то время как «уверенность в хорошем будущем» – не более 23%, а «страх» и «отчаяние» – не более 20%. Таким образом, футурошок наблюдался у россиян реже футурозейфории (за исключением начала кризисов в 2020 и 2022 гг.), но оба крайние состояния даже вместе взятые уступали «средним» чувствам. При этом чувства в отношении своего будущего являются более усредненными, чем в отношении будущего страны. «Страш» и «отчаяние» по поводу будущего страны всегда наблюдаются чаще, чем в отношении своего будущего. Пик распространности футурошоковых чувств пройден в год начала СВО, когда от будущего России испытывали страх и отчаяние 20,1%, а от личного – 11,7%. Затем переживание этих эмоций пошло на спад. Самой тревожной характеристикой является то, что в средних чувствах «беспокойство» постоянно существенно (до 3–5 раз) перевешивает «спокойствие» и в большинстве случаев встречается чаще «надежды». Правда, в 2024 г. впервые в отношении будущего России «надежда» высказывалась заметно чаще «беспокойства».

Асимметрия заметна и по уверенности россиян в благоприятном личном будущем, динамику которой можно проследить за 2008–2022 гг. (табл. 3). Доля полностью уверенных в нем (в интервале 5–8%) в замерах была в разы меньше доли совершенно не уверенных (порядка 12–20%). Но и в этом динамическом ряду преобладают «средние» ответы, так что медианным в «обычные» годы выступало мнение «скорее уверен». В кризисные 2020 и 2022 гг. оно сначала сравнялось с более пессимистическим мнением «скорее не уверен», а потом упало ниже него.

Итак, проблема страха перед будущим хотя и не является острой (страх при разных подходах к его измерению присущ в 2020-е гг. не более чем четверти россиян), но она

Таблица 3

**Динамика структуры уверенности россиян
в благоприятном личном будущем, 2008–2022 гг., в %**

Период	Уверенность в благоприятном личном будущем			
	полностью уверен	скорее уверен	скорее не уверен	совершенно не уверен
2008	7,7	43,3	24,0	13,9
2016	5,4	39,1	28,5	12,9
2020	5,4	30,6	29,1	19,9
2022	6,2	36,8	38,5	17,2

существует. Наиболее тревожна его динамика. Если до 2013 гг. страх перед неопределенностью будущего снижался, то за 2014–2024 гг. доля переживающих страх выросла, превысив уровень 2000-х гг. Когда людей пугает неопределенность, это будет сужать их горизонт планирования, ухудшая эмоциональный фон повседневной жизни и материальное благосостояние, генерируя социальную напряженность. Впрочем, рост страха перед неопределенностью неизбежен для череды кризисов и не должен восприниматься как сигнал опасности, если только не провоцирует социальные расколы.

Если дифференциация степеней (не)уверенности в будущем связана с личными обстоятельствами (психологическим типом характера, возрастными особенностями и т.д.), то она не является социальной проблемой. Заметно опаснее, если дифференциация обусловлена идеологическими предпочтениями: сторонники одних идеологий чаще испытывают футурозйфорию, адепты других – футурошок. Поскольку единые идеологические предпочтения способствуют политическому объединению, то, как показывает история, относительно небольшое сплоченное сообщество, испытывающее сильный дискомфорт от ожидаемого будущего, может организовать «великие потрясения», даже если для основной массы населения характернее умеренное беспокойство и надежда на лучшее. Рассмотрим, в какой степени в современной России наблюдается совпадение дифференциации (не)уверенности в будущем с дифференциацией идеологических предпочтений.

Рациональные образы желаемого будущего. Набор базовых идеологий – либерализм (ценность свободы), социализм (ценность справедливости), национализм (ценность единства) и консерватизм (ценность стабильности), – сформировался в позапрошлом веке и мало менялся. Для определения идеологической характеристики личности возможны два метода идентификации – по субъективной оценке (по самоидентификации) и по объективным критериям (ценности какого идеологического набора предпочитает респондент). Второй вариант предпочтительнее. Практически все идеологиемы в ходе постсоветской политической конкуренции изображались карикатурными клише, искажающими их базовое содержание, так что в наши дни для корректной идеологической самоидентификации нужны обществоведческие знания. Идеологическая стратификация респондентов по предпочитаемым идеологемам при изучении образов будущего в общественном сознании хороша и тем, что главным элементом любой идеологии является образ желаемого будущего – желаемых «правил игры». Поэтому изучение идеологической стратификации россиян становится и анализом рациональных (осознанных и хотя бы элементарно систематизированных) образов желаемого будущего.

По базе опросов Института социологии ФНИСЦ РАН можно проследить, как с 2012 г. менялась приверженность россиян разным идеологемам. Среди них есть четыре универсальные идеологические ориентации – социалистическая (справедливость), либеральная (демократия, рынок), консервативная (национальные традиции) и националистическая (власть русских). К ним добавлена державническая ориентация.

Структура идеологических симпатий/антипатий россиян, выраженных в предпочтении желаемого будущего, отличается стабильностью. Во всех замерах чаще (и с большим

Таблица 4

Динамика идеологических предпочтений россиян, 2012–2023 гг., в %

Представления о желаемом будущем России	2012	2014	2018	2020	2023
<i>Социалистическая идеология</i>					
Социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах*	44,7 (1)	52,9 (1)	58,6 (1)	55,7 (1)	45,0 (1)
<i>Консервативная идеология</i>					
Возвращение к национальным традициям, моральным ценностям, проверенным временем**	22,4 (4)	32,6 (2–3)	26,5 (4)	27,3 (4)	37,6 (2)
<i>Либеральные идеологии</i>					
Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	27,5 (2–3)	29,3 (4)	36,8 (2)	34,4 (2)	35,4 (3)
Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику***	7,4	12,0	14,2	14,6	10,7
<i>Державническая идеология</i>					
Великая держава мира	26,6 (2–3)	32,8 (2–3)	32,1 (3)	29,6 (3)	32,9 (4)
<i>Националистическая идеология</i>					
Россия в первую очередь для русских, создание русского национального государства	14,3 (5)	18,6 (5)	12,1 (5)	11,9 (5)	11,2 (5)

Примечания. При ответе на вопрос «Какой вы хотели бы видеть Россию будущего?» (формулировка 2023 г.) респондент мог выбрать одну или несколько (не более трех) идеологий, характеризующих желаемое будущее России. В скобках указаны ранги идеологий. Идеологии считались одноранговыми, если различия долей ответов меньше 2 п.п. * В опросах 2018–2023 гг. использовалась формулировка – «социальная справедливость». ** В опросах 2018–2023 гг. указывались «моральные и религиозные ценности». *** Данную идеологию вряд ли следует относить к основным: представление о свободном рынке и минимизации государственного регулирования свойственно не либерализму в целом, а некоторым (классическим, снижающим популярность) его направлениям; идущая от кейнсианства традиция либерализма решительно отказывается от трактовки роли государства как «ночного сторожа». В современной России сохраняется понимание либерализма как идеологии минимизации государственного регулирования, что является отражением негативных воспоминаний о «либеральных» 1990-х.

отрывом) называют социалистическую идеологию (в коридоре 45–59%), реже (тоже с отрывом) – националистическую (11–19%). После инициированного правительством консервативно-державнического поворота 2013–2014 гг. следовало, казалось, ожидать взлета консерватизма и державничества при маргинализации либерализма. Но симпатии россиян к этим идеологиям мало изменялись. Консервативная идеология за 2012–2024 гг. повысила популярность более чем в полтора раза (с 22 до 38%), хотя наблюдается чередование «подскоков» и спадов ее популярности. Волнообразная динамика заметна и у державнической идеологии, популярность которой выросла слабее (с 27 до 33%), чем консерватизма. Что же касается либеральной идеологии, ее популярность в 2010-х выросла с 28 до 37%, а в 2020-е почти не менялась (табл. 4).

Таким образом, для страха перед будущим, которое в последние годы конструируется «сверху» на основе не самых популярных в нашем обществе идеологий, у значительной части россиян есть основания. Впрочем, преувеличивать идеологические расхождения между современной властью и народом России вряд ли следует. С одной стороны, популярность идеологии не тождественна ее значимости (либеральные права человека могут быть значимы для многих, но занимать в их приоритетах последние позиции). Кроме того, у россиян редко встречаются моноидеологические предпочтения,

типично сочетание разных идеологем. В результате, например, «либерал-державники» будут не удовлетворены в либеральных предпочтениях, но удовлетворены тем, что Россия снова становится «великой державой мира». С другой стороны, современная власть в отстаивании идеологических приоритетов действует осторожно, не стремясь к конфронтации¹.

Преуменьшать эти расхождения тоже не следует. Если принять за «нормальные» условия межкризисный 2018 год, тогда в отсутствие шоков чаще всего россияне желали будущего, соответствующего социалистической и либеральной идеологиям; транслируемые же властью державническая и консервативная идеологии были на 3–4-м местах. Более того, акцентирование в 2024 г. обсуждений ограничения притока в Россию инокультурных мигрантов означает актуализацию националистической идеологии, которая занимает в представлениях россиян о желаемом будущем последнее место. Конечно, в условиях кризисного усиления опасных вызовов граждане любой страны согласятся, что временный приоритет получают задачи сохранения институтов, консолидирующих существующие общество и государство, даже если такие «правила игры» многим «не очень» нравятся. Но любой кризис рано или поздно завершается.

Кто (не) боится будущего? Ранее автором уже делалась попытка проследить взаимосвязь между идеологическими предпочтениями россиян и такой характеристикой их отношения к будущему как «запрос на перемены». В результате на материалах общероссийского социологического опроса за «спокойный» 2018 год был сделан вывод, что самый сильный вектор желания перемен связан с либеральной идеологией, объединяющей вокруг себя также сторонников социалистической и (в меньшей степени) «державнической» идеологий [Латов, 2019: 15]. Иначе говоря, тогда подтвердилась вполне ожидаемая закономерность, что чем менее личные идеологические симпатии респондентов совпадают с «официальными» идеологическими предпочтениями, тем чаще респонденты желают в будущем качественных изменений; наоборот, чем ближе эти симпатии к правительственному курсу, тем меньше они желают в будущем перемен. Разумно предположить, что и в современных условиях отношение к будущему (в частности, его эмоциональные оценки) тоже будет тем лучше, чем ближе идеологические симпатии респондентов к двум основным правительственным идеологиям.

Итак, проверим на данных за 2023 г. гипотезу, что футурозйфория чаще наблюдается у приверженцев державнической и консервативной идеологий, а футурошок – у сторонников социалистической и либеральной идеологий². Кроме того, априори можно предположить разные степени корреляции между эмоциональным восприятием будущего и идеологическими предпочтениями в зависимости от того, идет ли речь о личном будущем или будущем страны. Поскольку личное будущее (работа, семья и др.) сильнее зависит от личных же действий, мало связанных с идеологическими симпатиями, то следует ожидать более высокой корреляции этих симпатий с эмоциональным образом *национального* будущего, чем с образом *личного* будущего.

Проверка этих предположений подтверждает их лишь частично. Действительно, корреляция между идеологией и отношением к будущему лучше прослеживается на отношении к будущему России. Среди россиян, в идеологических предпочтениях которых есть консервативная и державническая идеологии, испытывающие футурозйфорию (уверенность в хорошем будущем) составляют около 22% – заметно чаще и россиян в целом (на 5 п.п.), и тем более россиян с социалистической и националистической идеологиями

¹ В законодательно закрепленный перечень «традиционных российских ценностей» (см. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», п. 5) включены и «права и свободы человека», и «справедливость».

² Поскольку приверженцем разных (в принципе – даже всех сразу) идеологий может быть один и тот же респондент, то речь должна идти скорее о россиянах, которые полностью или частично считают себя сторонниками соответствующих идеологических ценностей.

Таблица 5

**Дифференциация отношения россиян к будущему страны в зависимости
от идеологических предпочтений, 2023 г., в %**

Представления о желаемом будущем России	Футурозйфория	Футурошок		
	уверенность в хорошем будущем	страх (1)	отчаяние (2)	(1)+(2)
<i>Социалистическая идеология</i>				
Социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах	12,9	6,9	4,3	11,3
<i>Консервативная идеология</i>				
Возвращение к национальным традициям, моральным ценностям, проверенным временем	21,5	6,3	2,3	8,6
<i>Либеральные идеологии</i>				
Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	16,0	8,6	4,0	12,6
<i>Державническая идеология</i>				
Великая держава мира	21,6	7,4	2,4	9,8
<i>Националистическая идеология</i>				
Россия в первую очередь для русских, создание русского национального государства	11,7	8,0	3,6	11,6
Россияне в целом	16,7	7,8	3,3	11,1

Примечания. В таблицах 5–8 темной заливкой выделены ячейки, где показатели не менее чем на 2 п.п. превышают показатель по россиянам в целом, а светлой – где показатели не менее чем на 2 п.п. ниже общероссийских.

Таблица 6

**Дифференциация отношения россиян к личному будущему в зависимости
от идеологических предпочтений, 2023 г., в %**

Представления о желаемом будущем России	Футурозйфория	Футурошок		
	уверенность в хорошем будущем	страх (1)	отчаяние (2)	(1)+(2)
<i>Социалистическая идеология</i>				
Социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах	11,6	7,1	1,2	8,3
<i>Консервативная идеология</i>				
Возвращение к национальным традициям, моральным ценностям, проверенным временем	18,1	5,5	0,9	6,4
<i>Либеральные идеологии</i>				
Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	15,3	6,6	1,3	7,9
<i>Державническая идеология</i>				
Великая держава мира	15,3	6,2	0,5	6,7
<i>Националистическая идеология</i>				
Россия в первую очередь для русских, создание русского национального государства	8,5	8,0	1,8	9,8
Россияне в целом	14,2	6,8	1,4	8,2

Таблица 7

**Дифференциация переживаний страха перед будущим в зависимости
от идеологических предпочтений россиян, 2023 г., в %**

Представления о желаемом будущем России	Чувствовали страх перед неопределенностью будущего часто	Практически никогда не чувствовали страха перед неопределенностью будущего
<i>Социалистическая идеология</i>		
Социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах	22,4	20,4
<i>Консервативная идеология</i>		
Возвращение к национальным традициям, моральным ценностям, проверенным временем	20,6	24,3
<i>Либеральные идеологии</i>		
Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	24,7	18,2
<i>Державническая идеология</i>		
Великая держава мира	19,6	20,7
<i>Националистическая идеология</i>		
Россия в первую очередь для русских, создание русского национального государства	21,0	20,1
Россияне в целом	23,0	19,8

(на 9–10 п.п.). В то же время по распространенности футурошока (страха и отчаяния в отношении будущего страны) различия гораздо слабее: среди сторонников консервативной и державнической идеологии боящиеся будущего встречаются лишь на 2–3 п.п. чаще, чем среди имеющих либеральные, националистические и социалистические предпочтения. У имеющих же либеральные идеологии ожидаемой повышенной тревожности в отношении будущего России не обнаруживается: переживающие футурошок и футурозифорию встречаются среди них с примерно той же частотой, как и среди россиян в целом (табл. 5).

В отношении к личному будущему различия между имеющими разные идеологии еще слабее (табл. 6). Если в отношении к будущему страны от «средней температуры по палате» почти не отличались только россияне, склонные к либерализму, то теперь и сторонники державнической идеологии тоже демонстрируют показатели, мало (менее чем на 2 п.п.) отличающиеся от россиян в целом. Вообще по показателям распространенности страха и отчаяния перед будущим между россиянами, имеющими разные идеологии, различия оказались на грани ошибки измерения. В то же время по уверенности в хорошем будущем различия остаются существенными и вполне соответствующими исходной гипотезе: у россиян с консервативной идеологией эта уверенность на 4 п.п. выше, чем у россиян в целом, в то время как у имеющих социологическую идеологию – на почти 3 п.п., у имеющих националистическую – на почти 6 п.п. ниже.

Проверим теперь полученные выводы на данных о частоте страха перед будущим в целом, без деления на личное и национальное будущее (табл. 7). Гипотеза об идеологической детерминированности наличия/отсутствия страха перед будущим снова лучше всего оправдывается применительно к россиянам, имеющим консервативную идеологию: у них на 2,4 п.п. реже встречается «частое» переживание этого страха и на 4,5 п.п. чаще – его отсутствие. Среди имеющих державническую идеологию на 3,4 п.п. реже встречается «частый» страх перед будущим, но по доле тех, кто такого страха не чувствует, они почти не отличаются от «средних» россиян. Россияне со всеми другими идеологиями тоже почти не имеют отличий по анализируемым показателям.

Таблица 8

Доли часто испытывавших наиболее позитивные и наиболее негативные чувства в отношении личного и национального будущего среди россиян из разных социальных групп, 2023 г., в %

Группы	Уверенность в хорошем будущем		Страх, отчаяние от будущего	
	России	личном	России	личного
<i>Возрастные группы</i>				
18–24 года	15,1	23,0	15,1	5,8
25–29 лет	14,4	12,9	11,5	7,2
30–35 лет	18,9	22,2	12,8	6,2
36–44 года	18,5	16,5	10,1	7,9
45–54 года	14,9	12,2	10,2	9,4
55–65 лет	14,9	10,0	10,3	7,3
старше 65 лет	18,8	8,9	11,6	10,9
<i>Поселенческие группы</i>				
Москва и Санкт-Петербург	13,5	15,5	15,0	9,5
Центры субъектов РФ	19,5	16,2	13,1	9,6
Прочие города	14,9	13,3	77,3	7,3
Сельская местность	17,3	12,8	11,3	7,3
<i>Группы с разной самооценкой своего материального положения</i>				
Хорошее	23,0	22,5	7,6	3,5
Удовлетворительное	15,7	13,0	9,1	6,6
Плохое	12,1	7,4	24,5	21,1
Россияне в целом	16,7	14,2	11,1	8,2

Итак, гипотезы о значимости идеологических предпочтений для эмоциональных образов будущего в целом подтвердились, хотя обнаруженные различия выглядят относительно небольшими. Для сравнения приведем дифференциацию в том же 2023 г. отношения россиян к будущему по таким стандартным социальным характеристикам, как самооценки имущественного положения, возраст и тип поселения (табл. 8).

Как обычно в опросах, самая сильная дифференциация наблюдается по критерию самооценок материального положения. Россияне с плохими самооценками всегда и во всем демонстрируют более пессимистические оценки и суждения, чем имеющие хорошее материальное положение. Разница в разы в суждениях о (не)уверенности в хорошем будущем тривиальна, поскольку имеющие плохое/хорошее личное настоящее проецируют его в свое и общероссийское будущее. Менее тривиальны возрастные различия. Оценки личного будущего, как и следовало ожидать, ухудшаются от оптимизма в юности к пессимизму в старости, но возрастные различия в эмоциональном восприятии будущего страны оказываются не более 5 п.п. как по «уверенности», так и по «страху» и «отчаянию». Различия по поселенческим группам близки к дифференциации по идеологическим предпочтениям: показатели отношения к личному будущему отличаются менее чем на 5 п.п., в то время как в отношении к будущему России есть разрыв в 6,0 п.п. по футуроэйфорийным и в 7,7 п.п. по футурошоковым чувствам. Напомним, что по критерию приверженности идеологическим ценностям различия составляли до примерно 10 п.п. по уверенности в хорошем личном и общероссийском будущем, а также до 4 п.п. по переживанию «страха» и «отчаяния». Получается, что роль идеологических различий в формировании футуро-шоковых/-эйфорических настроений ниже, чем роль различий в материальном положении, но сопоставима с ролью межпоселенческих различий.

Выводы. Насколько же острой проблемой является в России 2020-х гг. страх перед будущим? Прежде всего, распространенность крайних проявлений чувств в отношении личного и общероссийского будущего не слишком велика. Хотя примерно 1/4 современным россиянам свойственно опасение будущего, вряд ли есть основания рассматривать ситуацию с точки зрения «социологии бесперспективности» («Sociology of Futurelessness» – «социология отсутствия будущего» – одно из направлений зарубежной социологии образа будущего [Tutton, 2023]). Преобладают промежуточные чувства, несколько смещенные к неуверенности в будущем, беспокойства за него. «Стакан полупуст или полуполон» – зависит от точки зрения. Озабоченность будущим не такова, чтобы ставить вопрос (вспоминая признаки революционной ситуации), что россияне массово «не хотят жить, как прежде». Но сплоченности в построении «светлого будущего» тоже ждать не приходится. Это, видимо, в значительной степени следствие того, что нынешняя политическая элита заменила советский курс построения «светлого будущего» консервативно-державным дискурсом возрождения «светлого (правильного) прошлого». Превалирование установок на стабильность в ущерб идеям «взлета» делает образ будущего одновременно менее пугающим и менее манящим.

Распространенность в сознании россиян рациональных образов-идеологем желаемой «России будущего», соответствующих пяти типам идеологий, формирует относительно устойчивую их иерархию. В 2010–2020-х гг. россияне чаще всего высказывали приверженность социалистической идеологеме «социальной справедливости», реже всего – националистическому лозунгу «Россия для русских», а консервативная, либеральная и державническая идеологемы менялись местами. Правительственный курс на акцентирование консервативно-державных дискурсов создает явные предпосылки идеологического раскола в восприятии будущего, когда оно заметно лучше оценивается сторонниками консерватизма и державности, но хуже – сторонниками других идеологий. Ставшее нормой сосуществование в сознании современных россиян качественно разных идеологем смягчает эту напряженность, не устраняя ее.

Эмпирическая проверка подтвердила, что распространенность футурошоковых и футурозйфорийных чувств связана с приверженностью идеологем. У сторонников консервативности и державности чаще наблюдается уверенность в будущем (прежде всего, в будущем страны), реже – страх и отчаяние перед ним. У приверженцев социалистических и русско-националистических ценностей – наоборот. Формируемые разрывы не слишком велики (не более 10 п.п.), но сопоставимы с дифференциацией показателей под влиянием поселенческих различий.

В контексте высокого значения эмоциональной позитивности россиян для национальной безопасности и подъема их благосостояния, следует сделать двойственную оценку шок/эйфории россиян в отношении будущего. Пока нет оснований опасаться роста угроз безопасности страны, понимаемой как ее стабильность, отсутствие резких поворотов построений и «безумств толпы». В то же время мало предпосылок не только для «революционной ситуации», но и для роста «национального психологического капитала» (см., напр.: [Латова, 2023]), понимаемого, в частности, как высокий уровень чувства уверенности в благоприятном будущем. Уместно вспомнить мнение датского социолога Ф. Полака, который начал комплексно изучать образ будущего почти одновременно с О. Тоффлером и считал, что формирование неопределенного и тем более апокалиптического (вызывающего страх) образа будущего является признаком угасания культуры [Polak, 1973].

У проведенного исследования есть две перспективы в контексте социологии образа будущего. С одной стороны, предложенный Э. Тоффлером концепт футурошока может быть не только «воскрешен» для активного использования, но и доработан. Доработка касается расширения палитры анализируемых чувств (от футурошока до футурозйфории) в отношении будущего и анализируемых причин этих чувств (Тоффлер делал акцент на последствиях спонтанного изменения производственных технологий, сейчас актуальнее рассматривать последствия перемен в социальных технологиях). С другой стороны, оно

акцентирует практическую необходимость мониторинга отношения россиян к будущему, чтобы не пропустить возможное нарастание социальной напряженности в данном аспекте.

Заслуживает специального внимания одновременно как научно-теоретический, макросоциологический, так и политически-практический вопрос, в какой степени ориентация на «правильное прошлое» лучше ориентации на «прекрасное далёко». О. Тоффлер 60 лет назад хорошо осознавал опасность борьбы со страшным будущим путем абсолютизации стабильности, отказа от качественных изменений. «Когда критики заявляют, – писал он, – что технократическое планирование античеловечно, т.е. пренебрегает социальными, культурными и психологическими ценностями, ... они обычно правы. [...] Но когда они погружаются в иррациональность, поддерживают антинаучные взгляды, испытывают своего рода болезненную ностальгию и превозносят “теперешность”, они не только неправы, но опасны. Их альтернативы индустриализму – прединдустриализм, их альтернатива технократии – не пост-, а предтехнократия. [...] Мы нуждаемся не в возвращении к иррационализму прошлого, не в пассивном принятии перемен, не в разочаровании и нигилизме. Мы нуждаемся в сильной новой стратегии» [Тоффлер, 2004: 492–493]. Похоже, что эти призывы О. Тоффлера несколько не устарели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бродовская Е.В., Склярова Н.Ю., Огнев А.С., Кузнецова С.В., Мельников С.В., Лукушин В.А. Критика концепции футурошока в контексте суверенизации национальной системы образования и воспитания // Человеческий капитал. 2023. № 10. С. 118–127.
- Желтикова И.В. Исследования будущего и место в них концепта «образ будущего» // Философская мысль. 2020. № 2. С. 15–32.
- Карачаровский В.В. Референтные страны и шоки социетальной безопасности России // Социологические исследования. 2024. № 12. С. 138–149.
- Латов Ю.В. Идеологические векторы и скаляры действий сторонников перемен // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 15–28.
- Латов В.Ю. От «революции» – к «трансформациям» и «переменам»? Развитие дискурсов анализа качественных общественных изменений // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 1. С. 7–22.
- Латова Н.В. Социально-психологическое состояние российского общества и социальные установки различных групп россиян // Журнал институциональных исследований. 2023. Т. 15. № 4. С. 62–78.
- Нестик Т.А. Долгосрочная ориентация личности // Разработка понятий современной психологии. М.: Институт психологии РАН, 2021. С. 538–565.
- Нестик Т.А. Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Равочкин Н.Н., Кравченко С.Н., Сергеева И.А. Культурная интеграция, миграционные процессы и социальная дифференциация как следствия футурошока: философский анализ // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 12. С. 99–103.
- Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
- Delanty G. Introduction: Social theory and the idea of the future // European Journal of Social Theory. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 153–173.
- van der Duin P., Lodder P., Snijders D. Dutch doubts and desires. Exploring citizen opinions on future and technology // Futures. 2020. Vol. 124. P. 102637.
- Polak F. The Image of the Future. New York: Elsevier Scientific Publishing Company, 1973.
- Toffler A. Future Shock. New York: Bantam Books, 1970.
- Tutton R. The Sociology of Futurelessness // Sociology. 2023. Vol. 57. No. 2. P. 438–453.

Статья поступила: 23.09.24. Финальная версия: 04.12.24. Принята к публикации: 11.12.24.

RUSSIANS BETWEEN FUTUROSHOCK AND FUTUROEUPHORIA (perception of the future in the context of ideological preferences)

LATOV Yu.V.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Yuri V. LATOV, Dr. Sci. (Soc.), Cand.Sci. (Econ.), Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Center of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (latov@mail.ru).

Abstract. Based on representative data of all-Russian surveys of the the Russian Academy of Sciences Institute of Sociology of the Federal Research Center in the 2000–2020s the paper reveals dynamics of indicators characterizing the prevalence of fear of the future (futuroshock) and the opposite confidence in a good future (futuroeuphoria), while also testing hypotheses about the relationship of these feelings with ideological preferences. Empirical data show that the problem of fear for the future, though not acute (this fear is inherent in about a quarter of Russians in the 2020s), but it definitely exists. The most alarming sign is growing fear of an uncertain future over the past decade. In addition, as analysis based on data for 2023 showed, the prevalence of futuro-shock and futuro-euphoric feelings is markedly related to adherence to different ideologies. Supporters of conservatism and sovereignty often show confidence in the future, but less often fear and despair of it, while adherents of socialist and Russian-nationalist values do the opposite. The gaps formed are not too large (no more than 10 percentage points), but are comparable to those gaps in the corresponding indicators that are formed under the influence of settlement differences.

Keywords: sociology of the image of the future, futuroshock, futuroeuphoria, Russia, ideology, social differentiation.

REFERENCES

- Brodovskaya E.V., Sklyarova N. Yu., Ognev A.S., Kuznetsova S.V., Melnikov S.V., Lukushin V.A. (2023) Criticism of the Concept of Futur Shock in the Context of the Sovereignization of the National System of Education and Upbringing. *Chelovecheskiy kapital* [Human capital]. No. 10: 118–127. (In Russ.)
- Delanty G. (2024). Introduction: Social Theory and the Idea of the Future. *European Journal of Social Theory*. Vol. 27. No. 2: 153–173.
- van der Duin P., Lodder P., Snijders D. (2020) Dutch Doubts and Desires. Exploring Citizen Opinions on Future and Technology. *Futures*. Vol. 124: 102637.
- Karacharovsky V.V. (2024) Reference Countries and Shocks to Russia's Societal Security. *Sotsiologicheskaya issledovaniya* [Sociological Research]. No. 12: 138–149. (In Russ.)
- Latov Yu.V. (2019) Ideological Vectors and Scalars of Actions of Supporters of Change. *Sotsiologicheskaya issledovaniya* [Sociological Research]. No. 12: 15–28. (In Russ.)
- Latov V. Yu. (2021) From "Revolution" to "Transformations" and "Changes"? Development of Discourses of Analysis of Qualitative Social Changes. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 9. No. 1: 7–22. (In Russ.)
- Latova N.V. (2023) Socio-psychological State of Russian Society and Social Attitudes of Various Groups of Russians. *Journal of Institutional Research*. T. 15. No. 4: 62–78. (In Russ.)
- Nestik T.A. (2021) Long-Term Orientation of the Individual. In: *Development of Concepts of Modern Psychology*. Moscow: Institute of Psychology: 538–565. (In Russ.)
- Nestik T.A. (2014) *Social Psychology of Time*. Moscow: Institute of Psychology RAS. (In Russ.)
- Polak F. (1973) *The Image of the Future*. New York: Elsevier Scientific Publishing Company.
- Ravochkin N.N., Kravchenko S.N., Sergeeva I.A. (2023) Cultural Integration, Migration Processes and Social Differentiation as a Consequence of Futur Shock: Philosophical Analysis. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. No. 12: 99–103. (In Russ.)
- Toffler A. (2004) *Future Shock*. Moscow, AST. (In Russ.).
- Toffler A. (1970) *Future Shock*. New York: Bantam Books.
- Tutton R. (2023) The Sociology of Futurelessness. *Sociology*. Vol. 57. No. 2: 438–453.
- Zhelitikova I.V. (2020) Studies of the Future and the Place in them of the Concept "Image of the Future". *Filosofskaya mysl'* [Philosophical thought]. No. 2: 15–32. (In Russ.)

Received: 23.09.24. Final version: 04.12.24. Accepted: 11.12.24.

Социология международных отношений

© 2024 г.

А.В. АТАНЕСЯН, В.А. АНИКИН

«ОБЩЕСТВО ТРАВМЫ»: ВОСПРИЯТИЯ, ОПАСЕНИЯ И НАДЕЖДЫ В АРМЯНСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПОСЛЕ ВОЙНЫ В КАРАБАХЕ

АТАНЕСЯН Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Ереванского государственного университета; профессор кафедры журналистики, медиакоммуникаций и связей с общественностью Института международных отношений Пятигорского государственного университета, Ереван, Армения (atanesyan@yandex.ru); АНИКИН Василий Александрович – кандидат экономических наук, Ph.D. (Sociol.), доцент департамента социологии факультета социальных наук, старший научный сотрудник Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (vanikin@hse.ru).

Аннотация. Представлена попытка диагностики и объяснения реакции армянского общества на события, связанные с войной в Нагорном Карабахе. Для выявления глубинных настроений, страхов и переживаний в армянском обществе в октябре – декабре 2023 г. было проведено 45 глубинных интервью. Контекстом для анализа информации послужили данные предыдущих количественных социологических исследований восприятия современной ситуации в Армении. Среди основных задач исследования – выявление настроений в отношении возможных трансформаций общества после карабахской войны 2020 г., ценностных «сдвигов», причин подобного исхода войны для армян, роли правящих элит Армении и внешнеполитических сил в контексте военной и послевоенной ситуации. Полученные результаты демонстрируют, что теория культурной травмы может выступать эффективным концептуальным инструментом в понимании и объяснении изучаемых социальных феноменов. В современном армянском обществе эти феномены имеют как «пессимистические» черты (неуклонное падение доверия к институтам власти, мрачный взгляд на будущее, ностальгия по прошлому, распространение политической апатии, электоральный абсентеизм), так и в определенной степени «оптимистические» (воля к «возрождению»). Исследование может быть полезно и для изучения других современных воюющих и послевоенных обществ, переживающих потери территории и кризис власти.

Ключевые слова: «общество травмы» • Армения • Карабахский конфликт • «Бархатная революция» • война • ценностные трансформации • восприятия • доверие • апатия • преодоление

DOI: 10.31857/S0132162524120097

Авторы выражают благодарность Г.А. Погосяну и Д.Г. Бдяну за помощь в проведении полевой части исследования.

Теория социокультурной травмы и современный социум. Современная социология доказала высокую объяснительную силу теории «общества травмы» применительно к кризисным и посткризисным обществам [Тощенко, 2019; Волков, 2020]. Эта теория оказалась весьма продуктивна и для анализа современного российского общества [Волков, 2020]. В качестве характеристик «общества травмы» указывают: «отсутствие ясной стратегии развития; экономическая деградация; отсутствие созидательных общественных сил; переходы властных ресурсов в капитал и капитала во властные ресурсы; отстранение – добровольное и насильственное – большинства населения от участия в политической жизни; отсутствие государственной идеологии и/или национальной идеи; игнорирование национальных интересов или чрезмерная их абсолютизация; резкое увеличение социального неравенства; социальные деформации и утрата стремления к национальному суверенитету; неуважение традиций и прошлого страны или, наоборот, архаизация этноконфессиональных установок и патриархальных ориентаций» [Макаров, 2019: 3]. Подобные черты могут быть характерны и для послевоенных обществ, особенно – потерпевших поражение.

Есть примеры послевоенных обществ (Советский Союз после Первой мировой и Гражданской войн или Германия после Второй мировой), которые после травмы выбирали путь модернизации экономики и социальных отношений через экономический подъем, коллективную дисциплинированность; в таких обществах выход из послевоенной травмы осуществлялся через активное коллективное преодоление внутрисистемных недостатков [Макаров, 2019; Barakat, Zuck, 2009]. Вместе с тем, в какой степени «общество травмы» может самостоятельно, без внешней помощи, восстановиться и модернизироваться после существенных экономических и военно-политических потерь – по-прежнему открытый вопрос.

По мнению Дж. Александера, «культурная травма» – социальный конструкт: «Сами по себе явления не травматичны. Травма – приписываемая обществом характеристика» [Alexander, 2012: 13]. Наличие социокультурных травм может предопределять траекторию развития обществ на последующие десятилетия. В частности, именно наличием социокультурных травм Дж. Александр объясняет, почему некоторые современные общества больше сфокусированы на прошлом, чем на будущем, больше думают о трагических аспектах прошлого, чем о будущем прогрессе.

Авторы считают, что социокультурная травма далеко не субъективна. Коллективное восприятие травмы – социальный конструкт, имеющий под собой объективные, существенные причины и основания: «Через конструирование культурных травм социальные группы, национальные сообщества и иногда целые цивилизации не только когнитивно определяют наличие и источники человеческих страданий, но и берут за них ответственность. Выявляя источники травмы и беря за нее моральную ответственность, члены сообществ становятся солидарны друг с другом и разделяют страдания других» [Alexander et al., 2004: 1]. События, явления и процессы могут стать вызывающими коллективную травму, если одновременно соответствуют следующим характеристикам: они являются всеобъемлющими (затрагивают всех членов сообщества), фундаментальными (затрагивают все основные, экзистенциальные сферы жизнедеятельности общества) и неожиданными для большинства людей [ibid 2004: 158–159].

Обобщая дискуссию о сущности коллективной травмы, ее можно определить как коллективное когнитивное (рационально осмысливаемое) переживание объективно существующих явлений и событий, неожиданных и критических по масштабам, последствиям и негативному влиянию на стабильный привычный образ жизни (и вообще на возможность жизни) обществ и сообществ.

Факторы и проявления «общества травмы» в современной Армении. Характеристики «общества травмы» имеют в армянском обществе существенные исторические предпосылки, в частности, вследствие непреодоленной коллективной травмы («межпоколенческой культурной травмы») после Геноцида 1915 г. [Karenian et al., 2011; Mangassarian, 2016]. Непризнание Турцией геноцида в отношении армян во время Первой мировой

войны не позволило поставить точку в восприятии трагических исторических событий прошлого столетия. К тому же травматическое переживание истории периодически «освежалось» такими событиями, как убийство в Турции армянского журналиста Гранта Динка, выступавшего с требованиями к современным властям Турции признать Геноцид [Eyerman, 2019: 14].

Армянское общество фактически так и не выработало эффективных механизмов по преодолению былой коллективной травмы [Атанесян, 2016], пронесло ее через весь XX век и продолжает с ней жить в XXI веке. Как пишет израильский философ А. Маргалит, в отличие от еврейского народа, пережившего Холокост и благодаря эффективной модели памяти сумевшего направить коллективные усилия на создание успешного будущего, переживший Геноцид армянский народ в своей коллективной памяти остался в прошлом, не преодолев коллективную травму [Margalit, 2002: VII–X].

Начавшаяся после кратковременной эйфории постреволюционных настроений 2018 г. [Атанесян, 2018] череда фундаментальных разочарований, включая поражение в войне в Карабахе и исход из Карабаха (Арцаха) автохтонного армянского населения¹ [Sotieva, 2021], соответствует всем указанным П. Штомпкой характеристикам травматогенных событий – внезапности возникновения, неожиданности для большинства, затрагиванием всех членов общества, глубиной и фундаментальностью последствий. Мы считаем, что о поражении армянской стороны в 44-дневной Карабахской войне 2020 г. следует говорить не столько как о новой травме, сколько об актуализации и усугублении старой². Ассоциации с Геноцидом армян в XX в. усиливаются тем, что Азербайджан как победитель в Карабахском конфликте официально ассоциируется с не признавшей Геноцид армян Турцией, поддержавшей Азербайджан в войне в Карабахе.

В 2021 г., сразу после войны в Карабахе, большинство представителей армянского общества (68%) было крайне обеспокоено будущим себя и своей семьи, физической безопасностью себя и своей семьи (61%), последствиями влияния поражения в карабахской войне на экономику Армении (71%)³. В армянском обществе прослеживается поступательный спад доверия органам власти, характерный для «общества травмы». Так, в начале 2023 г. деятельностью парламента было удовлетворено лишь 7% граждан (отчасти удовлетворены 18%), правительством Армении – 8% (отчасти удовлетворены 26%), судебной властью – 7% (отчасти удовлетворены 22%). 43% населения не видели никаких ощутимых результатов в деятельности правительства за последние шесть месяцев, 21% затруднились ответить на данный вопрос⁴. Массовым проявлением политической апатии

¹Весной 2018 г. в Армении произошла «Бархатная революция», когда на волне массовых мирных протестов к власти пришли оппозиционные политики во главе с Николом Пашиняном, ставшим премьер-министром. Новое правительство декларировало многовекторность, стремясь поддерживать отношения и с Россией, и с Западом, и с Азербайджаном. Популярность Н. Пашиняна и его политики резко упала в 2020 г., когда Азербайджан возобновил военный конфликт в Карабахе, нанеся поражение его армянским защитникам и вернул под свой контроль ряд территорий. Новое возобновление военных действий в 2022–2023 гг. привело к официальному признанию правительством Армении границ Азербайджана по состоянию на 1991 г., полной ликвидации армянской Нагорно-Карабахской республики и массовому исходу армян Карабаха, опасавшихся этнических чисток, в Армению. Для понимания высокой болезненности для армян такого завершения конфликта нужно отметить, что на исторической территории Карабаха многие века жило преимущественно армянское население, к тому же Карабах после гибели в XI в. Армянского царства много столетий был последним обломком армянской государственности, поэтому этот, казалось бы, «окраинный» регион нередко называют «сердцем Армении». – *Прим. ред.*

²Для сравнения и понимания травматичности события как произошедшего «вдруг», «неожиданно» и «сразу» (П. Штомпка), победа армянской стороны в Первой карабахской войне 1991–1994 гг. была достигнута за четыре года, а поражение в 2000 г. – за 44 дня.

³Caucasus Barometer, 2021, Armenia. URL: <https://caucasusbarometer.org/en/cb2021am/codebook/> (дата обращения: 22.06.2024).

⁴Public Opinion Survey: Residents of Armenia // January–March 2023. URL: <https://www.iri.org/resources/public-opinion-survey-residents-of-armenia-january-march-2023/> (дата обращения: 22.06.2024).

стал, в частности, крайне низкий уровень явки на выборах в сентябре 2023 г. в совет старейшин Еревана, муниципальное собрание столицы, – 28,4%⁵.

В «обществах травмы», потерпевших поражение в вооруженном конфликте, недоверие может проявляться и углубляться в отношении не только собственных институтов власти, но и военно-политических союзников, т.е. проецироваться во внешнеполитическую среду. Так, послевоенное состояние армянского общества характеризуется ростом недоверия и обвинений в отношении внешних «своих», в частности, в адрес РФ как военно-стратегического союзника [Atanesyan et al., 2023].

Как пишет С.А. Кравченко, «со временем травма вступает в стадию “излечения”, что проявляется в росте доверия в обществе к институтам демократии, рынка, церкви – формируется “новая культурная консолидация”» [Кравченко, 2020: 62]. Характерным примером подобной «новой культурной консолидации» в послевоенном армянском обществе можно считать массовые протестные акции в Армении под предводительством архиепископа Баграта Галстаняна, начавшиеся в мае 2024 г. и воспринятые в качестве возможности выхода из массовой депрессии и череды поражений.

Безусловно, победа в конфликте способствует преодолению постконфликтных проблем, тогда как военные поражения подобные травмы усугубляют. Соответственно, изучение социальных процессов, изменений, восприятий, ощущений, страхов и ожиданий именно в проигравших в конфликте (войне) обществах могут дать наиболее целостное, глубинное представление о коллективной травме, позволяют детально описать «общество травмы», выявить внутренние механизмы преодоления послевоенного состояния, которые представители таких обществ пытаются найти в себе и для себя. Актуальность результатов данного исследования, в частности, в плане измерения драматичных и травматических настроений в военном и послевоенном обществе, касается не только Армении, но и других современных обществ, переживших конфликты или шоки.

В рамках данного исследования в октябре – декабре 2023 г. было проведено 35 интервью с экспертами, 45 глубинных интервью с представителями молодежи, людьми среднего и пожилого возраста обоих полов, включая городских и сельских жителей из семи ключевых регионов Армении. Среди основных задач исследования – выявление глубинных восприятий, страхов и переживаний в армянском обществе касательно войны 2020 г., послевоенного настоящего и вероятного будущего.

Социокультурная трансформация армянского общества. Респонденты высказывают консенсусное мнение о том, что армянское общество сильно изменилось за последние 30 лет. Эти изменения описываются населением как «европеизация» Армении, сопровождаемая ломкой традиций, распространением безразличия, эгоизма и т.д. Анализ ценностной динамики армянского общества на основе исследования World Value Survey (WVS) показывает, что ценностная трансформация Армении последних 20 лет видится как транзит от традиционных ценностей к секулярным, как рост прагматизма и гедонизма. При этом ценности активного (неэгоистического) индивидуализма, социальной ответственности и открытости пока не очень популярны.

В социологической литературе отмечается распад традиционного института семьи и брака: «на протяжении веков армянский народ придерживался христианских ценностей и сохранял определенные моральные нормы, которым общество следовало в повседневной жизни. Сегодня усилились попытки “глобализации” армянской семьи» [Погосян, 2021: 107]. Статистический комитет Армении с 2010 г. фиксирует постепенное сокращение общего числа браков и увеличение числа разводов в расчете на 1000 населения. За последние 20 лет прирост разводов составил 275%. Трансформации демографического

⁵ Насымов Н. Партия Никола Пашиняна неубедительно выступила на выборах в Ереване // Ведомости. 19 сентября 2023 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/09/19/995807-partiya-pashinyana-neubeditelno-vistupila-na-viborah-v-erevane> (дата обращения: 22.06.2024).

поведения привели к изменению института семьи – от преобладания многопоколенной в сторону доминирования нуклеарной модели.

Армяне признают эту трансформацию; в ее интерпретации присутствуют негативные оценки. Например, население использует такие понятия, как «деморализация», «ломка традиций», даже «разрушение образа армянского человека». Вот примеры из интервью, иллюстрирующие это: «Много аморального, вульгарного. То, как разговаривают и ведут себя в "Фейсбуке", выходит за все допустимые рамки традиций и приличия. Сегодня свободу многие путают с вседозволенностью» (ж., 61 г., г. Арарат); «Меняются наши национальные традиции, появляются и прививаются новые, посторонние, например – Хеллоуин. В нас появилась тяга к заграничному, чужому. Люди пытаются быть похожими в основном на европейцев с их одеждой и поведением, это к добру не приведет» (м., 52 г., г. Ереван); «Выражаю глубокое соболезнование моему обществу, потому что, та система ценностей, которой обладало наше поколение... сейчас превратилась полностью в материальное... Целью нашего поколения было совершенно другое – высокие идеи и самые гуманистические, красивые человеческие качества, такие как доброта, человечность, взаимопомощь» (ж., 67 л., г. Ереван).

Может показаться, что негативное восприятие «демократизации» и «европеизации» характерно больше для представителей армянского общества в возрасте старше 50 лет. Однако исследования показывают ценностный транзит во всех поколениях [Zaslavskaya, Agadjanian, 2022], причем прозападная ориентация (в сравнении с пророссийской) более характерна для людей с высшим образованием [Atanesyan et al., 2023: 272–273]. Хотя это влияние опрошенные эксперты часто объясняли воздействием на молодежь и людей с высшим образованием западной «мягкой силы», ее влияние на ценностную трансформацию общества не стоит переоценивать.

Количественные исследования [Zaslavskaya, Agadjanian, 2022] показывают межпоколенческие различия ценностей в армянском обществе, которые выражаются в большей популярности среди молодежи ценностей самовыражения, а среди старшего поколения – мы-ориентаций. На межпоколенческие различия социокультурной модернизации накладывается языковая поляризация публичного политического дискурса, наблюдавшаяся после «Бархатной революции» 2018 г. Это очевидным образом снижает солидарность в обществе, фрустрирует население и раскалывает его национальную идентичность: «Именно эти пять лет привели к расколу нашей нации, разделению на черных и белых⁶. Народ разделен и не определен, они даже не понимают происходящих вокруг них событий, все стали нетерпимыми, можно сказать – непонимающими...» (ж., 42 г., г. Гавар).

Фактор общественных трансформаций и настроений после карабахской войны 2020 г. Поражение в войне 2020 г., а затем – потеря Карабаха (большинство респондентов использовало армянское название Карабаха – Арцах), для одних стало поводом самоанализа и приложения новых усилий, восстановления и работы над собой и своим окружением, чтобы «восстановиться и жить дальше», «восстановиться и все вернуть». Другие еще не оправились от полученных физических и психологических травм.

Количественные исследования по выявлению причин поражения в войне 2020 г. в восприятиях армянского общества свидетельствуют о превалировании обвинений в адрес дореволюционных (58%) и постреволюционных властей Армении (28%), а также себя самих – армянского общества в целом (29%). Для сравнения: руководство РФ как союзницы винят за поражение армян в карабахском конфликте 13% респондентов массовых опросов, западных лидеров – 3% [Атанесян, Мкртичян, 2023: 22].

В глубинных интервью с представителями армянского общества прослеживается аналогичная картина – респонденты указывают на неэффективную деятельность

⁶ Разделение общества на «черных» и «белых» ассоциируется с выступлениями премьер-министра Армении Н. Пашиняна и его единомышленников, которые под «белыми» имели в виду себя, под «черными» – представителей прежней власти, с которыми призывали бороться. По мнению экспертов, в этом и ряде других аспектах стал проявляться авторитаризм политики Н. Пашиняна.

предыдущих, непрофессиональную и даже антинациональную деятельность нынешних руководителей Армении: «Причина – наши продажные руководители, иностранные агенты, которые целенаправленно реализуют написанный для них план действий. Это – не их собственная инициатива, сами своим ограниченным умом до такого бы не додумались» (М., 66 л., г. Арарат). «Поражение в войне – это бездействие руководства. [...] Виноваты и действующая власть, и бывшие руководители. Бывшая власть, зная намерения врага, не вооружала страну, и это их самая большая вина» (м., 35 л., г. Гавар); «Рыба тухнет с головы – посмотрите, кто работает в парламенте: аферисты, хулиганы. Вы посмотрите, чем они весь день занимаются, – обзывают друг друга, кидаются чем-то, поэтому такая ситуация. Я не знаю, чем занимались прежние власти, сколько воровали и грабили, но землю держали зубами! А эти каждый день отдают какие-то анклавов...» (ж., 61 г., г. Арарат).

В высказываниях респондентов преобладают суждения, что в поражении в карабахской войне и нынешней ситуации виноваты не политики, а общество, что можно считать попыткой рационализировать происходящее и сформировать новую национальную идентичность: «В происходящем виноваты все мы. Взаимное непонимание, постоянная взаимная критика, обвинения, разобщение привели ко всему этому» (ж., 47 л., г. Ванадзор); «Мы перестали быть единой нацией. Мы не объединились ради защиты страны в 2020 году, как объединились в первую войну, ...и как следствие нашей разобщенности, произошло то, что имеем сегодня» (м., 37 л., г. Гюмри); «Когда кто-либо начинает обвинять в происходящем отдельных личностей, всегда задаю ответный вопрос: а вы что сделали, чтобы этого не случилось? Виноваты все мы: я, вы, все остальные» (ж., 22 г., с. Халидзор). Некоторые респонденты считают, что обществу необходима более активная четкая гражданская позиция в отношении действий властей страны: «Причиной является молчание нашего народа, ...народ должен быть более активным и отвергнуть бездействие и незаконное поведение властей. Не надо молчать и мигрировать из страны...» (ж., 42 г., г. Гавар).

Ряд высказываний подтверждает гипотезу о воздействии на обороноспособность страны трансформационных процессов в армянском обществе, «поколенческого и ценностного сдвига» [Маркедонов, 2023]: «Мы проиграли войну в первую очередь из-за деморализованности нашего общества, из-за низкого уровня патриотического воспитания, из-за низкого уровня образования. Говорю это как историк: вместо того чтобы давать детям знания, система образования их дрессирует, заставляя заполнять тесты. Элитой армянского общества всегда была интеллигенция. После провозглашения независимости ситуация стала меняться, и сегодня армянская интеллигенция никакой роли в воспитании общества, молодежи, в управлении страной не играет» (м., 67 л., г. Ванадзор). Справедливости ради отметим, что такой «ценностный и поколенческий сдвиг» нужно считать одним из факторов, но отнюдь не главной причиной поражения армянской стороны. Именно молодые люди сражались за Карабах: средний возраст погибших в Карабахской войне 2020 г. армянских военнослужащих – 23 года⁷.

Жизнь после поражения: восприятия и ощущения. Мысли и чувства респондентов в целом аналогичны – ясно прослеживаются и выражаются боль, гнев, печаль, потеря, разочарованность: «Потеря Арцаха – трагедия. Мы отдали часть нашей родины и продолжаем жить в состоянии угрозы» (ж., 35 л., г. Арарат); «Наблюдая за беженцами из Арцаха, видя голодных детей и людей, оставшихся без крова, постоянно ощущала тяжесть, печаль. С другой стороны, радовалась, что кто-то смог спастись и переехать к нам» (ж., 36 л., г. Горис).

Респонденты указывают, что конфликт с потерей Карабаха/Арцаха отнюдь не окончен, в риторике властей Армении о возможности мира с Азербайджаном трудно поверить: «Наше общество очень унижено. Потери в войне, поражение, да еще и [президент Азербайджана] Алиев не упускает возможности, чтобы не сказать на различных встречах

⁷ The Demographic Face of War // EVN Report. 2021. February 8. URL: <https://evnreport.com/raw-unfiltered/the-demographic-face-of-war/> (дата обращения: 26.01.2024).

про Армению и армянский народ что-нибудь унижительное. Постоянно повторяют, что Армения – “Западный Азербайджан”» (м., 67 л., г. Абовян). После Карабахской войны 2020 г. из опасений продолжения конфликта многие больше не строят долгосрочных планов: «После войны люди изменились на 180 градусов, потеряли веру и поняли, что рассчитывать надо только на себя. Люди начали жить сегодняшним днем» (м., 35 л., г. Гавар).

Потерю Карабаха/Арцаха многие воспринимают как утрату «сердца Армении», как национальный позор. Многие проводили параллели с Геноцидом армян 1915 г.: «Мы не могли... представить, что увидим людей, детей, которые оказались в такой же ситуации, что и во время Геноцида 1915 года – плачущих детей, инвалидов... Такое впечатление, что видим своими глазами то, что происходило сто лет назад» (ж., 30 л., г. Арарат); «Люди находятся в отчаянном, безвыходном положении. [...] Они покинули родину, дом, всё и отчаянно ждут в статусе беженца» (ж., 42 г., г. Гавар).

Вместе с тем в некоторых аспектах мнения респондентов разделились: одни все еще находятся под воздействием коллективной и личной травмы, другие активно пытаются ее преодолеть. Высказывают мнение, что трудности закаляют нацию, проверяют ее на прочность: «Уверена, что все будет хорошо, оптимистка. Наши соотечественники – арцахцы, испытывавшие на себе девять месяцев блокады⁸, переехали в Армению, объединятся с нами, мы станем сильнее» (ж., 47 л., г. Ванадзор); «Нельзя отчаиваться! Та нация, которая перестала бороться, сложила оружие, подняла руки, устала, не имеет права на существование» (м., 67 л., г. Ванадзор).

Для многих армян послевоенная ситуация и (временная) потеря Карабаха/Арцаха – повод для извлечения уроков и выводов: «Очень больно видеть, что наши потери, в том числе потеря нашего сердца – Арцаха, кажутся бесполезными, безответными. Мы до сих пор не ощущаем того, что, потеряв Арцах, потеряли Армению. Единственное, что может помочь, – национальное единство» (ж., 20 л., г. Ванадзор).

Сложившаяся ситуация приближает армянское общество к разрешению конфликта макроиdentичностей – национально-патриотического романтизма и политического реализма [Atoyan et al., 2022]. Проблема в том, что для большинства современных армян образ идеального государства не совпадает с текущим государством ни в векторе его развития, ни в территориальном смысле. Это связано с тем, что глубина исторической памяти современного армянского общества охватывает период продолжительностью более двух тысяч лет [Погосян, 2023: 49–50], в результате чего «современные армяне больше сформировались как культурно-историческая нация, чем политическая, государствообразующая» [там же: 100]. Ситуация социокультурной травмы может стать поводом для рационализации армянами понятия «своего государства» в его текущих границах.

Что делать? Отвечая на этот извечный вопрос, большинство респондентов указало, что, являясь простыми людьми, они вносят личную посильную лепту в обеспечение безопасности и развития общества: «Пытаемся учить детей быть сильными, патриотичными... Мы докажем всему миру, что снова смогли подняться» (ж., 30 л., г. Арарат); «Я сама работаю в государственном секторе. Работаю честно, стараюсь в политических спорах никогда не занимать радикальных позиций. И стараюсь пресекать всякую враждебность и ненависть в подобной ситуации» (ж., 42 г., Ереван). Прослеживается стремление к самоконтролю, укреплению личной психологической устойчивости, без чего нельзя быть полезным соотечественникам: «Выступаю в качестве волонтера и стараюсь участвовать в социальных проектах, которые занимаются благоустройством или помощью населению и гражданам. [...] Но что самое важное, я слежу за своим психологическим состоянием, чтобы у меня было здоровое ментальное состояние, поскольку здоровье каждого влияет на общую ауру и атмосферу в обществе» (ж., 22 г., г. Гавар).

⁸ Речь идет о блокаде непризнанной Нагорно-Карабахской Республики Азербайджаном в декабре 2022 – октябре 2023 гг.

В качестве реакции на послевоенную ситуацию многие респонденты осуждали миграцию из Армении, считая отъезд из страны недопустимым: «Я считаю, что мы не должны эмигрировать из своей страны, каждый из нас должен хранить свой очаг, ведь спасение в единстве. Эмигрируя, мы помогаем врагу разрушить нашу Родину своими же руками» (ж., 35 л., г. Гавар); «Всего через 7 лет мой старший сын будет призывного возраста. Постоянно думаю, что делать. Говорят – увозите его отсюда, но я считаю – пусть защищает Родину!» (ж., 39 л., г. Ванадзор; отвечая на вопрос, респондентка расплакалась).

Выход из создавшейся ситуации респонденты видят в национальном единении, взаимопомощи, а также в морально-нравственном возрождении и патриотическом воспитании. Подчеркивается необходимость национального мышления, государственной идеологии и следования национальным интересам всеми представителями общества, прежде всего – правящими элитами: «Сейчас мы находимся в состоянии, в котором, даже если 10 человек выступают вместе, они предлагают 15 разных мыслей и идей и не могут прийти к одной, которая была бы самой правильной и разумной. Нам необходимо вновь обрести единство и стать благополучным народом, имеющим собственную точку зрения и мнение, которое не будет вытекать из выгоды одного человека, а будет общим. Я считаю, что наше правительство не должно бороться за место на троне, а должно действовать в интересах народа. Только когда они начнут действовать в интересах народа, а не самих себя и своих амбиций, ситуация может измениться к лучшему» (ж., 22 г., г. Гавар).

Интересно отметить, что в качестве необходимой меры некоторыми даже предлагается ограничить свободу слова, чтобы снизить внутреннюю конфликтность, проявляющуюся в агрессивной коммуникации на площадках социальных сетей и в СМИ: «Никогда не жила в СССР и ничего общего с ним не имею. Но считаю, что сегодня нам нужен Сталин. Вы видите, до чего нас довела свобода слова? Если гражданин ничего и никого не боится, и настолько свободен, чтобы говорить о ком угодно что угодно, он превратится в дикого зверя. Государство нужно для того, чтобы ограничивать людей в их поведении. Лидер должен уметь ограничивать свободы ради прав и свобод самих людей» (ж., 20 л., г. Ванадзор).

На кого надеяться? Согласно мнению большинства, надежду можно возлагать лишь на себя самих, в частности – на молодежь, а также на армию: «Если каждый будет заниматься своим делом, все будет хорошо» (ж., 61 г., г. Арарат); «Каждый из нас должен верить прежде всего в себя. Мы должны верить в наших военных – благодаря им мы можем спокойно спать, работать, учиться» (м., 59 л., г. Горис).

Политических сил, на которые можно надеяться, среди действующих и бывших политиков Армении люди не видят: «Среди сегодняшних деятелей, в том числе оппозиционных, ни одного потенциального лидера не вижу. Куда делись все те партии, которые были на политической арене? Все они преследовали лишь одну задачу – заполучить власть» (м., 42 г., г. Гюмри).

Многие полагают, что не следует надеяться не только на представителей своей политической элиты, но и на внешние силы и их участие в решении проблем безопасности Армении. В большинстве ответов звучала мысль, что никто не поможет в той степени, в которой это необходимо. Все государства руководствуются лишь своими национальными интересами. Вместе с тем в той или иной степени союзниками считают прежде всего Францию, а также с оговорками – РФ, США, Иран, Индию, Грузию: «Опыт показывает: когда мы рассчитывали на своих союзников в кавычках, всегда потом ошибались и разочаровывались. У союзников – свои интересы, не совпадающие с нашими» (ж., 56 л., с. Лусарат).

Параллельно просматривается позиция зависимости окончательных решений, прежде всего, от внешнеполитического расклада сил. В этом аспекте общественное мнение можно поделить на пророссийское и антироссийское, прозападное. Глубинные интервью в целом подтверждают результаты массовых опросов о различиях доверия в армянском обществе к разным ключевым государствам после событий, связанных с войной в Карабахе.

Так, в начале 2023 г. взаимоотношения Армении с Францией положительно оценивали 96% армянского населения, с Ираном – 91%, с США – 88%, с ЕС – 86%, с РФ – только 50%⁹.

Встречается негативное отношение ко всем внешнеполитическим игрокам в целом: «Любая политика – торг. Союзников у нас нет. Если попытаться выстраивать взаимоотношения с США, с НАТО, то там их союзница – Турция. Россия, как и раньше, продолжает продавать газ Европе, но теперь через Азербайджан, и взамен позволяет Азербайджану забирать армянские территории, торгует нами» (М., 42 г., г. Абовян); «Каждый раз в поисках союзников Армения разочаровывается. Сейчас мы пытаемся выстраивать союзнические отношения с США, однако вследствие этого нам будут навязаны американские ценности, и в этом ничего хорошего не вижу» (ж., 25 л., г. Горис).

Критическое отношение респондентов к политике России в отношении Армении объясняют как интересами, которыми руководствуется Россия, так и тесными взаимосвязями РФ с Турцией и Азербайджаном. Респонденты испытывают в отношении роли России крайнюю разочарованность, даже озлобленность: «Всегда считала Россию самым близким соседом и союзником, однако последние события показали, что рассчитывать на Россию нельзя» (ж., 36 л., г. Горис); «Как и в прошлом, так и во время этой войны мы до конца верили и ждали поддержки союзного государства, но потеряли наши земли – Западную Армению¹⁰ и Арцах. Теперь, все это зная, армянский народ должен опомниться и понять, что ему следует учиться на своих ошибках и искать новых союзников» (ж., 29 л., г. Гавар).

В оценках взаимоотношений с РФ прослеживается также самокритика, связанная преимущественно с деятельностью властей Армении, никак не способствующих армяно-российским отношениям и вызывающих в армянском обществе крайне негативные реакции: «Россия могла бы нам помочь, но и мы совершили много ошибок в отношениях с Россией. Ездят наши чиновники в Москву, договариваются, а на следующий день Пашинян звонит Макрону: кому это может понравиться?!» (м., 67 л., г. Абовян); «Мне не нравится, когда говорят: чем Россия может помочь? Помощь оказывается бродягам! Нужно говорить о взаимодействии, о сотрудничестве, а для этого нам прежде всего самим нужно быть сильными и интересными для потенциальных союзников» (м., 61 г., г. Арарат). Некоторые высказывались в поддержку России, подчеркивая важную роль, которую РФ оказывает в обеспечении безопасности Армении, в том числе военной и экономической: «Россия уже делает очень многое для Армении. Россия остановила 44-дневную войну в Карабахе, а то азербайджанцы уже собирались войти в Степанакерт, и они бы там устроили настоящую резню, геноцид населения. Если бы Россия не остановила, то война бы продолжалась. [...] Россия... гуманитарную помощь предоставила, российские миротворцы расположены в Карабахе. Российские пограничные силы охраняют наши границы с Турцией и Ираном. Я сейчас просто перечисляю то, что буквально все знают, что очевидно и всегда было и есть сегодня тоже. [...] Я думаю, что Россия могла бы сделать еще больше, если бы мы не стали ухудшать наши отношения» (м., 62 г., г. Ереван).

Было высказано мнение, что Россия на данном этапе поддерживать Армению не то чтобы не хотела, но не может, поскольку занята конфликтом на Украине: «Всегда надеялась на Россию, но и Россия нас подвела. Пока не решен украинский вопрос, Россия для нас сделать ничего не сможет» (ж., 60 л., г. Абовян); «В данный момент из интересов России не следует вмешиваться в какие-либо вопросы на Кавказе, потому что она сейчас воюет на Украине. [...] Свои силы она естественно должна применять там, и у нее нет никакого желания вмешиваться здесь в какие-либо вопросы, создавать военную ситуацию»

⁹ Public Opinion Survey: Residents of Armenia. January–March 2023. URL: <https://www.iri.org/resources/public-opinion-survey-residents-of-armenia-january-march-2023/> (дата обращения: 18.07.2024).

¹⁰ Под Западной Арменией понимают территории северо-восточной Турции, до Геноцида 1915 г. населенные преимущественно или в значительной степени армянами. Во время русско-турецких войн 1877–1878 и 1914–1917 гг. армяне Турции надеялись на освобождение Россией этих территорий, но после 1917 г. «Турецкая Армения» была снова занята турками, советское правительство поддержало Турецкую республику и признало старые границы Турции. – Прим. ред.

(ж., 67 л., г. Ереван). Вместе с тем понимание занятости России в иных вопросах не становится оправданием ее позиции по Карабаху, более того – уступки по Арцаху рассматриваются как элемент ослабления в регионе позиций РФ в целом.

Образы армянских лидеров настоящего и будущего. Образ армянского лидера настоящего времени в массовых восприятиях выражается через фигуру премьер-министра Н. Пашиняна. Во время глубинных интервью было заметно, что Н. Пашиняна либо поддерживают, но не зная, как будет воспринята подобная точка зрения, пытались уклониться от конкретного ответа и оценок, либо явно не поддерживают. Поддерживающие и скорее поддерживающие Н. Пашиняна респонденты указывали на его демократичность, простоту в общении с населением, а также на то, что сваливать всю вину за произошедшие трагические события на одного человека неправильно. *«Поддержка Пашиняна обусловлена тем, что он предлагает не оглядываться назад, в историю, а идти вперед»* (м., 30 л., г. Арарат).

В оправдание Н. Пашиняна нередко звучала фраза: *«Любой политик имеет как положительные, так и отрицательные черты»*. Его приход к власти и популярность связывают с вакуумом, который образовался в политическом поле страны из-за низкой популярности предыдущих лидеров: *«Он смог оказаться в нужном месте в нужное время. Кроме того, причина его успеха заключается в том, что разочарованный армянский народ действительно ждал лидера, способного вывести их из данной ситуации. И когда Никол Пашинян, появился, он сумел вызвать доверие народа своей уверенностью. Он стал героем, на которого люди положили свою надежду»* (ж., 20 л., г. Гавар).

Не поддерживающие Н. Пашиняна считают его беспринципным политиком и даже предателем: *«Пашинян – талантливый подлец, отлично продвигающий свой план. Раньше я думала, что он сумасшедший, но он – подлец, агент внешних сил»* (ж., 61 г., г. Арарат); *«Недавно смотрел какие-то рейтинги, которые проводят в Армении, так его (Н. Пашиняна) рейтинг, который был очень высоким в 2018 году, в несколько раз понизился, до уровня 18–20%, что по сравнению с [начальными] 80% очень низко. Это говорит о том, что не только я его не поддерживаю, а трудно найти людей, которые его поддерживают»*¹¹ (м., 62 г., г. Ереван). Часто звучала мысль, что современной Армении необходим общенациональный, а не партийный лидер. Такого лидера, по мнению большинства респондентов, сейчас нет.

Выводы. Проведенное эмпирическое исследование, сопоставленное с актуальными данными массовых социологических опросов, носит во многом поисковый характер и не претендует на комплексную диагностику армянского общества. Тем не менее по его итогам можно в первом приближении сформулировать определенные выводы о «травмированности» армянского общества событиями последних лет, прежде всего – поражением в карабахской войне 2020 г. и массовым исходом армянского населения из Карабаха/Арцаха в сентябре – октябре 2023 г. после ликвидации Нагорно-Карабахской республики.

Эта череда событий соответствует четырем характеристикам травматогенных событий, выделенным П. Штомпкой, – внезапности возникновения, неожиданности для большинства представителей общества, затрагиванием всех членов общества, глубиной и фундаментальностью последствий. В армянском обществе прослеживается спад доверия и органам власти, и в отношении внешнеполитических союзников. В «обществах травмы» большинство людей никому не доверяет. Восприятия недавнего прошлого, настоящего и вероятного будущего в армянском обществе характеризуются тревожностью, апатичностью, чувствами неопределенности, безысходности и покинутости, депрессивностью, гневом и глубокой разочарованностью в прежнем и нынешнем руководстве страны. Травматические коллективные переживания в послевоенном армянском обществе

¹¹ Мнение респондента соответствует результатам социологического опроса, проведенного Gallup International в тот период, см., напр.: Может ли Пашинян с 13,6%-й поддержкой сделать то, против чего выступают 95% граждан? // Yerevan Today. 07 августа 2023. URL: <https://ru.yerevan.today/110225> (дата обращения: 20.01.2024).

усиливаются постоянными ассоциациями с Геноцидом армян начала XX века. Поэтому о поражении армянской стороны в Карабахе следует говорить не столько как о новой травме, сколько как об актуализации, усугублении непреодоленной старой травмы.

Тяжесть коллективной травмы подпитывает массовую практику возложения армянами ответственности за события в Карабахе не только на себя (на самих карабахцев, на свое – бывшее и новое – правительство), но и на внешних акторов (прежде всего на Россию пропорционально договоренностям и надеждам, связанным в Армении с РФ). Россия воспринимается как страна «со своими интересами», «со своими проблемами и трудностями», при этом народ Армении разочарован в миротворческом потенциале России.

Важную роль в восприятии армянами образа будущего играют ценностные сдвиги, происходящие в армянском обществе последние 20 лет. Армения постепенно перестает быть традиционным обществом. Растет уровень прагматизма, имеют место транзит к постматериалистическим ценностям и ориентации на Запад, особенно среди столичной молодежи, хотя «западные» ценности пока не очень популярны среди массовых слоев армянского общества. Армянское общество, с одной стороны, подчеркивает важность традиционных устоев, норм и принципов, демонстрирует настороженное и критическое восприятие «европеизации», с другой – выражает готовность к умеренной модернизации.

Некоторый оптимизм в отношении будущего связан с ролью патриотичной и просвещенной армянской молодежи, с возвращением в систему управления страны интеллигенции (в т.ч. научной, церковной). В восприятиях и ориентациях представителей армянского общества просматривается обращение к внутренним механизмам самоконтроля, самореализации через общественно полезную деятельность, взаимопомощь и патриотическое воспитание детей и молодежи, а также через качественное образование. В помощь внешних сил современные армяне мало верят – помочь Армении может лишь само армянское общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атанесян А.В. «Бархатная революция» в Армении: потенциал, достижения и риски политико-протестной активности // ПОЛИС. Политические исследования. 2018. № 6. С. 80–98. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.06.
- Атанесян А.В. Культура памяти и некоторые модели памяти о Геноциде армян в современном армянском обществе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 8. С. 46–54. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-4/1-46-54.
- Атанесян А.В., Мкртчян А.Е. Россия как союзник: динамика восприятия в армянском обществе до и после карабахской войны 2020 года // ПОЛИС. Политические исследования. 2023. № 2. С. 9–26. DOI: 10.17976/jpps/2023.02.02. EDN: OYNCOF.
- Волков Ю.Г. Общество травмы: поиск пути исцеления (приглашение к дискуссии) // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 16–27. DOI: 10.31857/S013216250009344-1.
- Волков Ю.Г. Социокультурные травмы современного российского общества // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 13–23. DOI: 10.31857/S013216250017543-0.
- Кравченко С.А. Социологические теории травмы: дискурс в современной теоретической социологии // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 60–69. DOI: 10.31857/S013216250009131-7.
- Макаров Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (круглый стол) // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250005477-7.
- Маркедонов С.М. Армения и Нагорный Карабах: ценностный и поколенческий сдвиг // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 12. С. 93–103.
- Погосян Г.А. Армянская семья: между традицией и современностью // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 106–115.
- Погосян Г.А. Историческая память и национальная идентичность. Ереван: РАУ, 2023.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Вест Мир, 2019.
- Alexander J.C. Trauma: A Social Theory. Cambridge & Malden: Polity, 2012.
- Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: University of California Press, 2004.

- Atanesyan A.V., Reynolds B.M., Mkrtichyan A.E. Balancing Between Russia and the West: The Hard Security Choice of Armenia // *European Security*. 2023. No. 33(2). P. 261–283. DOI: 10.1080/09662839.2023.2258528
- Atoyan V., Ohanyan S. et al. On identification, identity, and security issues in modern Armenia // *WISDOM. Spec. Iss.* 2022. No. 2(1). P. 5–14.
- Barakat S., Zyck S.A. The Evolution of Post-Conflict Recovery // *Third World Quarterly*. 2009. No. 30(6). P. 1069–1086.
- Karenian H., Livaditis M. et al. Collective Trauma Transmission and Traumatic Reactions Among Descendants of Armenian Refugees // *International Journal of Social Psychiatry*. 2011. No. 57(4). P. 327–337. DOI: 10.1177/0020764009354840.
- Mangassarian S.L. 100 Years of Trauma: The Armenian Genocide and Intergenerational Cultural Trauma // *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*. 2016. No. 25(4). P. 371–381. DOI: 10.1080/10926771.2015.1121191.
- Margalit A. *The Ethics of Memory*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.
- Sotieva L. *Collective Wounds: Societal trauma and the Karabakh conflict*. UK: Independent Peace Associates, 2021.
- Zaslavskaya M., Agadjanian V. Gender Attitudes Across Generations in Contemporary Armenian Society (Comparative Analysis) // *Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University*. 2022. No. 13(2 (36)). P. 48–60.

Статья поступила: 22.07.24. Финальная версия: 30.09.24. Принята к публикации: 01.10.24.

“SOCIETY OF TRAUMA”: PUBLIC PERCEPTIONS, HOPES AND FEARS IN THE ARMENIAN SOCIETY AFTER THE KARABAKH WAR

ATANESYAN A.V.* **, ANIKIN V.A.***

*Yerevan State University, Armenia; **Pyatigorsk State University, Russia; ***HSE University, Russia

Arthur V. ATANESYAN, Dr. Sci. (Pol.), Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Yerevan, Armenia; Professor at the Department of Journalism, Media Communications and Public Relations, Institute of International Relations, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia (atanesyan@yandex.ru; atanesyan@ysu.am); Vasily A. ANIKIN, Ph.D. (Sociol.), Assoc. Prof., School of Sociology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia (vanikin@hse.ru).

Abstract. The article attempts to characterize Armenian society in the aftermath of the Karabakh War as a “society of trauma.” The topic and its conceptual deliberation in frames of the “society of trauma”, or a “traumatic society”, is applicable to those modern societies living in conditions and after prolonged armed conflicts. Conducted between October and December 2023, the study utilized in-depth interviews with individuals across different age groups and regions, expert interviews with professionals, and analysis of previous sociological studies. The study aims to uncover deep-seated value judgments regarding societal transformations before and after the war, factors influencing these shifts, the impact of ruling elites and foreign actors on Armenian domestic and foreign policy, and the overall dynamics of Armenian post-conflict society. Findings reveal a society grappling with declining trust in government institutions, pessimism about the future, nostalgia for the past, political apathy, and a reshaping of collective memory. The term “society of trauma” encapsulates these significant characteristics, reflecting the enduring impact of the conflict¹².

Keywords: Armenian “society of trauma”, Karabakh conflict, “Velvet Revolution”, war, value transformations, perceptions, trust, apathy, recovery.

REFERENCES

- Alexander J.C. (2012) *Trauma: A Social Theory*. Cambridge & Malden: Polity.
- Alexander J.C. et al. (2004) *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press.
- Atanesyan A.V. (2016) Culture of Memory and Some Models of Memory about The Armenian Genocide in Contemporary Armenian Society. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social-Educational Idea]. No. 8: 46–54. (In Russ.)

¹² The authors thank G. Poghosyan and D. Bdoyan for supporting the field research.

- Atanesyan A.V. (2018) "Velvet Revolution" in Armenia: Potential, Achievements and Risks of Political Protest Activity. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 6: 80–98. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.06. (In Russ.)
- Atanesyan A.V., Mkrtichyan A.E. (2023) Russia as an Ally: the Dynamics of Public Perceptions in Armenian Society before and after the 2020 Karabakh War. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 2: 9–26. (In Russ.)
- Atanesyan A.V., Reynolds B.M., Mkrtichyan A.E. (2023) Balancing Between Russia and the West: The Hard Security Choice of Armenia. *European Security*. No. 33(2): 261–283. DOI: 10.1080/09662839.2023.2258528.
- Atoyan V., Ohanyan S. et al. (2022) On Identification, Identity, and Security Issues in Modern Armenia. *WISDOM. Spec. Iss.* No. 2(1): 5–14.
- Barakat S., Zyck S.A. (2009) The Evolution of Post-Conflict Recovery. *Third World Quarterly*. No. 30(6): 1069–1086.
- Karenian H., Livaditis M. et al. (2011) Collective Trauma Transmission and Traumatic Reactions Among Descendants of Armenian Refugees. *International Journal of Social Psychiatry*. No. 57(4): 327–337. DOI: 10.1177/0020764009354840.
- Kravchenko S.A. (2020) Sociological Theories of Trauma: Discourse in Contemporary Theoretical Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 60–69. (In Russ.)
- Makarov T. (2019) Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (a round table discussion). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 3–14. (In Russ.)
- Mangassarian S.L. (2016) 100 Years of Trauma: The Armenian Genocide and Intergenerational Cultural Trauma. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*. No. 25(4): 371–381. DOI: 10.1080/10926771.2015.1121191.
- Margalit A. (2004) *The Ethics of Memory*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Markedonov S. (2023) Transformation of the Armenian-Azerbaijani Conflict: Historical Experience and Current Developments. *MEMO Journal*. Vol. 67. No. 12: 93–103. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-93-103. (In Russ.)
- Pogosyan G.A. (2021) Armenian Family: Between Tradition and Modernity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 106–115. (In Russ.)
- Pogosyan G.A. (2023) *Historical Memory and National Identity*. Yerevan: Rau. (In Russ.)
- Sotieva L. (2021) *Collective Wounds: Societal Trauma and the Karabakh Conflict*. UK: Independent Peace Associates.
- Toshchenko Zh.T. (2019) *Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (Experience of Theoretical and Empirical Analysis)*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Volkov Yu.G. (2020) Society of Trauma in Search of Healing (Invitation to Discussion). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 16–27. (In Russ.)
- Volkov Yu.G. (2022) Sociocultural Traumas of the Contemporary Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 13–23. (In Russ.)
- Zaslavskaya M., Agadjanian V. (2022) Gender Attitudes Across Generations in Contemporary Armenian Society (Comparative Analysis). *Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University*. No. 13(2 (36)): 48–60.

Received: 22.07.24. Final version: 30.09.24. Accepted: 01.10.24.

ВАН ЦЗИНЬХУЭЙ, Н.С. КУЛЕШОВА

КОСМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО – СФЕРА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КИТАЯ И РОССИИ

ВАН Цзиньхуэй – кандидат политических наук, постдоктор Шанхайского университета, Шанхай, Китай (jasminew610@yandex.com); КУЛЕШОВА Наталья Сергеевна – доктор философских наук, профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (kuleshova-nataly@mail.ru).

Аннотация. Объектом исследования является Космос как сфера политического взаимодействия государств в современных условиях глобализации, когда космическая политика ведущих стран мира приобретает все большую политическую направленность, существенно влияя на формирование нового миросистемного порядка. Освоение Космоса рассматривается не только как демонстрация стратегического потенциала государства, но и как реальный инструмент внешнеполитической деятельности, достижения глобальных военно-политических целей. Анализ конкуренции основных акторов освоения космического пространства позволяет говорить о формировании «нового космического порядка». Авторами статьи рассматривается содержание космических программ США, КНР, РФ и иных ведущих стран мира. На основе кластерного анализа типологизированы ключевые «космические» страны мира. Выделены три группы государств: США (все еще абсолютный лидер в космической отрасли); КНР и РФ (основные конкуренты-партнеры лидера космической отрасли); Индия, Франция, Великобритания, Италия, Япония и Республика Корея (участвуют в космических программах, но не имеют собственных технологий вывода космонавтов в Космос). Россия и Китай демонстрируют новый тип сотрудничества в астросфере, формируя новый центр «космической силы». В сотрудничестве КНР и РФ определяется ряд основных направлений: использование спутниковых навигационных систем (ГЛОНАСС и Beidou); строительство международной научной лунной базы; создание собственной космической станции на околоземной орбите и др. Основным препятствием для китайско-российского космического сотрудничества традиционно считалось сотрудничество в Космосе России и США, однако похоже, что в новых политических условиях эра этого сотрудничества подходит к концу.

Ключевые слова: геополитика • международное сотрудничество • астрополитика • глобальная безопасность • мировой порядок • современная мир-система

DOI: 10.31857/S0132162524120105

Включение КНР в «космическую гонку». Сегодня Космос – это сфера активного политического взаимодействия государств. Освоение Космоса является военно-политическим фактором, поскольку связано с сотрудничеством и конкуренцией между ведущими странами современного мира.

Важным этапом, повлиявшим на мировое развитие, считается «космическая гонка», соревнование за освоение Космоса, которое началось с конца 1950-х гг. Длительное время лишь США и СССР были полноценными участниками этой гонки, тогда как иные страны мира являлись лишь партнерами американской или советской/российской программ освоения и изучения космического пространства, включая «лунную программу», исследование Марса, Венеры и отдаленных участков Солнечной системы. Соединенные Штаты, которые с 1950-х гг. победоносно прокладывали путь в Космос с помощью космических программ «Меркурий», «Близнецы» и «Аполлон», в конечном счете вышли победителями в гонке с Советским Союзом. Однако в настоящее время США вновь участвуют в «космической гонке», только на этот раз с Китаем.

До 1978 г. КНР не принимал участия в процессе освоения Космоса. Важной причиной являлось отсутствие должного научного потенциала в данной сфере и «закрытость» КНР. Ситуация изменилась лишь с «открытием» страны для всего мира в результате реформ Дэн Сяопина в 1970–1980-х гг. За последние десятилетия позиции Китая в глобальной экономической и политической системах настолько усилились, что справедливо говорят о его глобальной роли на современном этапе. Китай параллельно с усилением своих позиций на планете стремится к аналогичной роли и в космическом пространстве. Космическая политика стала важнейшей частью современного внешнеполитического курса КНР, а ее успехи в освоении космического пространства не вызывают сомнений. КНР с 1970 г. запустила более 100 орбитальных миссий, в том числе серию из 50 последовательных успешных запусков ракеты «Длинный март» (1996–2006 гг.). Сегодня Китай является одним из мировых лидеров ежегодных космических запусков, хотя и остается заметно менее активным, чем Россия или тем более Соединенные Штаты.

В КНР сейчас функционируют пять центров космического запуска – центры запуска спутников Цзюцюань, Сичан, Тайюань и Вэньчан, а также Китайский Восточный космодром (порт приписки Центра морского запуска). При этом существует специализация центров с определенным разделением труда и различием запускаемых космических кораблей. Программа полетов космонавтов КНР (тайконавтов) получила развитие с 1992 г., с создания «Проект 921», и тоже работает на укрепление и расширение национального престижа.

Государственная космическая политика Китая традиционно описывается в так называемых Белых книгах, которые публикуются с 2010-х гг. через каждые пять лет (они выходили в 2000, 2011, 2016 и 2021 гг.). В них излагаются концепция, принципы, цели и планируемые меры. Согласно Белой книге 2016 г., в космической сфере необходимо осуществить «Китайскую мечту», которая заключается в изучении огромного Космоса и превращении Китая в космическую державу. Последняя Белая книга «Космическая деятельность Китая – 2021» обобщила достижения страны в области космических достижений на научном и технологическом уровнях. В ней определены задачи по ключевым направлениям в космической области; в качестве одного из них называются «углубленные обмены и сотрудничество» на основе равенства, взаимной выгоды, мирного использования и инклюзивного развития.

Китайские программы освоения Космоса базируются на том, что КНР стала третьей державой в мире (после СССР/РФ и США), которая обладает техническими возможностями осуществить космический полет человека, обладает собственной космической околоземной станцией и имеет собственную систему космодромов на своей территории. Основой вхождения Китая в трио основных космических держав мира, наравне с США и РФ, является наличие у КНР крупнейшего абсолютного ВВП по ППС в мире, что делает экономику КНР соизмеримой с американской или же с экономикой ЕС вместе с Великобританией. Из экономической мощи КНР проистекает и размер бюджета КНР – второго в мире после американского. Тем самым формируются финансовые возможности реализовывать долговременные проекты исследования Космоса, включая целесообразные с коммерческой точки зрения. Данный подход можно сравнить с плаваниями периода Великих географических открытий XV–XVI вв., которые в большинстве своем были в первую очередь торговыми и коммерческими операциями (с устойчивыми элементами откровенного грабежа новооткрытых территорий), расширяющими ойкумену «новоприбывших» наций из Западной Европы.

Космическое сотрудничество и астрополитика. Успехи Китая в освоении Космоса безусловны, научно-технический и экономический уровни развития Китая позволяют ему занимать позицию мировой космической державы. Но не менее важным для КНР является сотрудничество в космической сфере с другими странами.

В освоении космического пространства сегодня фиксируются новые векторы, возникновение новых акторов. Космическое пространство остается одной из основных зон

противостояния/сотрудничества ведущих стран мира¹. С конца XX в. к общепризнанным лидерам космической гонки, СССР/России и США, добавились новые страны, вошедшие в число покорителей околоземного космического пространства. В этой связи необходимо назвать отдельную европейскую (возглавляемую Францией) программу исследования Космоса, индийскую программу, японскую программу и, конечно, уже названную китайскую программу, которая демонстрирует особую результативность освоения Космоса.

Расширение околоземной ойкумены в космическом пространстве на данном этапе, а также в среднесрочном и долгосрочном периодах, возможно только при активном сотрудничестве на взаимовыгодных условиях ряда космических держав. Классическим примером может служить международная космическая станция (МКС)², где основные геополитические противники времен «холодной войны» и нынешней фазы геополитической трансформации мира – РФ и США – активно взаимодействуют с 1998 г. Старт такому сотрудничеству между РФ и США был положен еще в советский период – в 1972 г., когда был реализован проект «Союз – Аполлон».

Еще в конце XX в. Э. Долманом вводятся термины «астрополитика» и «астростратегия» [Dolman, 2003: 83] для характеристики геополитики в космическом пространстве. По его мнению, «кто доминирует в Терре [так называют Землю и ближний Космос. – Прим. авт.], определяет судьбу всего человечества...» [Жданов, 2013: 279]. Исходя из подхода астрополитики, которая по своей сути является продолжением геополитики в Космосе, можно перенести геополитическое взаимодействие США, КНР и РФ как ключевых космических держав современного мира с земной поверхности в космическое пространство. Существенным дополнением к астрополитике будет то, что в освоении Космоса участвует очень ограниченное количество игроков. Данное ограничение возникло по причине технических возможностей, финансовых приоритетов и геополитического стремления разных стран современного мира.

Величина космического бюджета той или иной страны мира должна соотноситься с эффективностью освоения ею Космоса. Основными показателями его освоения конкретной страной на данном этапе развития человечества являются также количество спутников и количество космонавтов у данной страны. В то же время определение количества спутников может быть затруднительным, так как в ряде государств существуют возможности для частных компаний оплачивать вывод на околоземную орбиту собственных спутников. Хотя количество таких коммерческих спутников автоматически не конвертируется в геополитическое влияние той или иной страны в космическом пространстве, но определено влияет на него. Например, Илон Маск на свое усмотрение мог отключать доступ представителей отдельных государств к своей системе спутникового интернета «Starlink», что привело к требованиям сенаторов и конгрессменов США расследовать данную ситуацию³.

Таким образом, сотрудничество/соперничество ведущих стран мира в исследовании и освоении космического пространства является неизбежной практикой развития любой космической национальной программы.

Предпосылки сотрудничества России и Китая в освоении Космоса. В условиях современной геополитической конфронтации, санкционного противостояния РФ и Запада во главе с США, а также углубления противостояния КНР с США, после прихода в 2025 г. к власти в США президента Д. Трампа Китаю и России необходимо интенсифицировать

¹ 仲晶：太空战略竞争与博弈日趋激烈. URL: <https://12266.org/t14308/1.html> (дата обращения: 10.09.2024).

² Программа «МКС» // Научно-исследовательский испытательный центр подготовки космонавтов им. Ю. А. Гагарина. URL: <https://www.gctc.ru/main.php?id=238> (дата обращения: 10.09.2024).

³ Dennus S. T. Elizabeth Warren Demands Probes of Elon Musk, SpaceX After Ukraine Revelations // Bloomberg.com. 11 September 2024. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-09-11/elizabeth-warren-demands-probes-of-elon-musk-spacex-after-ukraine-revelations> (дата обращения: 10.09.2024).

сотрудничество в космической сфере. Это позволит укрепить взаимодействие и дополнить нынешнее – пока преимущественно сырьевое – взаимодействие экономик России и КНР взаимовыгодным высокотехнологическим и научным сотрудничеством. Все это позволит формировать долгосрочные программы сотрудничества на взаимовыгодных условиях, без учета американской гегемонии по отдельным направлениям освоения Космоса.

В контексте мир-системного подхода можно констатировать, что США всеми доступными для них средствами стремятся оставить другие страны на периферии космической сферы, создавая механизмы сотрудничества в освоении космического пространства с иными странами только по формуле «США – лидер, все другие страны – младшие партнеры». Это направлено на то, чтобы Соединенные Штаты оставались – как минимум в среднесрочной перспективе – ключевой страной в освоении Космоса (а следовательно, сохраняли хотя бы в некоторых аспектах лидирующие позиции в современной мир-системе).

«Отцом» китайской космической программы считается Цянь Сюэсэн, который приехал в КНР из США уже состоявшимся ученым в данной сфере. В то же время в 1980-х гг. СССР сыграл большую роль в подготовке молодых ученых и инженеров для развития аэрокосмических начинаний Китая⁴. Данный пример демонстрирует важность и необходимость обмена опытом между основными космическими державами. Наличие МКС, где одними из основных участников являются США и РФ, даже с учетом геополитического противостояния России с Западом является важным примером сотрудничества, так как количество действенных и эффективных стран-партнеров в космической сфере на данный момент ограничено. В то же время именно санкционное давление Запада на РФ создает стимулы для локализации развития космических технологий на территории КНР по соображениям технологического суверенитета.

Еще одной причиной активного взаимодействия КНР и РФ в космическом пространстве является процесс милитаризации, который угрожает превратить в ближайшее время данное пространство в полноценную сферу военно-политических столкновений. Достаточно вспомнить баллистическую ракету, запущенную в 2023 г. из Йемена в космическое пространство и сбитую ПВО Израиля⁵. В этом же контексте следует воспринимать создание космических войск в ряде стран – Воздушно-космических сил Российской Федерации (с 2015 г.; ранее, с 2011 г., – Войска воздушно-космической обороны РФ), Космических сил США (с 2019 г.), Сил стратегического обеспечения КНР, сферой ответственности которых является в том числе и потенциальная космическая война, и т.д.

Правовое регулирование освоения Космоса. Таким образом, освоение космического пространства из теоретико-фантастической сферы переходит в практическую плоскость разработки и использования военных технологий. Это требует от вышеуказанных стран, учитывая естественное отсутствие границ в Космосе, разработки и реализации всеобъемлющего пакета договоренностей относительно вооружений в ближнем Космосе [何奇松, 2017: 26–52]. Другие государства мира, пока не достигшие высокого уровня развития собственных космическо-военных технологий, также могут стать участниками данных договоренностей.

Основным базовым документом о военной деятельности в космическом пространстве является «Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела», принятый в декабре 1966 г.⁶ Данный договор был направлен на ограничение использования в первую

⁴ He Qisong, Ye Nishan. Analysis of Space Cooperation Between China and Russia // Interpret.csis.org. 2021. URL: <https://interpret.csis.org/translations/analysis-of-space-cooperation-between-china-and-russia/> (дата обращения: 10.09.2024).

⁵ Израиль первым в истории сбил ракету в Космосе // Lenta.ru. 5 ноября 2023 г. URL: <https://lenta.ru/news/2023/11/05/izrail-pervym-v-istorii-sbil-raketu-v-kosmose/> (дата обращения: 10.09.2024).

⁶ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 10.09.2024).

очередь ядерного оружия, так как в эпоху активных лунных полетов в США была идея произвести ядерные испытания на Луне. Данный проект в США носил название «проект А119»⁷, в СССР был аналогичный «проект Е-3/4»⁸. Отмена данных проектов и поиск новых компромиссов между двумя сверхдержавами времен «холодной войны» связаны отчасти с тем, что демонстративное использование ядерного оружия на Луне могло завершиться фиаско по причине низкой технологической гарантии успеха и тем самым снизить геополитический престиж организовавшей его страны. Это заставило США и СССР пойти на данное соглашение, к которому затем присоединились и другие страны, включая КНР. Однако, ввиду развития частной космонавтики, данное соглашение требует уточнения и обновления в соответствии с политико-экономическими реалиями нынешнего времени.

К иным основополагающим соглашениям и конвенциям, которые регулируют межгосударственные отношения в Космосе, следует отнести «Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство» от 1968 г., «Конвенцию о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами» от 1972 г., «Конвенцию о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство» от 1975 г., «Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах» от 1979 г. и др.⁹

Кластеризация ключевых стран мира по участию в освоении Космоса. Для анализа возможностей сотрудничества РФ и КНР, а также других альтернативных Западу стран, во взаимовыгодном освоении космического пространства авторы провели кластеризацию всех стран современного мира, активно участвующих в освоении космического пространства (табл.). Для этого были использованы следующие параметры: количество

Таблица

Основные показатели космической сферы ключевых стран мира, 2022 г.

Страны мира	Количество запусков (удачных) космических ракет за год с территории страны	Номинальный ВВП по текущему курсу (млрд долл. США)	Количество запусков космонавтов	Величина космического бюджета (млрд долл. США)	Количество космодронов
США	75	25744	23	61,97	4
КНР	62	17963	6	11,94	4
Россия	21	2240	5	3,42	5
Индия	4	3465	0	1,93	1
Франция	7	2775	0	4,2	1
Великобритания	0	3089	2	1,15	0
Италия	0	2047	1	1,74	1
Япония	0	4232	1	4,9	1
Республика Корея	1	1674	0	0,72	1

Источники: Gunter's Space Page. URL: <https://space.skyrocket.de/index.html> (дата обращения: 10.09.2024); World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 10.09.2024).

⁷ Barnett A. US planned one big nuclear blast for mankind // The Guardian. 14 May 2000. URL: <https://www.theguardian.com/science/2000/may/14/spaceexploration.theobserver> (дата обращения: 10.09.2024).

⁸ Zheleznyakov A. The E-4 project – exploding a nuclear bomb on the Moon. URL: <http://www.svengrahn.pp.se/histind/E3/E3orig.htm> (дата обращения: 10.09.2024).

⁹ Российско-китайское космическое сотрудничество формально базируется на двух документах – межправительственном соглашении, подписанном в декабре 1992 г., и межведомственном соглашении, подписанном в марте 1994 г.

запусков космических ракет за год; величина текущего ВВП в долларах США; количество космонавтов, которые каждый год совершают полет в Космос; величина космического бюджета; количество космодромов (в случае с Россией также учитывался Байконур как объект советского наследия, который арендуется РФ у Казахстана). Полные данные по приведенным показателям доступны на 2022 г. В перечень анализируемых не включены другие страны по причине отсутствия соответствующих статистических данных или их незначительного участие в развитии космической сферы на данном этапе.

На основании этих данных авторами проведена с помощью программы Minitab кластеризация основных космических держав мира (рис.). Как видим, кластеризация демонстрирует отчетливое выделение трех групп государств.

Первая группа – абсолютный (пока что) лидер космической отрасли – США (1). Соединенные Штаты обладают не только самым крупным космическим бюджетом, который вдвое превышает размер бюджетов всех других стран-лидеров космической отрасли, но обгоняет их и по количеству астронавтов, которые побывали в Космосе в 2022 г. Однако данный «отрыв» стал возможен во многом за счет развития частной космической отрасли, конкуренции в ней между Space X, Boeing, Blue Origin, Virgin Galactic и иными компаниями. В то же время по количеству запусков ракет КНР приближается к США, а Россия превосходит Америку по числу космодромов.

Вторую группу стран представляют основные конкуренты-партнеры лидера космической отрасли – КНР (2) и РФ (3). При этом надо учитывать, что КНР значительно нарастил потенциал в космической сфере за последние 25 лет. В то же время Россия после начала в 2014 г. геополитического противостояния с Западом относительно снизила свой «вес» в космической сфере, что отражается и в количестве запусков, и в величине космического бюджета в сравнении с США и КНР. Пребывание двух этих стран в единой группе указывает на схожесть их потенциала. При продуманной политике это позволит выстроить взаимовыгодное сотрудничество для совместного противостояния реальной и потенциальной гегемонии США в Космосе. В то же время нужно указать, что Россия все еще во многом зависит технологически от стран Запада [戚大伟, 2021: 11].

Третью группу стран-лидеров в космической сфере составляют все остальные (кроме США, КНР и РФ) страны – Индия (3), Франция (4), Великобритания (5), Италия (6), Япония (7) и Республика Корея (8). Данные государства не обладают ресурсами стран первых двух групп и не имеют собственных технологий вывода космонавтов в Космос. Италия и Великобритания даже не имеют космодромов на своей территории, что усложняет потенциальное развитие космической отрасли в данных государствах. Единственным выходом в долгосрочной перспективе может быть лишь их сотрудничество с США, КНР или

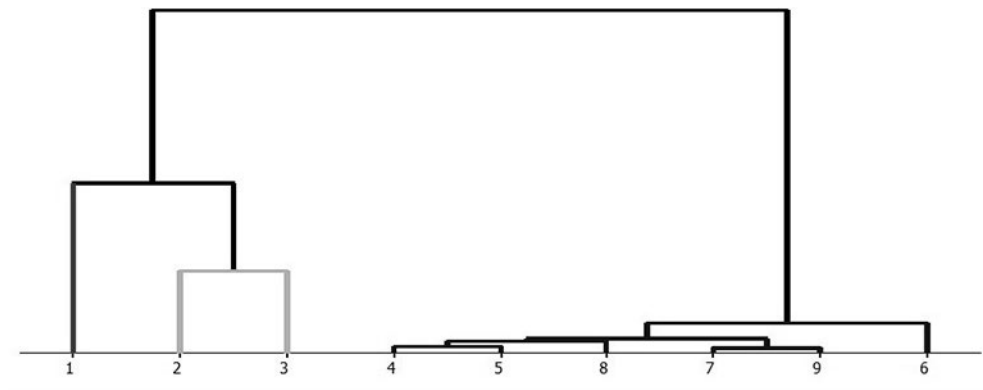

Рис. Кластерный анализ основных космических держав мира, 2022 г.

с Россией. Одним из таких проектов, как уже упоминалось, является МКС, где США, РФ, Франция, Великобритания, Италия и Япония совместно реализуют самый крупный проект человечества на орбите. Индия в перспективе ввиду геополитической близости к КНР и РФ может стать самым действенным партнером среди стран этой группы.

Перспективы сотрудничества России и Китая в космополитике. В XXI в. сотрудничество стран в космической сфере существенно изменилось, став более многосторонним. Сяо Вэй и Фан Цунвэй отмечают, что новый тип космического сотрудничества является отличным проявлением новых международных отношений в области Космоса, «цель которых состоит в том, чтобы установить нормативный принцип совершенствования международного сотрудничества в Космосе и пропагандировать, чтобы все страны мира уважали друг друга в Космосе, способствовали формированию справедливого космического международного порядка» [肖晞,樊丛维, 2019: 219–230]. Политическое значение освоения Космоса в контексте расширения международного влияния отмечают и другие исследователи. Например, Чжан Вэй писал, что «рост глобальной космической золотой лихорадки, реализация китайской инициативы “Один пояс – один путь” и все более зрелые космические технологии и промышленность Китая предоставили Китаю ценные возможности для создания новых рамок международного космического сотрудничества. Китай должен содействовать космическому сотрудничеству со странами и регионами в рамках инициативы “Один пояс – один путь”, что способствует расширению международного влияния Китая» [张茗, 2017: 40–51]. Этот китайский исследователь также отмечает, как видим, что освоение Космоса имеет социально-политический смысл.

Сотрудничество посредством консультаций, как это происходит во взаимодействиях России и Китая в космической сфере, является важным вкладом в практическую реализацию концепции глобального управления, совместное строительство и совместное использование инфраструктуры для освоения космического пространства по причине формирования глобального сообщества с единой судьбой [刘莹, 2024: 74–90]. Данная концепция может быть ответом КНР на политику атлантизма и глобализма, которая наиболее ярко имела негативные последствия в 2000-х в период вторжения НАТО и США в Афганистан, а также США и их союзников в Ирак. При этом КНР на Земле реализует концепцию «Один пояс – один путь», а в Космосе, в сотрудничестве с РФ и при возможном *равноправном* сотрудничестве с США, стремится создать некий космический аналог мирового мирного сотрудничества ради процветания всего человечества [何奇松, 2016: 64–76].

Есть три основных направления сотрудничества между РФ и КНР в космической сфере.

1. *Одновременное использование российской и китайской навигационных систем – ГЛОНАСС и Beidou.* Развитие космического интернета на примере американского Starlink уже продемонстрировало качественно иного уровня возможности для поддержания космической связи. Конкуренция GPS союза ГЛОНАСС и Beidou позволит выработать механизмы взаимодействия двух стран в освоении столь перспективного рынка космических услуг. При этом потенциальная возможность вооруженного конфликта США как с Россией, так и с Китаем создает предпосылки для локализации производства критически важных составляющих, необходимых для развития как глобальных систем ГЛОНАСС и Beidou, так и ее альтернативы – американской Starlink. Важно, что, в отличие от России, КНР имеет внутреннюю интернет-экосистему, которая закрыта от внешнего влияния интернет-гигантов американского базирования, позволяя Китаю сохранять баланс между собственным интернет-рынком и внешним миром. Стоит указать, что еще в январе 2014 г. обе стороны, КНР и РФ, учредили «Китайско-российский центр спутниковой навигации»¹⁰.

¹⁰ Россия и Китай учреждают СП по спутниковой навигации // Прикладной потребительский центр ГЛОНАСС. 14 ноября 2014 г. URL: <https://glonass-iac.ru/news/gnss/2949/> (дата обращения: 10.09.2024).

2. *Совместное строительство международной лунной станции*¹¹. Меморандум о ее создании был подписан Китаем и Россией еще два года назад. Проект представляет собой научный комплекс, предназначенный для самых различных исследовательских работ на естественном спутнике Земли.

3. *Сотрудничество Китая с Россией при эксплуатации своей собственной космической станции*. Данное сотрудничество имеет большое геополитическое значение по причине того, что на данный момент США, РФ и другие страны, входящие в ЕКА, осуществляют совместный проект на околоземной орбите – МКС. До недавнего времени также существовала практика совместных полетов американских и российских космонавтов на соответственно российских и американских космических кораблях.

Социально-геополитические аспекты сотрудничества России и Китая в космополитике. Можно выделить ряд социально-геополитических особенностей и вызовов относительно будущего взаимовыгодного сотрудничества между КНР и РФ в освоении Космоса.

Во-первых, это геополитическое сближение двух стран в начале XXI в., которое проявляется, в частности, в присутствии обеих стран в ШОС и в БРИКС+. Последнее межгосударственное объединение может стать альтернативой западным межгосударственным клубам, вступление куда всегда была сопряжено с выполнением специфических политических требований. Пребывание же КНР и РФ в единых организационных структурах позволяет вырабатывать общие стандарты в различных сферах, включая авиацию и космическую сферу, значительно усилить не только двустороннее сотрудничество, но и многостороннее сотрудничество с дружественными странами (например, с Индией) относительно освоения Космоса.

Во-вторых, это парадоксальное отсутствие общих масштабных проектов в космической сфере несмотря на сильное геополитическое сближение обеих стран. Договоренности между РФ и КНР относительно освоения космического пространства во многом остаются на уровне меморандумов, своего рода деклараций о намерениях. Это связано с неполной технической совместимостью космических технологий двух стран, а также с отсутствием четкого общего видения коммерческого результата партнерства в Космосе.

В-третьих, наличие тесного сотрудничества между РФ и США в освоении Космоса (например, совместная эксплуатация МКС) усложняет активное взаимодействие России с Китаем по освоению космического пространства. В то же время резко усилившееся с 2022 г. геополитическое противостояние России и США может привести к сдвигу и в астрополитике.

В целом, оценивая международную космическую деятельность XXI в., необходимо указать, что между странами сложились отношения двух типов – сотрудничества и конкуренции. Их исследование демонстрирует цикличность конкуренции и сотрудничества государств в данной сфере. Глобальные изменения политической ситуации в 2010–2020-х гг. приближают человечество к космическим конфликтам. Международное космическое сотрудничество постоянно сталкивается с необходимостью корректировки национальной ядерной стратегии и стратегии ядерного сдерживания, с разработкой космических технологий и космического оружия, с развитием космического сдерживания.

Важное значение для сферы космического взаимодействия имеют действия Китая. Уровень экономического развития КНР, его промышленности, разработка космических технологий формируют новые возможности для международного космического сотрудничества. Китайская инициатива «Один пояс – один путь» также содействует космическому сотрудничеству с соседними странами и регионами. Все это способствует пониманию необходимости трансформации международного космического сотрудничества Китая

¹¹ См. Федеральный закон от 12.06.2024 № 128-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области создания Международной научной лунной станции». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406120003> (дата обращения: 10.09.2024).

в активном формате, расширения международного влияния Китая в космической сфере и ее составляющих (космической экономике, политике, праве, защите окружающей среды), что также будет содействовать становлению и развитию других космических держав. Китай для активного сотрудничества в исследовании Космоса кооперируется не только с крупными космическими державами, такими как Россия, но также и с небольшими развивающимися странами и странами, расположенными вдоль маршрута китайской инициативы «Один пояс – один путь».

Освоение Космоса является новым механизмом, способствующим расширению политического влияния Китая. В то же время внешняя политика Китая в области Космоса имеет ту же доктринальную основу, дипломатическую философию, что и общий внешнеполитический курс КНР. Это – неизменность позиции нейтралитета КНР. Она заключается в том, что какого бы уровня в своем развитии ни достиг Китай, он никогда не будет претендовать на положение гегемона, никогда не будет проводить политику экспансии, будет стремиться содействовать «сообществу единой судьбы человечества», содействовать мирному освоению и использованию Космоса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Жданов В.Л. Астрополитика: «распространение» геополитики в космическое пространство // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 6. С. 276–281. [Zhdanov V.L. (2013) Astropolitics: "Spread" of Geopolitics into Outer Space. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge]. No. 6: 276–281. (In Russ.)]
- Dolman E.C. (2003) *Geostrategy in the Space Age*. In: *Geopolitics, Geography and Strategy*. Ed. by C.S. Gray, G. Sloan. Portland, Oregon.
- 刘莹. 中国与俄罗斯太空合作分析 国际问题研究. 01.2024: 74–90. [Liu Ying. (2024) Analysis of China-Russian Space Cooperation. *International Issues Research*. No. 1: 74–90. URL: <https://www.ciiis.org.cn/gjwtyj/dqqk/202403/P020240312354015010334.pdf> (accessed: 09.10.2024). (In Chin.)]
- 何奇松. 中美两国太空安全领域的互动[J] // 国际安全研究. 2017. Vol. 35(5): 26–52. [He Qisong. (2017) Interaction between China and the United States in the field of space security. *International Security Studies*. Vol. 35. No. 5: 26–52. (In Chin.)]
- 何奇松. 中美俄太空三角关系[J] // 太平洋学报. 2016. Vol. 24(12): 64–76. [China, the United States, and Russia. Space triangle relationship. (2016) *Pacific Journal*. Vol. 24. No. 12: 64–76. (In Chin.)]
- 戚大伟. 俄罗斯太空安全政策探析[J] // 国防科技. 2021. Vol. 42(6): 10–14. [Qi Dawei. (2021) Analysis of Russia's Space Security Policy. *National Defense Science and Technology*. Vol. 42. No. 6: 10–14. (In Chin.)]
- 肖晞, 樊丛维. 构建东亚新型太空合作模式: 制约因素与路径选择[J]. 社会科学战线, 2019, (01): 219–230. [Xiao Wei, Fang Congwei. (2019) Building a New Type of Space Cooperation Model in East Asia: Limitations and Choice of Path. *Social Science Front*. No. 1: 219–230. (In Chin.)]
- 张茗. “一带一路”与我国国际太空合作的突破[J]. 国际关系研究, 2017, (01): 40–51. [Zhang Ming. (2017) «One Belt, One Road» and the breakthrough of China's international space cooperation. *International Relations Research*. No. 1: 40–51. (In Chin.)]

Статья поступила: 15.10.24. Финальная версия: 03.12.24. Принята к публикации: 07.12.24.

OUTER SPACE AS A PLATFORM FOR GEOPOLITICAL COOPERATION AND INTERACTION: A CASE-STUDY OF CHINA AND RUSSIA'S RELATIONS WITH OTHER GLOBAL POWERS

WANG Jinhui*, KULESHOVA N.S.**,

*Shanghai University, China; **Lomonosov MSU, Russia

Jinhui WANG, Dr. Sci. (Pol.), postdoctoral researcher Shanghai University, Shanghai, China (jasminew610@yandex.com); Natalia S. KULESHOVA, Dr. Sci. (Phil.), Professor Department of Global Processes, Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia (kuleshova-nataly@mail.ru).

Abstract. In the context of modern political development, the space policies of certain states are becoming increasingly autonomous and politically driven, playing a significant role in shaping a new world order. Advances in science and technology have broadened the scope of participation in outer space activities, incorporating not only state actors but also private enterprises, thereby introducing additional challenges and complexities. Analyzing the actions and competition among the major space actors reveals the emergence of a new space order, where space exploration serves as both a strategic asset and a practical tool of foreign policy. This study focuses on space as a domain of political interaction among states in the era of globalization. Using a comprehensive interdisciplinary approach, the research identifies key issues on the global space agenda and examines the dynamics of state interactions as a foundation for achieving stability in both outer space and the broader geopolitical landscape. The study analyzes the space programs of leading nations, including the United States, China, and Russia, highlighting the dual dynamics of cooperation and competition. Additionally, it explores the efforts of advanced space powers to involve developing countries in space activities. Through cluster analysis, the study classifies the world's key spacefaring nations into three groups: the United States (the undisputed leader in the space industry); China and Russia (key competitors and strategic partners of the U.S.); and a group including India, France, the United Kingdom, Italy, Japan, and South Korea (countries without independent human spaceflight capabilities). Importantly, many space powers prioritize achieving global military-political objectives through their space programs. The study also highlights a new type of cooperation between the Russian Federation and China, suggesting the emergence of a "new center of space power". This partnership, characterized by initiatives such as the integration of satellite navigation systems (GLONASS and Beidou), the construction of an international lunar research base, and plans for a joint space station in low Earth orbit, underscores significant opportunities for collaborative scientific endeavors. While the traditional U.S.-Russia partnership has been a major factor in space politics, the current geopolitical climate signals a decline in this cooperation, paving the way for stronger Sino-Russian collaboration.

Keywords: foreign policy, geopolitics, international cooperation, astropolitics, global security, world order.

Received: 15.10.24. Final version: 03.12.24. Accepted: 07.12.24.

ПОПКОВУ ЮРИЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ – 70 лет!

3 декабря 2024 г. отметил 70-летний юбилей Юрий Владимирович Попков – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН.

Юрий Владимирович имеет базовое философское образование (ЛГУ, 1978). После поступления в аспирантуру Института истории, филологии и философии СО АН СССР (1981) его основная профессиональная деятельность была неизменно связана с организацией и проведением теоретических и конкретно-социологических исследований в этом институте (ныне – ИФПР СО РАН), где он прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего сектором этносоциальных исследований и отдела социологии, а с 2007 по 2017 г. являлся заместителем директора по научной работе.

Главная область специализации юбиляра – этносоциология, в рамках которой он исследует этносоциальные процессы, национальную политику, цивилизационное развитие, этнокультурную динамику, ценностные ориентации, аборигенное право, философию и социологию евразийского и монгольского миров и др. Его теоретические наработки по всем этим вопросам опи-

раются на результаты многочисленных этносоциологических исследований, проведенных под его руководством во многих регионах Сибири, а также Казахстана, Монголии, Канады, индийских Гималаев. Он автор и соавтор более 550 научных работ, в том числе 30 монографий.

Юрий Владимирович является руководителем действующего с 1995 г. научного семинара «Этносоциальные процессы в Сибири» и ответственным редактором одноименного тематического сборника. Семинар проводится в разных регионах Сибири и выступает дискуссионной площадкой, выполняя важную задачу объединения усилий и координации деятельности этносоциологов региона, других специалистов в области исследований этносоциальных процессов, представителей органов управления и национально-культурных организаций.

Ю.В. Попков – сторонник развития отечественных научно-методологических традиций в народоведении при разумном и органичном использовании зарубежных наработок. Основой исследовательской практики является парадигма социального взаимодействия в его диалектической интерпретации и системно-деятельностном измерении, в единстве синхронных и диахронных (пространственно-временных) связей взаимодействующих сторон, в качестве которых рассматриваются этносоциальные субъекты – этнически маркированные социальные образования как носители активности.

Проф. Попков обосновывает особое предметно-проблемное поле этносоциологии, в качестве которого рассматриваются этносоциальные процессы как устойчиво-динамическая система рефлексивного взаимодействия этносоциальных субъектов и развитие последних в этом процессе, в единстве объективного и субъективного, материального и духовного, реального и виртуального, с учетом воздействия идентификационных стратегий субъектов и сетевых структур.

Под руководством Юрия Владимировича проведено фундаментальное и прикладное исследование, в результате которого дана комплексная характеристика евразийского мира, выделены базисные ценности и константы развития народов Сибири и сопредельных территорий. Проведена также сравнительная характеристика этносоциальных процессов и особенностей реализации национальной политики в нескольких регионах Сибири. Разработаны теоретико-методологические и методические основы социокультурного мониторинга межэтнического сообщества, осуществлена их апробация на примере города Новосибирска.

Востребованность теоретико-методологических и прикладных результатов исследования этносоциальных процессов со стороны органов власти и местного сообщества доказывается фактом утверждения специальным постановлением мэрии «Концепции устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 года» (2020). Юбиляр выступал одним из главных разработчиков этого документа. Профессор Ю.В. Попков является активным членом Научного совета ООН РАН «Новые идеи в социологической теории и социальной практике».

От имени Совета желаем уважаемому Юрию Владимировичу новых научных идей, интересных экспедиций, публикаций и плодотворного сотрудничества с коллегами!

БУДУЩЕЕ НЕ ТОЛЬКО В НАСТОЯЩЕМ, НО И В ПРОШЛОМ: ЕЩЕ РАЗ О ПРЕДМЕТЕ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ

ПОПКОВ Юрий Владимирович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия (yuripopkov54@mail.ru).

Аннотация. Отстаивается идея о важной роли отечественных исследовательских традиций народоведения в сохранении и развитии этносоциологии как самостоятельного научного направления. Автор отталкивается от выводов своей предыдущей статьи, в которой представлена диагностика кризисного положения дел в этносоциологии и угроз для нее в связи с произошедшим в отечественной этнологической науке антропологическим переворотом. Определение стратегических перспектив этносоциологии связывается с решением фундаментальной для нее проблемы – спецификацией и концептуализацией особого предметно-проблемного поля. В данном контексте развиваются положения основоположников этносоциологии и наработки представителей новосибирской этносоциологической школы. На этой основе обосновывается понимание этносоциальных процессов в качестве комплексного, обобщенного предмета этносоциологии. Сами эти процессы рассматриваются как устойчиво-динамическая система рефлексивного взаимодействия и развития этносоциальных субъектов в единстве устойчивости и изменчивости, диалектике объективного и субъективного, материального и духовного, реального и виртуального, с учетом идентификационных стратегий субъектов и воздействия сетевых структур. Такое представление специфицирует этносоциологию по отношению не только к антропологии, но и ряду других наук о народах.

Ключевые слова: этнос • этнология • антропология • этносоциология • этносоциальные процессы • новосибирская научная этносоциологическая школа

DOI: 10.31857/S0132162524120117

В октябре 2024 года Федеральным научным исследовательским социологическим центром РАН и редакцией журнала «Социологические исследования» проведены важные мероприятия, посвященные 50-летию данного журнала. В рамках научной конференции «Социология: вчера, сегодня, завтра» была организована специальная секция, посвященная проблемам этносоциологии, которая ее инициаторами названа «Этносоциология: будущее в настоящем». Рассуждая о перспективах данного научного направления и выступая на этой секции, я предложил другую формулу: будущее этносоциологии не только в настоящем, но и в прошлом.

Почему в разговоре о будущем этносоциологии нельзя исходить только из настоящего, то есть из ее наличного состояния, в том числе существующего в данный момент теоретико-методологического базиса и терминологического аппарата? Потому что настоящее этносоциологии, по моему убеждению, находится в кризисном положении, о чем подробно говорится в моей предыдущей статье [Попков, 2024].

Если говорить об этом предельно кратко и обобщенно, можно дать следующий диагноз. В постсоветский период дисциплины, связанные с исследованием этнического феномена, включая этносоциологию, подверглись массовой атаке западных научных стандартов, испытав мощное воздействие европейского антропоцентризма и методологического индивидуализма. В результате в современном российском этнологическом знании (понимаемом в широком смысле слова) доминируют западные методологические

подходы и соответствующий терминологический аппарат, который часто не соответствует «языку» реальной российской социальной практики. Многих исследователей, в том числе этносоциологов, «поразил вирус» конструктивизма, этничности и идентичности. При этом этничность, по большому счету сводимая к персональной идентичности, известными специалистами воспринимается в качестве основного предмета исследований в ситуации, когда существует принципиальная разница отечественной и западной наук в рассматриваемой области: в первом случае – это наука о народах (народоведение в ее исходном обозначении), во втором – наука об универсальном человеке (антропология) [там же].

Не отвергая значимости заимствованного на Западе методологического и терминологического арсенала для познания отдельных сторон российской действительности, важно избегать его абсолютизации. Он не является универсальным и всеобъемлющим, имеет ограниченную сферу применения, за пределами которой многие реальные проблемы и процессы оказываются «неопознанными объектами», а следовательно, не учтенными как в научном познании, так и в сфере реальной политики. В результате представление о действительности оказывается неполным, фрагментарным, а порой и просто иллюзорным. Достаточно сказать, что этничность (с учетом морфемного состава данного понятия как существительного с суффиксом -ость), часто оказывается бессубъектной и беспочвенной. В отличие от этого, этносоциология, так же как и исходное отечественное народоведение и этнография, является почвенной наукой, изучающей конкретные народы и этнические культуры, а также результаты их взаимодействия в конкретных условиях существования.

В данной статье сконцентрируем внимание лишь на одной, но принципиально значимой системной задаче. В ситуации доминирования в сфере изучения этнического феномена антропологизма и конструктивизма с фокусировкой внимания на проблемах этничности и идентичности перспектива и даже судьба этносоциологии будут во многом зависеть от решения проблемы, которая, по моему убеждению, является для нее фундаментальной: четкой фиксации и концептуализации ее предмета – свойственного данному научному направлению проблемного исследовательского поля, отличного от предметов других дисциплин и субдисциплин и делающего этносоциологию относительно самостоятельной исследовательской специализацией.

Решение такой задачи представляется важной в контексте актуализированной потребности сохранения и развития, а в отдельных случаях и возрождения позитивных отечественных традиций в исследовании этнического феномена. В данном случае существенное значение имеют две принципиальные установки, в свое время отстаиваемые основоположниками этносоциологии. Первая касается идеи Ю.В. Арутюняна и Л.М. Дробижевой, а также Ю.В. Бромлея, которые ассоциировали этносоциологию как научное направление с исследованием этносоциальных процессов. Такой подход является совершенно оправданным, в том числе потому, что в нем находят выражение закономерные связи прошлого, настоящего и будущего, а также неизбежное обращение к традициям. Вторая установка выражена в следующем положении М.Н. Губогло: «Застой в науке определяется не упрямой приверженностью к истокам, а неумением двигаться дальше, не отвергая ценностей прошлого» [Губогло, 2016: 468]. Не менее существенным является констатация того факта, что всеобъемлющего западного антропологического переворота в российском научном народоведческом дискурсе не случилось и окончательного отказа от отечественных традиций не произошло.

«Примордиалистское сопротивление» западному влиянию. Признание важности отечественного научного наследия для исследования тенденций современного развития российского общества и возможного его использования в практической политике по целенаправленному регулированию соответствующих процессов в последнее время находят отражение в принятых на государственном уровне решениях о необходимости возвращения к исконным российским ценностям и традициям в разных сферах жизни. Как известно, в 2022 г. утверждены Федеральный закон «О нематериальном этнокультурном

достоянии Российской Федерации» и Указ Президента «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Надо полагать, что эти документы вызваны в том числе сложной ситуацией в рассматриваемой сфере, затронутой общемировыми тенденциями, чрезмерным западным влиянием, системой деструктивного внешнего и внутреннего идейного и идеологического воздействия.

К сожалению, провозглашенная установка пока не нашла адекватного и целостного отражения в области социогуманитаристики, включая исследование этнического феномена, хотя соответствующая потребность является весьма актуальной, а реальная ситуация создает для этого определенные предпосылки, пусть и достаточно противоречивые.

Положение дел в этнологии, понимаемой в широком смысле слова, является в целом неоднозначным. В условиях жесткого давления либерально-конструктивистских установок и навязывания нового терминологического аппарата здесь всегда существовало и продолжает существовать заметное противодействие «западному нашествию»¹. Его можно условно назвать «примордиалистским сопротивлением», если учесть, что активные сторонники внедрения западных научных стандартов в российскую научную действительность в постсоветский период исходили из отождествления отечественных традиций в этнологии (включая этнографию и этносоциологию) исключительно с примордиализмом.

В чем проявляется устойчивость научных традиций? Достаточно привести несколько показательных фактов: в рамках Российской академии наук существуют институты, в названии которых продолжает присутствовать «этнография», хотя сейчас она официально исключена даже из образовательного стандарта (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)), Институт археологии и этнографии СО РАН, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН и др.); возобновлено издание научного журнала «Этнография»; проводятся конференции и олимпиады по этнографии; ведущий российский социологический журнал СоцИс имеет рубрику «Этносоциология» и проч.

Важно также отметить, что, несмотря на активные попытки «похоронить» этнос и как явление, и как понятие (а также и соответствующую теорию) [Тишков, 2003], они продолжают существовать в общественном и политическом дискурсах, в сфере научного поиска. И это вовсе не «метастазы теории этноса» [Тишков, 2020] или некие не заслуживающие внимания «субдисциплинарные кентавры», а факты реальности, отражающие устойчивость существования этноса и как общественного явления, и как научного понятия. Оказалось, что реквием пытались сыграть по неумершему (выжившему).

В настоящее время наблюдается оживление интереса к данной теме. В этой связи стоит обратить внимание на статью Д. В. Верховцева «Этнос post-mortem: советские теории этноса в современном русскоязычном дискурсе» в журнале «Этнографическое обозрение» и ту дискуссию, которая была организована по обсуждению данной статьи [Верховцев, 2022; Алымов и др., 2022]. Нельзя согласиться с утверждением автора о том, что понятие этноса «прочно стоит на ногах», поскольку оно нуждается в актуализации и переосмыслении с учетом произошедших в последние десятилетия социокультурных трансформаций, но справедливым является, в частности, его вывод о возрастании внимания к теории этноса Ю. В. Бромлея и о том, что повышается популярность отдельных научных направлений с соответствующей проблематикой и активизируется использование понятия этноса на институциональном уровне [Верховцев, 2022: 79].

Достойна упоминания и еще одна серьезная и важная работа – статья Б. Е. Винера, также посвященная теории этноса, рассматриваемой в горизонте ретроспективного и перспективного анализа [Винер, 2022]. Главное, на что обращает внимание автор, – это: а) необходимость развития теории этноса (при этом он вовсе не отрицает ее

¹ На самом деле это западное влияние было достаточно фрагментарным и избирательным, поскольку во многих случаях подчинено идеологическим и политическим мотивам (см.: [Попков, 2024]).

недостатков); б) опора не на конструктивизм, а на критически-реалистическую теорию, которая разработана в англоязычной литературе и рассматривается как альтернатива существующей дихотомии конструктивизма-позитивизма; в) признание важной роли социологии в решении этой задачи.

Соглашаясь в принципе с постановкой вопроса о необходимости развития теории этноса, отмечу слабую, на мой взгляд, сторону позиции автора, имеющую принципиальное значение. Дело в том, что исследователь связывает этот вопрос с темой идентичности, о чем прямо заявляет в статье (см., напр.: [Винер: 2022: 37]). Неслучайно в конечном итоге перспективы теории этноса он видит сквозь призму тематики идентичности и этничности, с работой «по теоретизированию этничности» [там же: 38].

В этом же русле он рассуждает и в своей новой статье, о чем говорит уже ее название: «Важнейшие элементы советской теории этноса: перспективы использования в современных теориях этничности» [Винер, 2023]. И хотя автор справедливо обосновывает возможность и необходимость использования проверенных временем элементов отечественной теории этноса (в частности, закрепленных в понятиях «этническая общность», «этнические процессы», «этническое самосознание» и др.), установка на этничность, по моему мнению, представляется достаточно узкой, не затрагивающей всей палитры нуждающихся в рассмотрении тематических вопросов рассматриваемой проблемы.

Что касается этносоциологии как одного из дисциплинарных направлений, непосредственно связанных с этнической проблематикой, то важно обратить внимание на следующее. В России нет специализированного научного учреждения с таким названием. Однако существуют соответствующие подразделения в рамках академических институтов – Института этнологии и антропологии РАН, Института социологии ФНИСЦ РАН, Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Института философии и права СО РАН (правда, сектор этносоциальных исследований, успешно работавший здесь на протяжении нескольких десятилетий, был в 2016 г. ликвидирован, как и все другие сектора института, в качестве самостоятельной единицы, в целях оптимизации количества управленческих кадров в процессе провозглашенной реформы РАН 2013 г. и др. Проводятся интересные научные исследования, конференции и семинары по этносоциологической проблематике, издаются монографии, сборники и проч.

Таким образом, и сама общественная жизнь, и усилия многих российских исследователей не позволили сыграть «реквием» по этносу и этнографии (народоведению), а также и по другим направлениям изысканий в рамках рассматриваемой области науки, включая этносоциологию.

В то же время, как показывает анализ [Попков, 2024], положение дел в этносоциологии является весьма тревожным, можно сказать, кризисным. Поиск возможного выхода из такого положения предполагает целый комплекс мер в научной, образовательной и кадровой политике, а также по линии разработки самой этносоциологической тематики.

В поисках определения предмета этносоциологии. Вопрос о предметно-проблемной определенности этносоциологии принадлежит, как было отмечено ранее, к числу фундаментальных для нее, от его решения во многом зависит не только настоящее, но и будущее дисциплины.

Казалось бы, здесь нет особой проблемы, поскольку предмет этносоциологии давно обозначен, в том числе и в учебной литературе: она рассматривалась как пограничная научная дисциплина, «изучающая социальные процессы в разных этнических средах и этнические процессы в социальных группах» [Арутюнян и др., 1998: 11]. Но, на мой взгляд, сформулированное основоположниками этносоциологии изначальное определение ее предмета (в предельно кратком и емком выражении его можно охарактеризовать как изучение этнического в социальном и социальном в этническом) нуждалось в дополнительном уточнении и концептуализации. Руководствуясь таким представлением, в 2008 г. на III Всероссийском социологическом конгрессе я выступал на секции по этносоциологии (ее руководителями являлись Ю.В. Арутюнян и Л.М. Дробижева) с докладом,

в котором ставил вопрос о предмете этносоциологии. В 2009 г. в соавторстве с Е.А. Тюгашевым опубликована статья, где предлагался несколько иной взгляд на предмет этносоциологии, чем это было принято до сих пор [Попков, Тюгашев, 2009]. Однако наши идеи не вызвали интереса и не получили поддержки со стороны этносоциологов. Видимо, тогда эта проблема не воспринималась как принципиально значимая, заслуживающая внимания и дополнительного обсуждения.

Но надо сказать, что сама Л.М. Дробижева говорила о такой задаче с учетом современной ситуации повального увлечения темой этничности, призывая этносоциологов к ясному позиционированию и фиксации более четкой предметной определенности своих исследований [Дробижева, 2005: 17]. И она позднее предложила более расширенное (с точки зрения фиксации в нем разных составляющих) определение этносоциологии, которое было отражено и в Большой российской энциклопедии: этносоциология (от греч. *ἔθνος* – «народ и социология») – «субдисциплина в российской социологии, изучающая этнические маркированное социальное пространство и происходящие в нем события, явления, процессы и связи»². Об ограниченности такого представления нам уже приходилось писать ранее [Попков, Тюгашев, 2009; Этносоциальные процессы..., 2015: 8–22]

В настоящее время вопрос о предмете этносоциологии актуализировался и еще больше, чем раньше, нуждается в прояснении, поскольку достаточно четкого представления об этом среди этносоциологов не существует. Так, организованная в 2023 г. ФНИСЦ РАН конференция, посвященная памяти Л.М. Дробижевой, имела название «Дробижевские чтения: этническое и социальное измерения». Можно высказать два замечания по поводу этого названия: во-первых, здесь не обозначен (потому не ясен) объект таких измерений; во-вторых, данная формула является не вполне удачной, поскольку не схватывает суть и своеобразие этносоциологического подхода к исследованию этнического феномена, а союз «и» создает эффект неопределенности в соотношении этнического и социального. Возникает впечатление, что в предложенном названии конференции механистически отразили прежнее представление об этносоциологии как смежной отрасли знания на стыке этнографии (изучающей этнические процессы) и социологии (изучающей социальные процессы). Но в настоящее время утвердилась идентификация этносоциологии как отрасли социологической науки, что требует более адекватного терминологического отображения ее предмета.

В русле такой установки проводит анализ Б.Е. Винер, который принадлежит к числу немногих исследователей, кто в настоящее время рассуждает о предмете этносоциологии. Он предлагает «переформулировать» существующее представление о нем, высказывая идею: «Основой нового подхода может стать критический реализм, дополненный заимствованиями из теории социальной идентичности Тэджфела Тернера и советской теории этноса»³. При этом практически отождествляет российскую этносоциологию с существующим на Западе направлением – социологией расовых и этнических отношений, о чем автор говорил в том числе на Дробижевских чтениях 1 июня 2023 г., выступая с докладом на секции, руководителем которой мне довелось быть⁴.

Поддерживая стремление использовать разные возможности и ресурсы, в том числе наработки зарубежных исследователей, для осмысления предметной определенности этносоциологии, считаю важным сделать оговорку, вновь обращаясь к идеям Л.М. Дробижевой. Хотя она высказывала мысль о схожести проблематики российской

² Дробижева Л.М. Этносоциология // Большая российская энциклопедия. 2004–2017. URL: <https://bigenc.ru/c/etnosotsiologia-208d15> (дата обращения: 15.10.2024).

³ Винер Б.Е. Переформулирование предмета социологии этнических отношений (этносоциологии). Методологический семинар Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН. 30 марта 2023 г. URL: https://socinst.ru/wp-content/uploads/il_30.03.2023.pdf (дата обращения: 15.10.2024).

⁴ См. программу мероприятия: Дробижевские чтения. URL: <https://drobizheva-conf.fnisc.info/program> (дата обращения: 15.10.2024).

этносоциологии с направлениями западных наработок⁵, остается более точной и более справедливой следующая ее оценка: создавшееся благодаря Ю.В. Арутюняну направление «стало отличаться от социологии расовых и межэтнических отношений, развиваемых на западе» [Дробижева, 2016: 14].

На мой взгляд, этносоциология, будучи, с одной стороны, частью этнологии, понимаемой в широком смысле слова (как комплексной дисциплины об этническом феномене), с другой стороны, разделом социологического знания, имеет в качестве своего объекта социальное измерение этнического феномена⁶, где социальное рассматривается в горизонте взаимодействия коллективных субъектов. Понятием, которое фиксирует данный исследовательский фокус, является понятие «этносоциальное», которое и должно быть базовым для этносоциологии. Оно, в частности, в предельно краткой форме, то есть именно на уровне понятия, выражает суть отмеченной выше основополагающей диалектической формулы: «этническое в социальном и социальное в этническом». Предметом же этносоциологии целесообразно признать этносоциальные процессы как характеризующие динамическое состояние этнического феномена в перспективе социального измерения, то есть рассматриваемого с точки зрения социологического подхода.

Этносоциальные процессы как предмет этносоциологии: возвращаясь к истокам. Обосновывая такой вывод, мы тем самым обращаемся, по сути, в прошлое. Дело в том, что, как отмечалось ранее, важную роль этносоциальных процессов в предметном поле этносоциологии признавали Ю.В. Бромлей, который посвятил им отдельную книгу [Бромлей, 1987], а также основатели этносоциологии (см., напр.: [Арутюнян, Дробижева, 2008: 93]). Так, по мнению Ю.В. Бромлея, этносоциология должна изучать этносоциальные процессы и решать задачу выявления особенностей этнических изменений в различных социальных группах и своеобразия социальных изменений в различных этнических средах, у конкретных народов [Бромлей, 1987: 161] (примерно таким же образом изначально трактовался предмет этносоциологии ее основоположниками). Проблема, однако, в том, что он не специфицировал этносоциальные процессы в ряду выделяемых им этнических и национальных процессов, порой отождествляя их с последними, что не вполне корректно. Эта некорректность стала особенно очевидной в настоящее время, когда понятие «национальное» часто употребляется не в этнокультурном, а в гражданском смысле.

Таким образом, связывая предметное поле этносоциологии с этносоциальными процессами, московские коллеги не смогли в должной мере последовательно обосновать эту позицию, о чем мы писали ранее. Зато концептуализация этносоциальных процессов, в том числе понимание их в качестве предмета этносоциологии, была предпринята представителями новосибирской научной этносоциологической школы под руководством автора настоящей статьи [Попков, Тюгашев, 2009; Этносоциальные процессы..., 2015: 8–22; Попков, 2023б]. Понятие этносоциальных процессов выступает у нас основополагающим для построения предметно-проблемного поля этносоциологических исследований в их теоретическом и эмпирическом выражении, а также играет важную методологическую функцию для этносоциологии.

Выбирая в 1995 г. для организованного научного семинара название «Этносоциальные процессы в Сибири» (который действует до сих пор и посвящен обсуждению методологических, теоретических и практических вопросов этносоциологии с акцентом на этносоциальные исследования), а также одноименного тематического сборника его материалов [Этносоциальные процессы в Сибири, 1997–2014], мы руководствовались в основном

⁵ Видимо, косвенным подтверждением пересечения тематики современной российской этносоциологии и существующей на Западе социологии расовых и межэтнических отношений является тот факт, что основные структурные подразделения этносоциологов имеют названия: в Институте социологии ФНИСЦ РАН – Центр исследования межнациональных отношений, а в Институте этнологии и антропологии РАН – Центр по изучению межэтнических отношений.

⁶ Считаю, что именно этнический феномен в целом является объектом изучения этнологии, а не этничность как его частное проявление.

интуитивными соображениями, пытаюсь найти «зонтичный» термин для объединения многоплановых исследований по этносоциальной тематике. 15 лет назад в отмеченной статье в СоцИсе мы с Е.А. Тюгашевым предприняли попытку обосновать свою позицию об этносоциальных процессах как предмете этносоциологии [Попков, Тюгашев, 2009]. Прошедшие годы и обострившиеся за это время проблемы этносоциологии лишь убедили нас в правоте своей позиции, добавили для нее весомые аргументы, позволили выделить новые важные аспекты и контексты исследования [Этносоциальные процессы..., 2015]⁷. Но и в последующий период работа над данной темой продолжалась, найдя отражение в обобщающей статье, где этот вопрос рассматривается специально [Попков, 2023].

Понятие этносоциальных процессов используется не только нами, но и другими учеными и исследовательскими группами. Но оно часто употребляется нестрого, некатегорично или даже некорректно. С учетом существующей проблемной ситуации мы и предприняли соответствующие концептуальные обоснования по линии интерпретации сути и содержания этносоциальных процессов, их основополагающего положения в предметном поле этносоциологии, а также аргументировали их важную роль в формировании этнокультурного разнообразия, в цивилизационном развитии, государственной национальной политике и др.

Наши представления об этносоциальных процессах как конституирующих предметно-проблемную область этносоциологии, понимаемой в качестве науки о народах, базируются на вполне определенных методологических основаниях, принципиально отличающихся от методологического индивидуализма и социального конструктивизма. В этой связи важно сделать следующее замечание.

Существует распространенная точка зрения, что большинство российских этносоциологов в своих исследованиях базировались на идеях и принципах московской этносоциологической школы [Винер, Дивисенко, 2015: 193; Губогло, 2016: 457]. Правда, авторы делают эту оценку, руководствуясь анализом лишь журнальных статей, в основном опубликованных в московских изданиях, и не учитывают другие работы: монографии, сборники статей, в том числе тематические, и др.

На самом деле новосибирская этносоциологическая школа, не будучи изолированной от разработок своих московских коллег, развивалась относительно самостоятельно и имеет собственное идейное наследие. Базируясь главным образом на развитии традиций отечественного народоведения, оно занимает особую нишу в широкой панораме российских этносоциологических исследований. Это касается как пространственной локализации наших эмпирических исследований, так и парадигмальных оснований и теоретических результатов, а также прикладных разработок в сфере государственной национальной политики, в том числе в процессе ее реализации на региональном и муниципальном уровнях (см., напр.: [Попков, 2022; Попков и др., 2022]).

Далее выделю в обобщенном виде наиболее значимые положения.

Обладая богатым массивом эмпирической информации, представители школы не ограничиваются ее систематизацией, анализом, описанием и разработкой практических рекомендаций. Она служит основой для широких теоретико-социологических и социально-философских обобщений. Данный факт составляет одну из главных содержательных особенностей новосибирской этносоциологической школы.

Методологической основой наших исследований, задающих своеобразие трактовок многих конкретных проблем в рамках этносоциологического знания, является парадигма социального взаимодействия в его системно-деятельностном представлении и рефлексивной (диалектико-материалистической) интерпретации, где рефлексия понимается как свойственная не только духовной, но и практической деятельности. Эффективным

⁷ Стоит отметить, что Л.М. Дробижева дала высокую положительную оценку нашей монографии «Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири» (2015), признавшись в нашей переписке, что ее коллеги данной проблеме уделяют недостаточное внимание.

методологическим средством выступает также социокультурный подход с использованием эвристических возможностей двух его основных измерений: рефлексивного, базирующегося на представлении о развитии общества как взаимообусловленного развития (рефлексии) культур и цивилизаций, и валюативного, основанного на аксиологической концепции культуры. Важными для нас представляются и фундаментальные идеи академика А.П. Окладникова о диалектическом принципе всеобщей взаимосвязи явлений материальной и духовной жизни в развитии народов, единстве процессов этногенеза и культурогенеза, акценте на локусе евразийского социокультурного пространства [Окладников, 1973].

Используемый процессуальный подход реализуется в понимании общества на разных уровнях его организации в качестве этносоциального процесса – системы и продукта взаимообусловленного, взаимозависимого развития этносоциальных субъектов в единстве их синхронных и диахронных связей. К таким субъектам относятся национальные общности, понимаемые и как нации-государства, и как нации-культуры (этнические общности), а также этнические группы, диаспоры и другие этнически маркированные социокультурные образования.

Всемирно-исторический контекст рассмотрения этносоциальных процессов дает основание для интерпретации их в качестве основы цивилизационного развития, где конкретный межэтнический синтез выступает базисом формирования отдельных локальных цивилизаций через механизм процесса интернационализации, понимаемой как рефлексивное взаимодействие национальных общностей, а конкретная панорама этнокультурного разнообразия и система межэтнических взаимодействий – их этносферой. Россия является «ядерной» частью евразийского социокультурного пространства. Будучи евразийской по своей природе державой, она рассматривается как отличающаяся, прежде всего, своей этносферой, особенностями и сходством базисных ценностных оснований культур расселенных здесь народов. На базе социокультурного подхода в зафиксированном выше смысле обоснована рефлексивная концепция этнокультурного неотрадиционализма, который, в свою очередь, рассматривается в качестве основы современной этносоциальной динамики разных народов как продукт рефлексии внутренних и внешних условий их развития в единстве синхронных и диахронных связей. Этнокультурное разнообразие понимается как условие обеспечения жизнеспособности социума на разных уровнях его организации.

Таким образом, в противоположность постмодернистским, либерально-конструктивистским установкам, отвергающим существование этноса (а также его различных конкретных проявлений) и признающим в качестве такового лишь некоего универсального человека с его идентичностью, мы опираемся на диалектико-материалистическое (можно сказать «почвенническое») представление о народах (этнусах, этнических общностях) как о реальных социальных феноменах, активно участвующих в формировании закономерного процесса общественного развития. Об этносоциальных процессах (и в принципе об этносоциальном ракурсе) можно говорить лишь тогда, когда действительность или отдельные явления рассматриваются сквозь призму наличия и взаимодействия социальных (а именно: этносоциальных) субъектов. В качестве таковых, как это явствует из вышеизложенного, выступают не отдельные индивиды (и не воображаемые сообщества), а реально существующие этнические общности (этноты), а также другие субэтнические образования – этнические группы, диаспоры, формальные и неформальные этнокультурные организации во главе с их лидерами и др.

Столь сложная структура этносоциальных субъектов – продукт исторической эволюции, в результате которой многие «ячейки» этноса формируются вне лона «материнского ядра» под влиянием разного рода миграций. С учетом данного обстоятельства правомерно говорить о том, что в современных условиях этносы существуют в виде этнических сообществ, которые в совокупности представляют собой своеобразную (этносоциальную) сеть, поскольку многие их локализованные группы существуют за пределами «исторической родины» и взаимодействуют по линии синхронных связей с этносоциальными

субъектами, представляющими другие этносы в рамках конкретных межэтнических сообществ. Эта ситуация существенно отличается от стадии этногенеза, когда происходит становление этнических общностей на определенной территории в качестве «производителей» и носителей этнической культуры [Попков, 2023а: 214–217].

В целом можно заключить, что предметом этносоциологии являются этносоциальные процессы, понимаемые в их субъектной определенности, комплексности и системности как результат рефлексивного взаимодействия (взаимозависимого развития) этносоциальных субъектов, в единстве элементов устойчивости и изменчивости, объективного и субъективного, материального и духовного, реального и виртуального, с учетом идентификационных потенциалов субъектов и их включенности в сетевые структуры. Данное представление позволяет осмысливать этносоциальную реальность в пространственно-временном измерении, в единстве синхронных и диахронных связей взаимодействующих сторон (субъектов). Не менее важным является признание за понятием «этносоциальные процессы» значимой для этносоциологии методологической функции.

Этносоциальные процессы не представляется возможным изучать, ограничиваясь пределами одного этноса. Принципиально важно, что для конкретного субъекта внешняя этносоциальная среда выступает условием развития. В свою очередь, элементарной эмпирической единицей (объектом) конкретных этносоциальных исследований нами рассматривается локальное межэтническое сообщество, характеризующее взаимообусловленное развитие конкретных этносоциальных субъектов внутри этих сообществ (см. об этом подробно: [Социокультурный мониторинг..., 2018]).

Отстаивая такое видение этносоциальных процессов в качестве предмета этносоциологии, мы не исключаем из него ни проблему этничности, ни проблему идентичности, однако они в рамках этого предмета не рассматриваются в качестве основополагающих и самодостаточных, а интерпретируются как вписанные в более широкую систему связей (точнее сказать, взаимосвязей), опосредований и детерминаций.

Заключение. Может показаться, что представленная концептуализация этносоциальных процессов является чрезвычайно абстрактной и не очень-то касается собственно социологии и/или ее практической значимости. Во-первых, подобным образом могут думать лишь те, кто социологию сводит (почти) исключительно к эмпирическим исследованиям, чаще всего массовым опросам, с использованием количественных методов и считает, что если, например, в статье нет цифр, то это уже не социологическая работа. Мне самому приходилось сталкиваться с такими оценками при соприкосновении с членами редколлегии некоторых социологических журналов. Во-вторых, этносоциология способна успешно институционализироваться в качестве полноценного научного направления, если сможет синтезировать в себе весь комплекс теоретико-методологических, методических и прочих ресурсов в области изучения этнического феномена и будет представлена на всех этапах социологического знания, включая рефлексию на самом высоком концептуальном уровне. В-третьих, социальная практика и ответственное политическое управление в настоящее время нуждаются не в поверхностном и фрагментарном, а в глубоком и адекватном научном знании о происходящих процессах, в том числе фиксации доминирующих тенденций развития и включенности местных сообществ в глобальные, общенациональные и региональные тренды. Возможно, в большей степени это касается органов власти низового уровня управления, ближе всего стоящего к реальной жизни людей с их повседневными практическими проблемами. В этом убеждает опыт нашего взаимодействия с представителями исполнительной власти самого крупного в России муниципального образования в лице мэрии Новосибирска, которая своим постановлением приняла Концепцию устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города в качестве главного нормативного документа в сфере реализации национальной политики

на муниципальном уровне⁸. Научная часть этой работы осуществлялась под руководством автора данной статьи и представляет собой обобщение результатов многолетних этносоциологических исследований, проведенных в процессе активного взаимодействия с городскими властями и на основе изложенных выше концептуальных разработок.

В заключение отметим, что в целом аргументированное выше представление о предмете этносоциологии дает возможность четко зафиксировать ее как науку о народах. В то же время в рамках этой концепции имеет место особый взгляд на народы (этносоциальные субъекты), поскольку они рассматриваются здесь, как того и требует социологический подход, сквозь призму социальности – то есть под углом зрения их взаимодействия. Данный посыл закреплён в понятии «этносоциальное», которое, в свою очередь, признается в качестве базового для данного научного направления. Такое представление о предметной определенности этносоциологии позволяет констатировать ее специфику по сравнению не только с антропологией, но и с другими науками о народах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алымов С.С., Перепелкин Л.С., Соколовский С.В., Тишков В.А., Шнирельман В.А., Верховцев Д.В. Этнос post-mortem: размышления и комментарии // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 6. С. 102–131. DOI: 10.31857/S0869541522060070.
- Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987.
- Верховцев Д.В. Этнос post-mortem: советские теории этноса в современном русскоязычном дискурсе // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 6. С. 79–101. DOI: 10.31857/S0869541522060069.
- Винер Б.Е. Противоречия советской теории этноса: история концепции и ее перспективы // *Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология*. 2022. Т. 40. С. 37–51. DOI: 10.26516/2227-2380.2022.40.37.
- Винер Б.Е. Важнейшие элементы советской теории этноса: перспективы использования в современных теориях этничности // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология*. 2023. Т. 45. С. 77–92. DOI: 10.26516/2227-2380.2023.45.77.
- Винер Б.Е., Дивисенко К.С. Российская этносоциология: границы, исследовательские области и исследовательские группирования // *Социология науки и технологий*. 2015. Т. 6. № 4. С. 177–196.
- Губогло М.Н. Этносоциология: советские корни и постсоветская крона // *Этносоциология вчера и сегодня* / Отв. ред. и сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 454–469.
- Дробижева Л.М. Памяти Юрика Вартановича Арутюняна // *Этносоциология вчера и сегодня* / Отв. ред. и сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 13–15.
- Дробижева Л.М. Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований // *Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: сборник в честь Юрика Вартановича Арутюняна* / Отв. ред. М.Н. Губогло. М.: Наука, 2005. С. 14–25.
- Окладников А.П. Этногенез и культурогенез // *Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока* / Отв. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: [б.и.], 1973. С. 5–11.
- Попков Ю.В. Антропологический переворот и вызовы для этносоциологии (приглашение к дискуссии) // *Социологические исследования*. 2024. № 9. С. 43–55. DOI: 10.31857/S0132162524090047.
- Попков Ю.В. Этнокультурный неотрадиционализм: рефлексивно-интеграционная теоретическая модель // *Этнография*. 2023а. 3 (21). С. 203–223. DOI: 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223.
- Попков Ю.В. Этносоциальные процессы в концептосфере новосибирской научной этносоциологической школы // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2023б. Т. 30. № 2. С. 14–23. DOI: 10.15372/HSS20230202.
- Попков Ю.В. Новосибирская научная этносоциологическая школа: формирование, концептуальные основания, практические приложения, взаимодействие с основоположниками этносоциологии // *Этносоциология: поиски и свершения* / отв. ред., сост.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 40–48.

⁸О Концепции устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 года: Постановление мэрии города Новосибирска от 10.06.2020 № 1831 (В редакции, введенной постановлением мэрии от 05.05.2021 № 1423. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465737610> (дата обращения: 15.10.2024)).

- Попков Ю.В., Костюк В.Г., Персидская О.А. Новосибирская научная этносоциологическая школа. Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2022.
- Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этносоциология: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 93–101.
- Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика / Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018.
- Тишков В.А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 72–137. DOI: 10.31857/S086954150009606-6.
- Тишков, В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник / Под ред. Ю.В. Попкова. Вып. 1–10. Новосибирск, 1997–2015. URL: <https://www.philosophy.nsc.ru/books/eps>.
- Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. 273 с.

Статья поступила: 22.07.24. Финальная версия: 13.11.24. Принята к публикации: 26.11.24.

THE FUTURE IS NOT ONLY IN THE PRESENT BUT ALSO IN THE PAST: ONCE AGAIN ABOUT THE SUBJECT OF ETHNOSOCIOLOGY

POPKOV Yu.V.

Yuri V. POPKOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief Researcher of the Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk, Russia (yuripopkov54@mail.ru).

Abstract. The author defends the idea of an important role of domestic ethnology research traditions in preserving and developing ethnosociology as an independent scientific direction. Author builds on the conclusions of his previous article [Popkov, 2024], in which he presented a crisis diagnosis on the state of affairs in ethnosociology and the threat to it in connection with the anthropological revolution in domestic ethnological science. The definition of the strategic ethnosociology prospects is linked to the solution of a fundamental problem for it – of defining its special subject-problem field. In this context, the author develops some provisions of the ethnosociology founders and the achievements of the Novosibirsk ethnosociological school. On this basis, he substantiates an understanding of ethnosocial processes as a complex, generalized subject of ethnosociology. He argues that these processes themselves are a stable-dynamic system of reflexive interaction and development of ethnosocial subjects as a unity of stability and variability, dialectics of the objective and subjective, material and spiritual, real and virtual, taking into account the identification strategies of subjects and the impact of network structures. Such presentation allows to highlight specificity of ethnosociology in relation not only to anthropology, but also to a number of other disciplines about peoples.

Keywords: ethnos • ethnology • anthropology • ethnosociology • ethnosocial processes • Novosibirsk scientific ethnosociological school.

REFERENCES

- Alymov S.S., Perepelkin L.S. e.a. (2022) Post-mortem Ethnos: Reflections and Comments. *E'tnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 6: 102–131. DOI: 10.31857/S0869541522060070. (In Russ.)
- Arutunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. (1998) *Ethnosociology: a textbook for universities*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
- Bromley Yu.V. (1987) *Ethnosocial Processes: Theory, History, Modernity*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2005) Ethnosociology Today. Problems of Methodology of Interdisciplinary Research. In: *Interdisciplinary Research in the Context of Socio-Cultural Anthropology: Coll. in honor of Yurik Vartanovich Arutunyan*. Ed. by M.N. Guboglo. Moscow: Nauka: 14–25. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2016) In Memory of Yurik Vartanovich Arutunyan. In: *Ethnosociology Yesterday and Today*. Ed. and comp. by L.V. Ostapenko, I.A. Subbotina. Moscow: IEA RAN: 13–15. (In Russ.)
- Ethnosocial Processes and Ethnonational Politics in the Regions of Siberia* (2015). Ed. by Yu.V. Popkov. Novosibirsk: Publishing House SB RAS. (In Russ.)
- Ethnosocial Processes in Siberia: Thematic Collection* (1997–2015). Ed. by Yu.V. Popkov. Issues 1–10. Novosibirsk. URL: <https://www.philosophy.nsc.ru/books/eps>. (In Russ.)

- Guboglo M.N. (2016) Ethnosociology: Soviet Roots and Post-Soviet Crown. In: *Ethnosociology yesterday and today*. Ed. and comp. L.V. Ostapenko, I.A. Subbotina. Moscow: IEA RAN: 454–469. (In Russ.)
- Okladnikov A.P. (1973) Ethnogenesis and Cultural Genesis. In: *Problems of ethnogenesis of the peoples of Siberia and the Far East*. Ed. dy A.P. Derevyanko. Novosibirsk: [b.i.]: 5–11. (In Russ.)
- Popkov Yu. (2023a) Ethnocultural Neotraditionalism: Reflexive Integration Theoretical Model. *Etnografica* [Ethnography]. 3 (21): 203–223. DOI: 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223. (In Russ.)
- Popkov Yu.V. (2022) Novosibirsk Scientific Ethnosociological School: Formation, Conceptual Foundations, Practical Applications, Interaction with the Founders of Ethnosociology. In: *Ethnosociology: searches and achievements* / Ed. ed., compiled by: L.V. Ostapenko, I.A. Subbotina. Moscow: IEA RAS: 40–48. (In Russ.)
- Popkov Yu.V. (2023b) Ethnosocial Processes in the Conceptual Sphere of the Novosibirsk Scientific Ethnosociological School. *Gumanitarny'e nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. Vol. 30. No. 2: 14–23. DOI: 10.15372/HSS20230202. (In Russ.)
- Popkov Yu.V. (2024) Anthropological Revolution and Challenges for Ethnosociology (Invitation to Discussion). *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 43–55. DOI: 10.31857/S0132162524090047. (In Russ.)
- Popkov Yu.V., Tyugashev E.A. (2009) Ethnosociology: a Conceptualization. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 93–101. (In Russ.)
- Popkov Yu.V., Kostyuk V.G., Persidskaya O.A. (2022) *Novosibirsk scientific ethnosociological school*. Novosibirsk: IFPR SO RAN. (In Russ.)
- Sociocultural Monitoring of the Urban Interethnic Community: Methodology, Methods, Practice* (2018). Ed. by Yu.V. Popkov. Novosibirsk: Publishing house of NSTU. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (2003) *Requiem for an Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (2020) Where Russian Ethnology Came From and Where It Came From: A Personal View in a Global Perspective. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 2: 72–137. (In Russ.)
- Verkhovtsev D.V. (2022) Post-mortem Ethnos: Soviet Theories of Ethnos in Contemporary Russian-Language Discourse. *E'tnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 6: 79–101. DOI: 10.31857/S0869541522060069. (In Russ.)
- Wiener B.E., Divisenko K.S. (2015) Russian Ethnosociology: Boundaries, Research Areas and Research Groups. *Sociologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology]. Vol. 6. No. 4: 177–196. (In Russ.)
- Winer B.E. (2022) Contradictions of the Soviet Theory of Ethnos: History of the Concept and Its Prospects. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarxeologiya. E'tnologiya. Antropologiya* [Bulletin of Irkutsk State University. Series Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]. Vol. 40: 37–51. DOI: 10.26516/2227-2380.2022.40.37. (In Russ.)
- Winer B.E. (2023) The Most Important Elements of the Soviet Theory of Ethnos: Prospects for Use in Modern Theories of Ethnicity. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarxeologiya. E'tnologiya. Antropologiya*. [Bulletin of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]. 2023. Vol. 45: 77–92. DOI: 10.26516/2227-2380.2023.45.77. (In Russ.)

Received: 22.07.24. Final version: 13.11.24. Accepted: 26.11.24.

© 2024 г.

В.В. КАРАЧАРОВСКИЙ

РЕФЕРЕНТНЫЕ СТРАНЫ И ШОКИ СОЦИЕТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

КАРАЧАРОВСКИЙ Владимир Владимирович – кандидат экономических наук, доцент факультета экономических наук, заведующий лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (vvk@hse.ru).

Аннотация. Предлагается гипотеза о «гравитационной» природе шоков социетальной безопасности – факторов дестабилизации ценностного ядра обществ в связи с критическими изменениями на их географических и культурных «границах». Вводится понятие «референтных стран/обществ», расхождение в результатах развития с которыми приводит к утрате в исследуемом обществе легитимности избранного пути развития. Оценивается уровень социетальной безопасности российского общества на основе межстрановых различий показателей ВВП на душу населения и ИЧР, рассчитанных для России и для стран, тесно связанных с Россией, с учетом степени интереса в России к соответствующим группам стран («Западный мир», бывший «социалистический блок», страны бывшего СССР, БРИКС и ШОС). «Гравитационная» модель интереса россиян к странам мира строится с использованием в качестве показателя интереса – статистики интернет-запросов по сервисам Гугл-Тренды и Яндекс-Вордстат, а в качестве показателя «пограничности» – оцененной по Г. Хофстеду «культурной дистанции» между странами. Сделан вывод, что уровень социетальной безопасности для России максимален по отношению к странам ШОС и минимален по отношению к странам «Западного мира». Выявлена прямая зависимость интереса в России к странам мира от принадлежности конкретной страны к группе геополитических соперников («Западный мир», наиболее сильная связь) или к дружественным странам (БРИКС и ШОС, умеренная связь), а также от объема мирового туристического потока в эти страны, выступающего в качестве прокси-переменной насыщенности населения информацией или впечатлениями о них (причем предельный интерес к странам падает с ростом значения переменной). В то же время есть обратная зависимость интереса россиян к странам мира от «культурной дистанции» с ними в системе «Западный мир» – «глобальный Юг» – прочие страны.

Ключевые слова: социетальная безопасность • шоки безопасности • культурная дистанция • гравитационная модель • референтная группа • геополитика

DOI: 10.31857/S0132162524120128

Ренессанс идеи «другой Европы». Сегодня мы являемся свидетелями и участниками завершающего этапа возврата российского общества на свой суверенный путь развития после многих лет вестернизации и ее постепенного преодоления по траектории, которую когда-то теоретически допустил С. Хантингтон [2003: 107–108]. Это – стремление уйти

в своем национальном развитии от глобализации западного типа с ее крайним релятивизмом, отсутствием незыблемой ценностной опоры и высоким риском того, что от подверженных ей стран постепенно останется только «территория» без собственной идентичности [Бауман, 2005: 238].

В последние годы появляются официальные государственные документы, оформляющие разногласия России в путях развития с современной Европой и устанавливающие ориентиры собственного пути, охватываемые понятием «традиционные ценности». При этом угрозой традиционным ценностям среди прочего признаются «действия США и других недружественных иностранных государств», а идеологический фронт очерчен понятием «деструктивной идеологии» в виде «чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей»¹. Видно, что речь идет отнюдь не просто о констатации наличия собственного пути, который есть у любого национального государства, но о цивилизационной альтернативе, идее «другой Европы» [Федотова, 1997: 7, 15].

Исторические условия складываются так, что процесс поиска национальной идентичности сопровождается массированными западными санкциями, в значительной степени изолирующими Россию от «Западного мира». Профессионалы прекрасно понимают опасность ситуации, когда идея «суверенизации» (экономики, институтов, ценностей) переходит границу, за которой начинается либо самоизоляция, либо имитация самостоятельности за счет «примыкания» к лояльным центрам силы [Романовский, Демиденко, 2023: 148]. Оба варианта неизбежно ведут к росту риска пересмотра рано или поздно собственным населением пути, по которому идет страна, если этот путь не дает ему явных преимуществ по сравнению со странами-соперниками.

Таким образом, мы наблюдаем явную двойственность угроз идентичности. Одна из них проистекает из разрушающей национальные культуры глобализации, другая – от неудач на изолированном или присоединенном (например, к «глобальному Югу») пути развития.

Новые старые опасности для социальной стабильности. Очень важно избежать ситуации, когда «охранительные ценности» перестают быть легитимными с точки зрения общества при сравнении результатов своего развития с другими обществами (как это было с советскими ценностями в 1980-х гг.). Чтобы этого не случилось, идеология, охраняющая «ценностное ядро» общества, должна быть *доказательна*, иметь явные свидетельства успеха в международной конкуренции.

Серьезный анализ общественного мнения россиян демонстрирует, что сегодня «имеет место консолидация российского общества по ключевым вопросам настоящего и будущего страны» [Горшков, Тюрина, 2023: 731]. Мы находимся в точке перехода к новой идентичности, уже освобожденной от «постсоветскости» и претендующей на экзистенциальную основу нового этапа развития страны. Но одновременно исследования показывают, что в современном российском общественном мнении традиционно велик эффект веры в «светлое будущее» и готовность к «трудным временам» в обмен на «перспективу» в виде «лучшей жизни следующего поколения» [Латов, 2023: 173–174]. Подобная формула означает, что *российское будущее становится перегруженным обязательствами*, потому что на него массово переносятся компенсирующие сегодняшние социальные беды надежды населения. Эта отягощенность будущего завышенными ожиданиями и обязательствами является в России одним из главных вызовов тому, что в научной литературе называют *социетальной безопасностью*.

Социетальная безопасность – категория, предложенная и разработанная в 1990-х гг. в Копенгагенском институте исследований проблем мира. Она определяется как «*способность общества обеспечивать незыблемость своих сущностных черт (essential character)*

¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: пп. 4, 12, 13, 14. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 02.09.2024).

в меняющихся условиях», являясь второй стороной национальной безопасности наряду с государственным обеспечением суверенитета [Wæver et al., 1993: 23–25; McSweeney, 1996: 82–83]. При своем появлении концепция социетальной безопасности вызвала широкое обсуждение в научной среде [McSweeney, 1996; Buzan, Wæver, 1997; Bilgik, 2013 и др.], в том числе, став предметом национальных исследований проблем безопасности, – в странах Балтии [Herd, Lofgren, 2001], Японии [Akami, 2006], Австралии [Birrell, 2007], Венгрии [Butler, 2007], Швеции [Sundelius, Eldeblad, 2023] и в России (применительно к проблематике миграции) [Alexseev, 2011].

Социетальная безопасность указывает на необходимость обеспечения общественной легитимности существующего социального порядка через гражданскую идентификацию с wybranными страной целями и средствами развития. В противном случае общество постепенно приходит к ситуации, от которой предостерегал А. Этциони, когда «охраняемое» ценностное ядро или «моральный голос» общества становится «так же принудителен, как и правительство» [Etzioni, 1999: 93]. Кризис коллективной идентичности в этом случае становится лишь делом времени.

Методология. В статье ставится цель разработать основные принципы анализа, позволяющие предвидеть и предупреждать наступление шоков социетальной безопасности, вызванных неудовлетворительными с точки зрения населения результатами развития страны. Под шоками понимаются резкие изменения социальной стабильности ввиду нарастания в обществе протестных или оппозиционных настроений, подвергающих сомнению верность ранее избранного пути развития.

Предлагаемый подход опирается на три основных предпосылки, в комплексе отражающие механизм обеспечения социетальной безопасности на основе сравнительно-страновой успешности результатов развития по выбранному исследуемой страной (нацией) пути.

Предпосылка 1. При отклонении пути развития страны от мирового тренда развития (и/или от пути развития сильнейших стран мира) необходимым условием социетальной безопасности исследуемой страны является отсутствие критических расхождений в значениях показателей развития со странами-конкурентами.

Диспропорции и противоречия, возникающие в ходе развития и становящиеся очевидными при сравнении с другими странами, могут нарушать устойчивость альтернативной общественной системы, если она оказывается «проигрывающей». Указанные диспропорции оцениваются здесь на основе отклонения валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения и Индекса человеческого развития (ИЧР) России от среднего значения соответствующих показателей по группам стран, с которыми производится сравнение.

Предпосылка 2. С точки зрения социетальной безопасности важны сравнения результатов развития, прежде всего, с теми странами/обществами, которые исследуемое общество воспринимает как референтные².

По отношению к странам/обществам, которые исследуемое общество считает референтными, действует субъективная установка: «мы как минимум не хуже, чем они, и достойны не меньшего, чем они». При этом такие общества должны вызывать интерес со стороны населения ввиду «тесноты» связанности (исторической, географической, геополитической, геоэкономической, культурной). Это заставляет воспринимать результаты развития таких стран/обществ как ориентир и/или критерий собственной успешности.

² В отличие от изучения восприятия россиянами стран мира, – см., напр., исследования ФОМ (URL: <https://fom.ru/Mir/14872> (дата обращения: 02.09.2024)) или ВЦИОМ (URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/druzya-i-vragi> (дата обращения: 02.09.2024)), – в настоящей работе ставится задача по измерению интегрального интереса россиян к каждой из стран мира как индикатора важности или «веса» этих стран в массовом сознании.

Для измерения интереса россиян к другим странам были использованы показатели частоты поисковых интернет-запросов из России информации по другим странам³. Оценки производились с помощью двух сервисов:

– Яндекс-Вордстат⁴ (поиск названий стран с начала работы сервиса – с 2018 по 2023 г. включительно);

– Гугл-Тренды⁵ (поиск названий стран как специализированной темы «Страны» с начала работы сервиса – с 2004 по 2023 г. включительно).

В сервисе Яндекс-Вордстат рассчитывается количество поисковых запросов, которое фиксируется помесечно. В расчетах использовалось медианное значение запроса россиянами данных о каждой стране за выбранный период. Медиана позволяла отсеять запросы-выбросы, например, интерес к странам, обусловленный сезонностью, или интерес, вызванный исключительными событиями. В сервисе Гугл-Тренды рассчитывается средняя доля, которую составляют поисковые запросы по данной стране, по сравнению с пиковым запросом за выбранный период. Пиковые запросы (абсолютные максимумы запросов), с которыми можно было бы сравнить количество запросов обо всех странах выборки без нарушения шкалы сравнения, достигались только для двух стран – России и США. В итоге был использован меньший из них (запросы о США), поскольку максимальное за выбранный период количество запросов о России было настолько велико, что относительно него доли запросов данных о значительном количестве стран сервис определял как пренебрежимо малые (близкие к нулю).

Измеряемый таким способом интерес россиян к стране – ключевая категория анализа. Если интерес к той или иной стране со стороны населения невелик, то он сглаживает возможные высокие негативные разрывы в результатах развития с такими странами (например, с Люксембургом или Сингапуром). Напротив, даже если разрыв в результатах развития с теми или иными странами не очень высокий, но интерес к этим странам со стороны населения исследуемой страны велик (как, например, у россиян по отношению к Греции или Турции), то он выступает в качестве катализатора процессов роста протестных или оппозиционных настроений.

Предпосылка 3. Референтные страны представляют собой не раз и навсегда зафиксированную группу стран, а динамическую систему, в которой интерес к странам имеет гравитационную природу: он прямо пропорционален изменениям их места и роли в мире и во взаимодействии с исследуемой страной, но обратно пропорционален культурной дистанции с ними.

Данная предпосылка означает, что для выявления референтных стран недостаточно фиксации текущего среза массового сознания. Важно выявить закон, по которому интерес к странам меняется, допуская нелинейность исторической динамики и, по мысли А.С. Панарина, – возможность прогноза «качественно иного будущего» [Панарин, 2004: 171]. Основой эмпирического анализа в настоящей работе является класс «гравитационных моделей», которые сегодня уже широко распространены в социальных исследованиях и имеют значительное количество вариаций (см., напр.: [Шумилов, 2017]). В нашем случае проверяется связь интереса в России к другим странам с геоэкономической и геополитической связанностью стран, с количеством опыта, информации или впечатлений о странах у среднестатистического российского наблюдателя и с культурной дистанцией между исследуемой страной (Россией) и другими странами.

³ Использование частоты поисковых запросов в сети Интернет в качестве индикатора установок массового сознания или намерений тех или иных групп населения набирает всё больший вес в исследованиях [Varian, Choi, 2009] и уже апробировано для прогнозирования миграционных процессов (см., напр.: [Броницкий, Вакуленко, 2022]). При этом, конечно, данный подход имеет свои ограничения, поскольку интерес к конкретной стране может быть обусловлен очень разными обстоятельствами (например, интересом к ее истории, но не к ее современному развитию).

⁴ URL: <https://wordstat.yandex.ru> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵ URL: <https://trends.google.ru/trends> (дата обращения: 02.09.2024).

Геополитическая и геоэкономическая связанность стран. В модели был использован набор дамми-переменных, фиксирующих вхождение страны в то или иное исторически значимое по отношению к современной России международное объединение (блок, коалицию, союз), действующее сегодня или существовавшее в прошлом, в частности:

1) «Западный мир» – собирательное понятие, включающее стран-членов НАТО и союзников США вне НАТО в период «холодной войны», членов ЕС, кроме стран, прошедших постсоциалистический путь развития;

2) страны ЦВЕ, являвшиеся участниками бывшего советского «Восточного блока», включая стран-членов и ассоциированных членов ОВД и СЭВ, были объединены в группу «бывший социалистический блок», исключая бывшую ГДР (современная Германия включена в группу «Западный мир»);

3) страны-члены БРИКС и ШОС, включая страны, имеющие статус партнеров по диалогу ШОС (авангард государств, охватываемых часто используемым сегодня собирательным понятием «глобальный Юг»);

4) «бывший СССР» – страны, бывшие ранее (до 1991 г.) республиками СССР.

Страны, принадлежащие, по терминологии советского периода, к странам так называемого третьего мира (большинство государств Азии, Африки и Латинской Америки), оставались вне специальной классификации.

Количество опыта, информации или впечатлений о странах у среднестатистического наблюдателя. Для этих целей был использован показатель среднегодового мирового туристического потока в страны, который также может выступать в качестве прокси-переменной «мягкой силы» стран [Nye, 2009]. В итоговой спецификации модели был использован усредненный туристический поток в каждую из стран выборки за 2000–2019 гг., то есть до начала периода, когда этот показатель стал искусственно искажаться (сначала из-за ограничений, связанных с пандемией COVID-19, затем ввиду геополитических событий 2022 г. и последующих лет проведения СВО на Украине).

Культурная дистанция. В качестве показателя расстояния между странами использовалась не географическая удаленность стран, а «культурная дистанция» на основе различий между странами по индексам Г. Хофстеде (дистанция власти, индивидуализм, достижительная мотивация, избегание неопределенности, долгосрочная ориентация, индულгенция/снисхождение к страстям)⁶. Расчет проводился по формуле (1):

$$H_{RUS,j} = \sqrt{\sum_{i=1}^n (h_{i,j} - h_{i,RUS})^2}, \quad (1)$$

где $H_{RUS,j}$ – культурная дистанция между Россией и страной j ; $h_{i,j}$ – индекс Г. Хофстеде ($i = 1...6$) для страны j ; $h_{i,RUS}$ – индекс Г. Хофстеде ($i = 1...6$) для России.

Отметим, что для измерения культурной дистанции в современных исследованиях широко используется индекс Когута – Сингха [Kogut, Singh, 1988]. Данный показатель, однако, подвергается заметной критике в литературе, поэтому в модели было использовано нестандартизированное евклидово расстояние для n -мерного пространства (для измерения различий одновременно по n показателям) [Konara, Mohr, 2019: 338].

Вид гравитационной модели. Гравитационная модель интереса в России к другим странам оценивается по формуле (2) в своем исходном виде и по формуле (3) в преобразованном логлинейном виде, пригодном для использования линейной МНК-регрессии:

⁶ См. сайт кросс-культурных измерений Г. Хофстеде (URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison-tool> (дата обращения: 02.09.2024)). Измерение культурной дистанции возможно и на других данных, например, на данных Всемирного исследования ценностей, WVS (URL: <https://www.worldvaluessurvey.org> (дата обращения: 02.09.2024)). Однако в этом случае мы так же, как и с базой Хофстеде, столкнулись бы с данными за достаточно отдаленные периоды (последний раз Россия участвовала в исследовании WVS в 2017 г.) и пришлось бы сократить выборку по странам более чем на 40% (7-я волна Всемирного исследования ценностей охватывала лишь 66 стран).

$$I_{RUS,j} = \alpha \cdot \frac{T_j^\tau}{H_{RUS,j}^\varepsilon} \cdot e^{\sum_i \omega_i \cdot G_{i,j}}, \quad (2)$$

$$\ln I_{RUS,j} = \ln \alpha + \tau \ln T_j - \varepsilon \ln H_{RUS,j} + \sum_i \omega_i \cdot G_{i,j} + e_j. \quad (3)$$

Здесь $I_{RUS,j}$ – интерес в России к стране j ; T_j – мировой туристический поток в страну j ; $G_{i,j}$ – дамми-переменная (1, 0) принадлежности страны j к группе стран i по геополитическому и/или геоэкономическому признаку; $H_{RUS,j}$ – культурная дистанция между Россией и страной j ; τ , ε , ω_i – искомые регрессионные коэффициенты; α – константа; e_j – регрессионный остаток.

В модель заложена гипотеза, что интерес к другим странам прямо пропорционален имеющимся у среднестатистического наблюдателя впечатлениям (информации, опыта), связанным со странами, а также геополитической либо геоэкономической связности стран, но обратно пропорционален культурной дистанции между странами. Стоит еще раз подчеркнуть, что те страны/общества, к которым в России велик интерес и которые через видимые результаты своего развития влияют на социальную удовлетворенность россиян развитием собственной страны, рассматриваются как элементы динамической подвижной системы. Страны могут входить в число референтных для россиян и выходить из их числа при изменении трех вышеперечисленных показателей.

Оценка составляющей социетальной безопасности, связанной с межстрановыми расхождениями в результатах развития. По данным табл. 1 видно, что наибольший интерес, измеренный по индексам Яндекс-Вордстат (Wordstat) и Гугл-Трендов (GTI), россияне проявляют к странам «Западного мира», а наименьший – к странам, входившим в коалицию с Россией в прошлом, – к бывшему социалистическому блоку и бывшим республикам СССР. На втором месте по проявляемому в России интересу к ним находятся страны ШОС и БРИКС (столбцы 3 и 4). Культурная дистанция является наибольшей со странами Запада и наименьшей со странами, ранее входившими в социалистический блок или в СССР (столбец 2).

Интерес в России к любой из указанных групп стран в среднем статистически выше, чем ко всем прочим странам. Однако культурная дистанция России статистически выше только с группой стран «Западный мир». Статистические различия культурной дистанции России с группой стран «БРИКС+ШОС» и с прочими странами не выявлены, а со странами бывшего СССР и бывшего «Социалистического блока» она, напротив, меньше, чем с прочими странами (значимость Т-тестов приведена в табл. 1). Анализ вклада культурной дистанции в интерес к странам более детально проведен в рамках единой многофакторной модели.

Как видим, по показателям ВВП на душу населения и ИЧР Россия является «проигрывающим» обществом только по отношению к странам «Западного мира» (отклонения от среднего значения указанных показателей по данной группе стран отрицательные). По отношению ко всем остальным объединениям стран Россия в среднем является «выигрывающим» обществом, т.е. опережает, причем заметно, по этим показателям все другие страны, в том числе страны БРИКС и ШОС. Измеренные отклонения значимы для большинства групп стран.

В столбцах 7–10 приведен индекс социетальной безопасности, рассчитанный как отставание/опережение в развитии указанных групп стран, скорректированное (умноженное) на показатель интереса россиян к ним⁷. В скобках приведен ранг угроз возникновения шоков социетальной безопасности от данной группы стран. Ранг, равный единице, присвоенный странам «Западного мира», означает, что максимальное отставание от них в социально-экономическом развитии сочетается с максимальным же интересом в России к данным странам. Наименьшая угроза исходит от стран БРИКС (их ранг – 4-й) и ШОС (5-й ранг). В то же время почти в каждой группе стран есть страны-лидеры,

⁷ Значения Wordstat и GTI предварительно нормировались от 0 до 1.

Таблица 1

Составляющие и итоговая оценка современного уровня общественной безопасности для России с точки зрения междонародных сопоставлений результатов развития

Группа стран	Культурная дистанция с Россией ¹	Интерес к группе стран со стороны населения		Различия в благополучии ²		Индекс (ранг) общественной безопасности ³			
		WordStat (×10 ⁶ запросов/мес. на одну страну)	GPI (% от наиб. поп. запроса)	душевой ВВП (отклонение ±, %)	ИЧР (отклонение ±, %)	используя WordStat		используя GPI	
		3	4	5	6	ВВП	ИЧР	ВВП	ИЧР
1	2					7	8	9	10
Западный мир ⁴	70,0 (24,3) ^{†(+)}	1,42 (1,52) ^{†(+)}	10,29(10,02) ^{†(+)}	-33,8 (-46,0) [†]	-11,5 (-11,4) [†]	-8,06 (1)	-2,74 (1)	-8,92 (1)	-3,03 (1)
БРИКС	58,0 (14,4) ⁻	1,16 (1,30) ^{†(+)}	7,50 (8,93) ^{†(+)}	+81,0 (-47,4) ⁻	+12,3 (-12,4) ⁺	15,78 (4)	2,40 (4)	15,58 (4)	2,37 (4)
ШОС ⁴	50,5 (22,1) ⁻	1,32 (1,16) ^{†(+)}	8,22 (8,01) ^{†(+)}	+163,1(+12,1) ^{**}	+14,3 (+2,37) ^{**}	36,15 (5)	3,17 (5)	34,38 (5)	3,01 (5)
Бывший СССР	38,2 (21,3) ^{†(-)}	1,16 (1,44) ^{†(+)}	6,16 (7,30) ^{† (+)}	+69,3 (-14,0) ^{**}	+4,80 (-8,68) ⁺	13,50 (3)	0,93 (3)	10,95 (3)	0,76 (3)
Бывший социалистический блок	39,7 (24,2) ^{†(-)}	0,58 (0,92) ^{†(+)}	2,49 (1,99) ^{†(+)}	+24,6 (-17,4) ⁺	+0,08 (-11,3) ⁻	2,39 (2)	0,01 (2)	1,57 (2)	0,01 (2)

Примечания: ¹ Приведено среднее значение и (в скобках) стандартное отклонение: столбец 2 – культурной дистанции России с соответствующими группами стран, рассчитанной по четырем показателям Г. Хофстеде (Дистанция власти, индивидуализм, достижительная мотивация, избегание неопределенности); столбцы 3 и 4 – статистика интернет-запросов названий стран (для группы «Западный мир» – от показателей США). Приводятся уровни значимости Т-теста для сравнения среднего значения по данной группе стран со странами, не учтенными в приведенной классификации. Знаком⁽⁺⁾ или⁽⁻⁾ показано направление отклонения среднего значения. ² Отклонение ВВП на душу населения по ППС за 2023 г. (URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD> (дата обращения: 02.09.2024)) и Индекса человеческого развития (ИЧР) за 2022 г. (URL: <https://hdr.undp.org/data-center/country-insights/ranks> (дата обращения: 02.09.2024)) России от среднего значения и (в скобках) от наибольшего значения соответствующего показателя по данной группе стран (для группы «Западный мир» – от показателей США). Приводятся уровни значимости критерия Уилкоксона для сравнения медианного значения душевого ВВП и ИЧР по заданной группе стран с Россией. ³ Уровни значимости: * нет доказанной связи, ** р<0,05, *** р<0,01, **** р<0,005, ***** р<0,001. ⁴ Западный мир – страны-члены НАТО, а также союзники США вне НАТО в период «холодной войны», кроме стран, прошедших постсоциалистический путь развития; ШОС – без стран в статусе партнеров по диалогу.

по отношению к которым Россия одновременно по обоим показателям является «проигрывающим» обществом (см. отрицательные значения, приведенные в скобках в столбцах 5 и 6). В БРИКС – это ОАЭ, среди бывших республик СССР – Литва и Эстония, а среди стран бывшего социалистического блока – это Польша, Чехия, Словения и Венгрия.

Гравитационная модель интереса в России к другим странам. В таблице 2 приведены результаты оценивания модели (3). Оцениваются четыре спецификации модели: зависимая переменная в I и II спецификациях – логарифм индекса Гугл-трендов, в III и IV – логарифм индекса Яндекс-Вордстат; переменная культурной дистанции в I и III спецификациях рассчитана на основе четырех индексов Г. Хофстеде (дистанция власти, индивидуализм, достижительная мотивация, избегание неопределенности), а в II и IV спецификациях – с двумя дополнительными индексами (долгосрочная ориентация и индულгенция). Два последних показателя имеются не по всем странам, вошедшим в выборку, поэтому оценка была произведена с заменой пропущенных данных средними значениями данных показателей по выборке. Всего в выборку вошли 116 стран, по которым имелись оценки индексов Г. Хофстеде.

В модель включены дамми-переменные только двух объединений стран – «Западный мир» и «БРИКС+ШОС со странами-партнерами по диалогу». Страны бывшего социалистического блока и республики бывшего СССР, таким образом, входят в модели в базовую категорию стран. В противном случае база сравнения оказалась бы сильно обеднена, включив в себя только малые страны, относящиеся к слабым или развивающимся. Кроме того, была зафиксирована коллинеарность переменной культурной дистанции с дамми-переменными по этим объединениям стран.

Таблица 2

Гравитационная модель интереса в России к другим странам¹

	Спецификации модели ²							
	I		II		III		IV	
	β	Std. β	β	Std. β	β	Std. β	β	Std. β
Культурная дистанция (лог.)	-0,410* (0,166)	-0,158	-0,920 [†] (0,203)	-0,270	-0,567* (0,290)	-0,151	-1,330 [†] (0,361)	-0,269
Туристический поток (лог.)	0,450 [†] (0,052)	0,566	0,443 [†] (0,049)	0,557	0,505 [†] (0,096)	0,420	0,491 [†] (0,092)	0,408
Страны БРИКС и ШОС	0,785 [†] (0,233)	0,208	0,678*** (0,222)	0,179	1,373 [†] (0,408)	0,251	1,216*** (0,394)	0,222
Западный мир	1,194 [†] (0,227)	0,364	1,263 [†] (0,212)	0,385	1,641 [†] (0,397)	0,345	1,754 [†] (0,377)	0,369
Константа	-5,138 [†] (0,952)	–	-2,801* (1,096)	–	5,930 [†] (1,724)	–	9,470 [†] (2,010)	–
F	41,45 [†]		50,50 [†]		20,03 [†]		24,12 [†]	
R ²	0,599		0,643		0,422		0,467	
Durbin's alternative test p-value	0,937		0,996		0,332		0,283	
Shapiro-Wilk test p-value	0,309		0,178		0,157		0,067	
N	116		116		115		115	

Примечания. ¹ Оценивается на основе формулы (3). ² Вид модели – МНК-регрессия в лог-линейном виде. Спецификации: зависимая переменная в I и II – логарифм индекса Гугл-трендов (индексу присваивалось значение 0,3, если сервис оценивал долю поисковых запросов страны < 1%), в III и IV – логарифм индекса Яндекс-Вордстат; переменная культурной дистанции в I и III – на основе четырех индексов, в II и IV – на основе шести индексов Г. Хофстеде. Уровень значимости: *p < 0,10, *p < 0,05, **p < 0,01, ***p < 0,005, [†]p < 0,001.

Все модели значимы и имеют высокое качество: R^2 в диапазоне 0.4–0.6, нормально распределенные остатки (p -value теста Шапиро – Уилка ~ 0.1 –0.3), отсутствие автокорреляции (p -value альтернативного теста Дарбина ~ 0.3 –0.9).

Гипотетические связи, заложенные в модель, полностью подтверждены. Поскольку индексы Wordstat и GTI имеют разные шкалы, то величину регрессионных коэффициентов в спецификациях I–II и III–IV напрямую сравнивать нельзя. Однако стандартизированные бета-коэффициенты, учитывающие разницу шкал, демонстрируют высокое соответствие результатов оценивания всех спецификаций между собой. Например, стандартизированные β -коэффициенты при переменной культурной дистанции для спецификаций I и III (с культурной дистанцией, рассчитанной по четырем индексам Хофстеде) составляют $-0,158$ и $-0,151$, а для спецификаций II и IV (культурная дистанция рассчитана на 6-ти индексах Хофстеде) соответственно $-0,270$ и $-0,269$.

Вернемся к интерпретации основных коэффициентов модели на примере спецификаций III и IV с зависимой переменной интереса к другим странам, измеренным как логарифм индекса Wordstat (интерпретация спецификаций I–II полностью аналогична). Видно, что принадлежность к «Западному миру» увеличивает интерес в России к таким странам на 164–175 пп., а принадлежность к странам «глобального Юга» – на 122–137 пп. Это означает, что *вхождение России даже в коалицию дружественных стран значительно повышает угрозу нарастания шоков социетальной безопасности, если в этой коалиции потерять лидерство.*

Значение коэффициента при переменной туристического потока показывает, что в модель эта переменная входит со степенью, примерно равной 0,5 (ср. формулы 2 и 3), т.е. интерес к стране по мере роста потока посещающих ее людей постепенно насыщается (предельный интерес к стране падает) как квадратный корень от числа туристов. В некотором смысле это говорит о ненужности такого испытанного в истории России «охранительного» инструмента как «железный занавес». Достаточно пережить всплеск интереса граждан к той или иной стране лишь в самом начале ее узнавания, затем предельный интерес начнет убывать. Напротив, «железный занавес», ограничивающей познание и посещение других стран, держит интерес населения в постоянно повышенном состоянии, создавая благоприятные условия для экспансии чужой культуры. Таким образом, *защитным механизмом титульной культуры и ценностей от социетальных шоков в большей степени являются свободы, а не ограничения.*

Культурная дистанция во всех спецификациях модели является значимым и отрицательным фактором. Но как значимый фактор она устойчиво проявляет себя только при условии учета в модели в явном виде определенных групп стран, выделенных по реальным признакам (в нашем случае, вхождение в международные блоки) и дифференцированных по количеству информации, опыта или впечатлений о них (в нашем случае, на основе прокси-переменной туристического потока). Это означает, что *существует страновая структура, в рамках которой культурная дистанция выступает фактором, подавляющим интерес к странам с более сильными культурными отличиями.* В связи с различием в количестве индексов Хофстеде, по которым рассчитана культурная дистанция (в одном случае – четыре индекса, в другом – шесть), коэффициенты в спецификациях I, III и II, IV заметно различаются по абсолютной величине. Введение в расчет культурной дистанции двух дополнительных индексов – долгосрочной ориентации и индугенции – заметно увеличивает скорость, с которой культурная дистанция подавляет интерес к странам (регрессионный коэффициент для культурной дистанции на четырех индексах составляет $\sim 0,4$ –0,6, а на шести индексах – уже $\sim 0,9$ в спецификации II и $\sim 1,3$ в спецификации IV).

Выводы. Таким образом, разработаны основы эмпирико-теоретической модели возникновения шоков социетальной безопасности в стране в случае ее отставания в результатах социально-экономического развития от стран, являющихся по отношению к ней «референтными» (вызывающими наибольший интерес населения).

Оценена гравитационная модель формирования интереса населения России к другим странам как функции от количества опыта, информации или впечатлений, связанных

с этими странами, их геополитической/геоэкономической связанности с Россией и культурной дистанции России с ними.

Показано, что наибольшую угрозу шоков социетальной безопасности для России создает группа стран, классифицированная как «Западный мир». Впрочем, вхождение России в коалицию дружественных стран (яркий пример – БРИКС+) также может порождать риски возникновения шоков социетальной безопасности, если утратить в этой коалиции социально-экономическое лидерство. Закрытость общества в виде ограничения информации или возможности выезда в другие страны скорее ухудшает прогноз возникновения шоков социетальной безопасности. Наконец, высокая культурная дистанция снижает угрозы социетальной безопасности даже при большом отставании в развитии от референтных стран/обществ, но и одновременно снижает ценность опережения их в развитии. Наоборот, низкая культурная дистанция выступает триггером развития шоков социетальной безопасности даже при незначительном межстрановом отставании в результатах развития, одновременно заметно повышая ценность даже малого межстранового лидерства в развитии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005.
- Броницкий Г.Т., Вакуленко Е.С. Прогнозирование миграции из России в Германию с использованием Google-трендов // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9. № 3. С. 75–92.
- Горшков М.К., Тюрин И.О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4. С. 720–739.
- Латов Ю.В. Динамика массового сознания россиян: экстраординарная ситуация или начало нового цикла? // ПОЛИС. Политические исследования. 2023. № 6. С. 161–179.
- Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. Фрагменты выступления на методологическом семинаре в МосГУ // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 171–173.
- Романовский Н.В., Демиденко С.Ю. Новая социальная реальность (О XXIV Харчевских чтениях) // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 147–150.
- Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М.: Институт философии РАН, 1997.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимева, Ю. Новикова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
- Шумилов А.В. Оценивание гравитационных моделей международной торговли: обзор основных подходов // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21. № 2. С. 224–250.
- Akemi T. In the Name of the People: Welfare and Societal Security in Modern Japan and Beyond // Asian Perspective. 2006. Vol. 30. No.1. P. 157–190.
- Alexeev M.A. Societal Security, the Security Dilemma, and Extreme Anti-Migrant Hostility in Russia // Journal of Peace Research. 2011. Vol. 48. No. 4. P. 509–523.
- Bilgic A. Towards a New Societal Security Dilemma: Comprehensive Analysis of Actor Responsibility in Intersocietal Conflicts // Review of International Studies. 2013. Vol. 39. No.1. P. 185–208.
- Birrell B. Australian Futures: Societal Security and Identity // Global Forces. 2007. Proceedings of the ASPI conference: Australian Strategic Policy Institute. P. 29–39.
- Butler E. Hungary and the European Union: The Political Implications of Societal Security Promotion // Europe-Asia Studies. 2007. Vol. 59. No. 7. P. 1115–1144.
- Buzan B., Wæver O. Slippery? Contradictory? Sociologically Untenable? The Copenhagen School Replies // Review of International Studies. 1997. Vol. 23. No.2. P. 241–250.
- Etzioni A. Debate: The Good Society // The Journal of Political Philosophy. 1999. Vol. 7. No. 1. P. 88–103.
- Herd G.P., Lofgren J. 'Societal Security', the Baltic States and EU Integration // Cooperation and Conflict. 2001. Vol. 36. No. 3. P. 273–296.
- Kogut B., Singh H. The Effect of National Culture on the Choice of Entry Mode // Journal of International Business Studies. 1988. Vol. 19. No. 3. P. 411–432.
- Konara P., Mohr A. Why We Should Stop Using the Kogut and Singh Index // Management International Review. 2019. Vol. 59. P. 335–354.
- McSweeney B. Identity and Security: Buzan and the Copenhagen School // Review of International Studies. 1996. Vol. 22. P. 81–93.
- Nye J.S. Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs. 2009. Vol. 88. No. 4. P. 160–163.

- Sundelius B., Eldeblad J. Societal Security and Total Defense: The Swedish Way // PRISM. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 92–111.
- Varian Hal R., Choi H. Predicting the Present with Google Trends. 2009. August 17. URL: <https://ssrn.com/abstract=1659302> (дата обращения: 02.09.2024).
- Wæver O., Buzan B., Kelstrup M., Lemaître P. Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe. London: Pinter, 1993.

Статья поступила: 10.09.24. Финальная версия: 26.11.24. Принята к публикации: 16.12.24.

REFERENCE SOCIETIES AND SOCIETAL SECURITY SHOCKS IN RUSSIA

KARACHAROVSKIY V.V.

HSE University, Russia

Vladimir V. KARACHAROVSKIY, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Faculty of Economic Sciences, Head of the Laboratory for Comparative Analysis of Post-Socialist Development, HSE University, Moscow, Russia (vvk@hse.ru).

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-01892 (URL: <https://rscf.ru/project/24-28-01892>).

Abstract. The article develops a hypothesis about the gravitational nature of societal security shocks as the phenomena of destabilizing the value core of societies because of critical changes at their geographical and cultural “borders”. The category of “reference countries/societies” is introduced, the gap in the results of development with which leads to the loss of legitimacy of the path of development chosen by society. The societal security level of Russia is assessed basing on GDP per capita and HDI difference with the groups of countries historically and geopolitically connected with Russia (the “West World”, the former “Socialist Bloc”, the countries of the former USSR, the countries of the EAEU, BRICS and SCO). The difference of these indicators is adjusted to the Russians’ interest to the countries. Then the gravity model of Russians’ interest to other countries is estimated, using as the indicator of interest the statistics of Internet queries on Google Trends and Yandex Wordstat, and as an indicator of the distance the “cultural distance” between the countries, calculated basing on Hofstede’s indices. It is shown that the level of social security for Russia is maximal in relation to the SCO countries and minimal in relation to the “West World” countries. Herewith Russian’s interest is strongest for the group of geopolitical rivals (the “West World”) and is moderate for the friendly countries (BRICS and SCO). The marginal interest in countries monotonically decreases with the growth of tourist flows to them (as a proxy-variable of saturation of information or experience about them). Finally, the inverse dependence of Russians’ interest for countries on their “cultural distance” with Russia in the “West World” – “Global South” – other countries’ system is demonstrated.

Keywords: societal security, security shocks, cultural distance, gravitational model, reference group, geopolitics, countries of the world.

REFERENCES

- Akami T. (2006) In the Name of the People: Welfare and Societal Security in Modern Japan and Beyond. *Asian Perspective*. Vol. 30. No.1: 157–190.
- Alexseev M.A. (2011) Societal Security, the Security Dilemma, and Extreme Anti-Migrant Hostility in Russia. *Journal of Peace Research*. Vol. 48. No. 4: 509–523.
- Bauman Z. (2005) *The Individualized Society*. Transl. ed. by V.L. Inozemcev. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Bilgik A. (2013) Towards a New Societal Security Dilemma: Comprehensive Analysis of Actor Responsibility in Intersocietal Conflicts. *Review of International Studies*. Vol. 39. No.1: 185–208.
- Birrell B. (2007) Australian Futures: Societal Security and Identity. *Global Forces. Proceedings of the ASPi conference: Australian Strategic Policy Institute*: 29–39.
- Bronitsky G., Vakulenko E. (2022) Using Google Trends for external migration prediction. *Demographic Review*. Vol. 9. No. 3: 75–92. (In Russ.)
- Butler E. (2007) Hungary and the European Union: The Political Implications of Societal Security Promotion. *Europe-Asia Studies*. Vol. 59. No. 7: 1115–1144.
- Buzan B., Wæver O. (1997) Slippery? Contradictory? Sociologically Untenable? The Copenhagen School Replies. *Review of International Studies*. Vol. 23. No. 2: 241–250.
- Etzioni A. (1999) Debate: The Good Society. *The Journal of Political Philosophy*. Vol. 7. No. 1: 88–103.

- Fedotova V.G. (1997) *Modernization of the «Other» Europe*. Moscow: Institut Filosofii RAN. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Tyurina I.O. (2023) Consolidation of the Russian Society under Contemporary Challenges: Social-Historical and Value Contexts. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 23. No. 4: 720–739. (In Russ.)
- Hantington S. (2003) *The Clash of Civilizations*. Transl. by T. Velimeev, Yu. Novikov. Moscow: ООО «Izdatel'stvo AST». (In Russ.)
- Herd G.P., Lofgren J. (2001) 'Societal Security', the Baltic States and EU Integration. *Cooperation and Conflict*. Vol. 36. No. 3: 273–296.
- Kogut B., Singh H. (1998) The Effect of National Culture on the Choice of Entry Mode. *Journal of International Business Studies*. Vol. 19. No. 3: 411–432.
- Konara P., Mohr A. (2019) Why We Should Stop Using the Kogut and Singh Index. *Management International Review*. Vol. 59: 335–354.
- Latov Yu.V. (2023). Dynamics of Mass Consciousness of Russians: Extraordinary Situation or Beginning of a New Cycle? *Polis. Political Studies*. No. 6: 161–179. (In Russ.)
- McSweeney B. (1996) Identity and Security: Buzan and the Copenhagen School. *Review of International Studies*. Vol. 22: 81–93.
- Nye J.S. (2009) Get Smart: Combining Hard and Soft Power. *Foreign Affairs*. Vol. 88. No. 4: 160–163.
- Panarin A.S. (2004) Global Political Forecasting. Excerpts from a Speech at the Methodological Seminar at Moscow State University of the Humanities // *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. No. 1: 171–173. (In Russ.)
- Romanovskiy N.V., Demidenko S. Yu. (2023) The New Social Reality (On the XXIV A. Kharchev' Readings). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 147–150. (In Russ.)
- Sundelius B., Eldeblad J. (2023) Societal Security and Total Defense: The Swedish Way. *PRISM*. Vol. 10. No. 2: 92–111.
- Shumilov A. (2017) Estimating Gravity Models of International Trade: A Survey of Methods. *HSE Economic Journal*. Vol. 21. No. 2: 224–250.
- Varian Hal R., Choi H. (2010) Predicting the Present with Google Trends. April 2. URL: <https://ssrn.com/abstract=1659302> (accessed 02.09.2024).
- Wæver O., Buzan B., Kelstrup M., Lemaître P. (1993) *Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe*. London: Pinter.

Received: 10.09.24. Final version: 26.11.24. Accepted: 16.12.24.

© 2024 г.

ТАСС УПОЛНОМОЧЕН УЗНАТЬ (о пресс-конференции по материалам 10-летнего социологического мониторинга)

Одним из достижений Института социологии ФНИСЦ РАН считается общероссийский мониторинг по репрезентативной выборке, который осуществляется под руководством директора института М.К. Горшкова с 2014 г. Начало мониторинга совпало с началом длинной «полосы препятствий» для российской цивилизации-страны. На старте этого проекта никто не ожидал, что «полоса» затянется более чем на десятилетие, а сотрудникам удастся на протяжении этого периода ежегодно (в некоторые годы по два раза) проводить полномасштабное (каждый раз – не менее 50 вопросов, включая комплексные) анкетирование россиян. Хотя финансирование социологических исследований в современной России трудно назвать щедрым, руководству института удавалось получать от РНФ гранты¹, благодаря которым проводились недешевые общероссийские опросы и комплексно анализировались результаты, которые публиковались в том числе в серии монографий «Российское общество и вызовы времени»². Сотрудники института, благодаря этому мегапроекту, сопоставимому по значению, например, с мониторингами РМЭЗ НИУ ВШЭ и ВЦИОМ, получили уникальную возможность отслеживать постепенные и скачкообразные изменения социальной жизни россиян во всех сферах жизни – от семейно-демографической до политической. Читатели СоцИса не раз встречали на страницах журнала аналитические материалы, основанные на этом мониторинге.

В текущем году у данного мегапроекта 10-летний юбилей – повод подвести предварительные итоги и самого проекта, и, главное, развития страны в период «новой социальной повседневности». Эта ситуация, связанная с конфронтацией между Россией и «коллективным Западом», начала формироваться раньше 2014 г., но в активную фазу перешла после Крымской весны, совпавшей с началом долгосрочного мониторинга. Десятилетний юбилей проекта уместно было ознаменовать публичной презентацией общих результатов за десятилетие наблюдений и результатов, полученных при опросе апреля 2024 г. Поэтому 14 ноября 2024 г., в день социолога, в московской штаб-квартире ТАСС на Тверском бульваре состоялась пресс-конференция, посвященная презентации информационно-аналитического доклада Института социологии ФНИСЦ РАН «Российская повседневность сегодня: по материалам социологического мониторинга за 2014–2024 гг.». В этом

---

¹ Речь идет о проектах «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (2014–2018) и «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» (2020–2024).

² См., напр.: Российское общество и вызовы времени. Книга седьмая / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2024. В начале 2025 г. ожидается выход из печати восьмой книги.

мероприятии главными докладчиками выступали директор Института социологии ФНИСЦ РАН М.К. Горшков и главный научный сотрудник Н.Е. Тихонова³.

«Лицом к лицу лица не увидать»: участники многолетнего мониторинга хорошо это осознают, не замахиваясь на решение общих макросоциологических проблем (типа «происходит ли в России постиндустриальный переход?», «насколько результативна сложившаяся модель политической жизни, замкнутой на властную вертикаль?», «желают ли россияне социализма?» и т.д.). Мониторинг дает информацию о настроениях, оценках и поведении массовых слоев россиян, которые мыслят отнюдь не категориями обществоведческих теорий. Тем не менее путем вопросов, рассчитанных на обыденное сознание, можно получать данные, подводящие и к важным макросоциологическим темам. С этой точки зрения, в материалах мониторинга скрыты богатые «залежи» эмпирической информации, которые будут разрабатываться годами, помогая понять характер эпохи. Но конкретно сейчас, в разгар СВО на Украине, можно выявлять актуальные проблемы, связанные с оценкой того, насколько россиянам удастся «держать удар», находить эффективные ответы на вызовы.

На пресс-конференции сообщалось, в частности, что хотя подавляющее большинство россиян из опроса в опрос говорят о росте или сохранении социальной напряженности, никаких симптомов социального взрыва нет. В ходе апрельской волны опроса 83% россиян утверждали, что СВО либо вообще не повлияла на их повседневную жизнь, либо повлияла в незначительной степени. Хотя военные события обычно связаны с увеличением «нужды и бедствий», россиянам после 2022 г. удалось этого избежать. Весной 2022 г. был тревожный всплеск кризисного и даже катастрофического восприятия ситуации в стране. Но к настоящему времени показатели вернулись к норме. В целом же за последнее десятилетие удовлетворенность россиян большинством аспектов своей жизни претерпела не негативные, а позитивные изменения. В первую очередь это касается характеристик, связанных с уровнем их жизни, с показателями занятости и обеспеченности общественными благами (хотя восприятие медицинского обслуживания остается «ахиллесовой пятой»).

В то же время надо осознавать, что хотя в России за десятилетие не произошло негативных изменений, но и позитивные успехи тоже были ограниченными. Однозначным успехом является то, что за последнее десятилетие в России примерно в 1,6 раза сократились масштабы бедности. Но других столь же однозначных успехов пока нет. Около 85% россиян уверены, что в стране существуют острые социальные противоречия (прежде всего, между гражданами и чиновниками); во время СВО их «отложили в сторону», но завершение событий на Украине может эти противоречия «разморозить». Что касается демографии, в стране однозначно закрепилась ориентация на малодетность. Средний показатель планируемого числа детей в семье (2,0) недостаточен даже для достижения простого воспроизводства населения. Социальная реальность такова, что россияне не часто стремятся реализовать себя в воспитании детей, хорошо понимая, что малодетность остается тесно связанной если не с бедностью, то однозначно со значительным снижением уровня жизни.

Самым политически актуальным сюжетом, охарактеризованным на пресс-конференции в ТАСС, стал вопрос дифференциации россиян на большинство, согласное с проправительственным концептом российской самобытности, и прозападное меньшинство. Проведение СВО на Украине, как и следовало ожидать, сдвинуло баланс мнений россиян в сторону укрепления доли сторонников самобытности России. В презентации докладов указывалось, что если в 2021 г. соотношение считающих, что Россия должна жить по тем же правилам, что и Запад, и их оппонентов составляло примерно

³ В настоящее время на сервере ФНИСЦ РАН можно не только ознакомиться с презентацией докладов, но и через ссылку «ВКонтакте» увидеть видеозапись этого научного мероприятия (URL: https://www.fnisc.ru/fnisc_news.html?id=14496&rtype=c).

1:2, то к началу 2024 г. оно приблизилось к пропорции 1:3,5. Но и более чем 1/5 россиян, не согласных с «антизападностью» России, – слишком высокая доля, чтобы игнорировать их мнение. К счастью, и у адептов самобытности России, и у сторонников ее цивилизационной близости с Европой есть общая установка – высокий спрос на социальную справедливость, понимаемую прежде всего как равенство возможностей добиваться успеха личными усилиями. Поэтому курс на социальную справедливость может объединить россиян с противоположными взглядами на то, в контексте каких моделей взаимодействия России с Западом будет происходить движение к желаемому будущему. Хотя в российском обществе много острых противоречий, но именно внутренние противоречия – источник развития.

Начатый в 2014 г. мониторинг руководители Института социологии ФНИСЦ РАН планируют в ближайшие годы продолжать, держа тем самым руку «на пульсе» российской нации. Быть может, через несколько лет читатели СоцИса встретят на страницах журнала заметку о 15-летнем или 20-летнем юбилее этого мониторинга?

DOI: 10.31857/S0132162524120138

© 2024 г.

О XV УРАЛЬСКОМ ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ФОРУМЕ

5–7 июня на площадке Института экономики УрО РАН прошла работа XV Уральского демографического форума «Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы». С приветственными словами Форум открыли: председатель Оргкомитета, заслуженный экономист **О.А. Козлова** (ИЭ УрО РАН), директор ИЭ УрО РАН **Ю.Г. Лаврикова**, Министр образования и молодежной политики Свердловской области **Ю.И. Биктуганов**, директор департамента по труду и занятости населения Свердловской области **Д.А. Антонов** и председатель Общественной палаты Свердловской области **А.Ю. Левин**.

В ходе Пленарного заседания проф. **М.А. Клупт** (СПбГЭУ) рассказал о разных аспектах взаимосвязи рождаемости и занятости. Доклад **А.П. Багировой** (УрФУ) был посвящен корпоративной гражданственности и вопросу о том должен ли работодатель включаться в решение демографических проблем регионов. Проф. **Ю.Р. Вишневский** (УрФУ) осветил проблему искажения демографических данных в СМИ. Проф. **Т.К. Ростовская** (ИДИ ФНИСЦ РАН) раскрыла роль студенческой семьи как ключевого направления государственной семейно-демографической политики. **В.Б. Жиромская** (ИРИ РАН) обратилась в своем докладе к вопросу о начале демографического перехода в России. **А. Майич** (Ун-т г. Баня Луки, Босния и Герцеговина) рассказал участникам форума об основных факторах риска, влияющих на смертность людей в Республике Сербской (Босния и Герцеговина)). Чл.-корр. РАН **С.В. Рязанцев** (ИДИ ФНИСЦ РАН) осветил вопросы особенностей адаптации русскоязычных мигрантов в Бразилии. **А.В. Смирнов** (ИСЭиЭПС) представил картину современных межрегиональных миграционных потоков в России.

Пленарное заседание завершилось презентацией сборника научных трудов «Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы», изданного Институтом экономики.

Продолжилась работа Форума заседанием Научного совета ООН РАН «Демографические и миграционные проблемы России», во время которого были освещены перспективы развития кадрового потенциала в решении демографических проблем в УрФО и СЗФО.

Закончился первый день Форума подведением итогов Всероссийского конкурса идей проектов «Демография родной страны», в котором приняли участие 15 коллективов молодых исследователей из девяти субъектов РФ.

Дальнейшая работа Форума продолжилась 6–7 июня на дискуссионных площадках: 1) демографическая устойчивость: исторический опыт; 2) население и экономика в системе устойчивого развития; 3) демографическое поведение: социологические и психологические аспекты; 4) рождаемость в регионах: решения для формирования новых трендов; 5) институт семьи в XXI веке: вызовы и успешные практики; 6) миграция: смыслы, цели и результаты; 7) российский и зарубежный опыт здоровьесбережения населения.

Н.П. НЕКЛЮДОВА, О.А. ПЫШМИНЦЕВА

НЕКЛЮДОВА Наталья Павловна, к. экон. н., ст. науч. сотр. (neklyudova.np@uiec); ПЫШМИНЦЕВА Ольга Александровна, мл. науч. сотр. (pyshmintseva.oa@uiec.ru). Обе – Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия.

ABOUT THE XV URAL DEMOGRAPHIC FORUM

DOI: 10.31857/S0132162524120145

Natalia P. NEKLYUDOVA, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher (neklyudova.np@uiec); Olga A. PYSHMINTSEVA, Junior Researcher (pyshmintseva.oa@uiec.ru). Both – Institute of Economics of UB RAS, Yekaterinburg, Russia.

ПАМЯТИ НАТАЛЬИ ЛЕОНОВНЫ СМАКОТИНОЙ (23.08.1952–11.08.2024)

Профессиональное социологическое сообщество понесло огромную утрату: ушла из жизни известный ученый – социолог, доктор социологических наук, профессор, специалист-эксперт высочайшей квалификации по молодежным проблемам современности и глобальным процессам Наталья Леоновна Смакотина.

Научная и профессиональная жизнь Натальи Леоновны была связана с осмыслением и исследованием проблем конструирования будущего молодежи и страны в условиях глобальных и региональных воздействий.

Еще недавно в рамках Всероссийского фестиваля «НАУКА 0+» проф. Смакотина проводила круглый стол «Значимость искусственного интеллекта в жизни молодежи» (2023), оставив глубокий след среди молодых участников форума своим острым восприятием переживаемой действительности и социологической корректностью ведения диалога.

На научном конгрессе «Глобалистика-2023: проблемы искусственного интеллекта и смены научно-технологических укладов» она инициировала проведение секции «Современный мир: развитие или трансформация?», акцентировав внимание на сущностной составляющей глобальных процессов и необходимости проведения новых фундаментальных и прикладных исследований. Обсуждение проходило в формате диалога о социальных изменениях и трансформациях в глобальном процессе, с одной стороны, цивилизационного типа, а с другой – вызванного нарастанием глобальных угроз турбулентного типа.

На III Международной научно-практической конференции «Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура в условиях формирования многополярного мира» (2024) она выступала с докладом, где обосновала, как под влиянием нестабильности в мире и хаотизации международных процессов выстраиваются новые экспертные сферы; в аспекте повышения качества высшего образования проводилась мысль, что «через аккредитацию аккредитаторов обеспечивается доверие к национальной системе образования».

Человечество столкнулось с глобальными вызовами социального, природного, технологического, цивилизационного и гуманитарного характера. Каждое принимаемое решение в этой связи уникально по своей природе. Исследование этих процессов возможно при соответствующей социальной и духовной наполненности Ученого. Наталья Леоновна соответствовала этим критериям и смыслам.

Идеи о происхождении трендов и глобальных турбулентных процессов были одними из последних значимых научных идей, с которыми выступала проф. Смакотина и в обсуждение которых активно вовлекала научную общественность. Стиль ее научных выступлений – диалоги, среди них – о смысле жизни, социуме и о том глобальном кризисе, которого ему не избежать. Традиционно большое место в ее научном пространстве занимали диалоги о молодежи, ее духовной культуре, развитии высшей школы, которые сопровождали большинство ее выступлений.

Последние почти 30 лет она работала в своей альма-матер – МГУ имени М.В. Ломоносова, где в 1989 г. закончила исторический факультет. В этот период Наталья Леоновна была одной из ключевых фигур начала подготовки специалистов по направлению «Организация работы с молодежью», проводя огромную работу на основанной ею кафедре социологии молодежи социологического факультета МГУ, а затем на кафедре глобальных социальных процессов и работы с молодежью факультета глобальных процессов МГУ, которой она руководила. Обладая высоким личностным, интеллектуальным и духовным потенциалом, она всегда оставалась преданной своей профессии, открытой к новым методологическим подходам и методам социологических исследований. Активно поддерживала коллег, в том числе и иркутских социологов, выступая организатором целого ряда международных научно-практических конференций, посвященных актуальным проблемам развития современного российского общества.

Она оставалась «настоящей» на своем жизненном и профессиональном пути и через исследование «настоящего» участвовала в конструировании будущего российской молодежи.

Т.И. ГРАБЕЛЬНЫХ, В.В. ЗЫРЯНОВ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

(2024. Т. 30)

№ 3. *Браславский Р.Г.* Три волны цивилизационного анализа в социологии; *Звоновский В.Б., Ходыкин А.В., Раскевич А.В.* Причины досрочного прекращения интервью по инициативе респондента в массовых всероссийских опросах на тему российско-украинского конфликта; *Старцев С.В.* Анализ установок исследователя в процессе изучения сенситивных тем: опыт интервьюирования участников военных конфликтов; *Филькина А.В., Клевцов Д.С.* Оценка эффективности мероприятий по вовлечению школьников в науку (STEM) в контексте концепции вовлеченности и мотивационных теорий: обзор исследовательских стратегий; *Рогозин Д.М., Солодовникова О.Б.* Удовлетворенность трудом преподавателей организаций высшего образования: от ретроспективного анализа; *Пешкова В.М.* Смешанные браки: факторы, характеристики и влияние на семью и общество (обзор зарубежных исследований); *Козлова Л.А.* Личностное знание А.Н. Алексеева о социологии и обществе в авторефлексии автора; *Головин Н.А.* Перепрочтение социологии Питирима Сорокина: к выходу в свет тринадцати томов из собрания его сочинений.

МИР РОССИИ: СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

(2024. Т. 33)

№ 4. *Лисицын П.П.* Диалог науки и власти: от миграционной теории к миграционной политике. Часть II: воссоединение; *Чернышов С.А.* «Хочу я этого, не хочу – я сибиряк»: прошлое и настоящее сибирской идентичности; *Григоричев К.В.* Между «глобальным Севером» и «глобальным Югом»: так какой же может быть субурбанизация на востоке России? *Паин Э.А., Мижит-Доржу В.Ш.* Политика сохранения языкового многообразия в России: декларируемые цели и реальная практика. Случай республик Южной Сибири; *Черныш М.Ф.* Языковой вопрос и языковая политика в современном обществе; *Верников А.В., Курышева А.А.* Русская традиционная экономическая культура с точки зрения концепции Веблена о поведенческих установках; *Одинова В.А., Гришина Ю.В.* Освещение сексуального насилия над детьми в цифровых медиа с точки зрения людей, переживших насилие, журналистов и психологов.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

(2024)

№ 4. *Звоновский В.Б., Ходыкин А.В.* Проблемы достижимости респондентов в опросах о российско-украинском конфликте; *Галкин К.А.* Трансформация агентности молодежи и пожилых людей в период пандемии COVID-19; *Мальцева Д.В., Щеглова Т.Е., Ващенко В.А., Моисеев С.П.* Городское здоровье: выделение актуальных трендов исследований в научной литературе; *Курганская В.Д., Шаукенова З.К., Дунаев В.Ю., Абрахматова Г.А.* Репатрианты в Казахстане: анализ проблем интеграции в социологическом измерении; *Петрова Д.В.* Потребление новостей в сельской местности: (не)доверие и стратегии верификации информации; Мониторинг мнений: июль–август 2024; *Дворецкая И.В., Мерцалова Т.А.* Возможности и предпочтения учителей в выборе способов развития компетенций использования цифровых образовательных технологий; *Слободянюк Е.Д., Каравай А.В., Мареева С.В.* Включенность россиян в образовательные практики, формирующие человеческий капитал; *Волков С.К., Акимов О.Е., Симонов А.Б.* Отношение студентов к научной карьере: кейс Волгоградского государственного технического университета; *Антонова В.К.,*

Александрова М.Ю., Присяжнюк Д.И., Рябиченко Т.А. Профессиональная идентичность HR-менеджера как фактор инклюзивного найма и развития женщин в российских компаниях; Ларионов А.В. Кредитное поведение граждан России в период пандемии COVID-19; Русинова Н.В., Сафронов В.В. Медиация статусных неравенств в здоровье: зависимость эффектов социального капитала от возраста; Крашениникова Ю.А., Юхневич Н.Д. Неявные факторы, влияющие на мнения жителей малых городов и сельской местности о здравоохранении; Белоусов А.Б., Давыдов Д.А. Городские пространственные конфликты в Новосибирске: изучение общей динамики; Ильичева Л.Е., Паршина Е.В., Лапин А.В., Ильичева М.В. Взаимодействие государства и гражданского общества: анализ оценок эффективности политики социального партнерства на основе опросов москвичей.

- № 5.** Шомова С.А., Качкаева А.Г. Между очарованием и испугом: диалог с «другим». Опыт анализа практик использования ИИ в профессиональной и повседневной жизни; Коваль Е.А., Ушкин С.Г. Кому нужна этика больших данных: разработчики и их руководители о необходимости создания профессионального этического кодекса; Сычев А.А. В поисках надежности: трансформация доверия в эпоху цифровых технологий; Кушкин Н.А., Тимофеева О.А. Соавтор, помощник, муза, инструмент: как студенты, преподаватели и представители креативных индустрий видят роль ИИ в своих практиках; Мониторинг мнений: сентябрь – октябрь 2024; Казун А.П. Может ли искусственный интеллект прогнозировать решения суда? Систематический обзор международных исследований; Душакова И.С., Душакова Н.С. Генеративный искусственный интеллект в российских православных сообществах: восприятие и практики использования; Трегубова Н.Д., Фейгина А.Я. «Вежливое» взаимодействие с умными колонками в повседневной жизни: универсальные нормы и новые формы социальности; Бурова О.А., Неверова Ю.С., Селеткова Г.И., Середкина Е.В. Взаимодействие пользователей разного возраста с сервисным роботом: лабораторное исследование; Ним Е.Г. Поп-культура, фэндомы и нейросети: фанаты встречаются с ИИ.

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

(2024. Т. 27)

- № 3.** Плотицкина Н.В. Теоретические модели социально-цифрового неравенства (Э. Хелспер, И. Мариен): сравнительный обзор; Гасюкова Е.Н., Коротаев С.А., Туаршева Д.Я. «На радость маме... и папе»: как появление детей сказывается на субъективном благополучии матерей и отцов? Курбатова Л.Н., Стегний В.Н., Тарасова Е.О. Институционализация гендерно-социальной и репродуктивно-супружеской культуры как отражение трансформации семьи и брака; Коротаев А.В., Мусиева Д.М., Жданов А.И. Количественный анализ социально-демографических факторов революционной дестабилизации: результаты и перспективы; Казун А.Д. Смотреть нельзя игнорировать: какому контенту (не)готовы уделять внимание люди, избегающие новостей? Богомягкова Е.С., Харманская Э.Ю. Социальные сети как фреймы: анализ пользовательского опыта; Попов Д.С., Григорьева Е.А., Шестакова Д.А. Факторы устойчивости профессии учителя в период трансформации на фоне пандемии COVID-19; Колесникова Е.М., Куденко И.А. Воспитатель-мужчина детского сада: кейс-стади общественного и профессионального дискурсов 1980-х годов в СССР.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

(2024. Т. 23)

- № 3.** Сивков Д.Ю. Реальность *sui generis*: вещи в онтологии Дюркгейма; Иванов Д.В., Власова Т.А., Абрамов Р.Н. Культурное гражданство: определения и эмпирическая контекстуализация; Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Использование сравнительной методологии в социальной антропологии и социологии: сходства и различия;

Латыпов И.А. Непреднамеренные последствия преднамеренных действий: почему неравенство остается стабильным? Варшавер Е.А. Что именно исследуется, когда исследуется этничность? Deskриптивная модель для конструктивистских исследований этничности в контексте когнитивного поворота; Арутюнова Е.М., Бессуднов А., Вендина О.И., Верховцев Д.В., Каменских М.С. Обмен мнениями по поводу статьи Е. Варшавера «Что именно исследуется, когда исследуется этничность? Deskриптивная модель для конструктивистских исследований этничности в контексте когнитивного поворота»; Усачев Е. Катехоническая темпоральность и политическая форма: к обоснованию двойного представительства; Михайловский А.С. Естественное состояние как «возможные истории» в «гражданской науке» Томаса Гоббса; Сидорова М.А. Герменевтика действия Поля Рикёра: от интерпретации к актору; Борщевский Г.А. Что сказал спикер? Ценности в парламентском дискурсе и в оценках россиян; Мухаметов Р.С. Почему граждане доверяют полиции? Богданова Е.А., Галкин К.А., Низамова А.Н. Этика соседской заботы о пожилых в российском селе: на пути к общинному менеджериализму; Касавин И.Т. Общество знания: миграционный дискурс в плену капитала.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ

(2024. Т. 15)

№ 3. Аксенова О.В. Прогресс и традиция в эпоху перемен; Шереги Ф.Э., Приведенцева О.С. Среднесрочный прогноз динамики жизненных установок россиян; Авксентьев В.А., Иванова С.Ю., Шульга М.М. Репрезентации этнополитической ситуации на Северном Кавказе в медиапространстве региона; Богатова О.А., Долгаева Е.И. Православный активизм в восприятии населения региона: основные фреймы; Островская Е.А., Бадмацыренов Т.Б. Сетевые технологии как инструмент самопрезентации малых религиозных групп (кейс новых для России направлений буддизма); Косов Г.В., Ярмек О.В., Гарас Л.Н. Галичина и Донбасс как идеальные модели региональной идентичности: социокультурные корни противостояния западной и восточной Украины; Коломиец В.К. Проблема Севера и Юга: о возможностях сопоставления региональных неравенств в Италии и России; Осипов А.М. К научной трактовке общественной эффективности образования; Адиев А.З. Динамика событийной структуры жизненного пути в России; Тев Д.В. Высокопоставленные чиновники полномочных представительств Президента РФ в федеральных округах: каналы рекрутирования и карьера; Вершинина И.А., Лядова А.В., Мартыненко Т.С., Григорьева Е.А. Современный дискурс о неокOLONIALИЗме: аналитический обзор исследований.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

(2023. Т. 11)

№ 4. Великая Н.М., Зайцева А.А., Ирсецкая Е.А. Репрезентация образа будущего России в печатных СМИ в контексте консолидации российского общества; Мещерякова Н.Н., Крыштановская О.В. Смарт-элиты: контуры концепции; Подлесная М.А., Ильина И.В. Героизм через призму размышлений о стране и ее будущем: оценки поколений; Кулагина Е.В. Активная политика занятости в отношении лиц с инвалидностью; Уханова Ю.В., Жданова А.Э. Малые города в России как комфортное пространство для жизни: миф vs реальность (на примере Вологодской области); Петухов Р.В. Особенности формирования доверия к муниципальной власти среди молодых россиян; Рыжова С.В. Этническая идентичность и толерантность в поликультурном обществе: общероссийская перспектива и ситуация в Кабардино-Балкарии; Щеголькова Е.Ю. Особенности межнациональных отношений в представлении жителей полиэтничного региона (на примере Кабардино-Балкарской Республики); Адамьянц Т.З. Смыслы и смысловые нюансы на открытых интернет-платформах как предмет социологического изучения (на примере блогов патриотической направ-

ленности в «Дзене»); Брюно В.В., Позднякова М.Е. Распространение самогоноварения в России в период социальных кризисов; Прямикова Е.В., Шалагина Е.В., Шихова О.Н. Молодые педагоги между «Сциллой» и «Харибдой»: о профессиональных дефицитах в социологическом ракурсе (на примере Свердловской области).

(2024. Т. 12)

- № 1.** Андрееenkova А.В. Исследования жизненного пути – концептуальные и методологические подходы и решения; Татарова Г.Г., Чиркова А.В. Здоровьесберегающее поведение молодежи: формирование типобразующих признаков методом неоконченных предложений; Пинчук А.Н., Карепова С.Г., Тихомиров Д.А. Технологии Text Mining в социологическом анализе (на примере изучения представлений студентов о миссии современного вуза); Сагитов С.Т. Цифровизация сферы культуры России: этапы и проблемы; Чумиков А.Н. Позиционирование фактов, смыслов и терминов в медиа: теоретические подходы и практика освещения проблематики терроризма; Гиваргизова Н.А. Востребованность института медиации в современной России; Костко Н.А., Печеркина И.Ф. Городская идентичность и восприятие города в управленческом дискурсе.
- № 2.** Беляева Л.А. Современная Россия в массовом сознании жителей страны; Зернов Д.В., Шалютина Н.В. Молодежь в социальных сетях: масштабирование социальных взаимодействий и практики формирования индивидуальных медиасред (на материалах региональных исследований); Косыгина К.Е. Культурный потенциал современного российского региона: инфраструктура и потребление услуг населением (на примере Вологодской области); Носкова А.В., Кузьмина Е.И. Изменения в ресурсном потенциале россиян старших поколений (по материалам лонгитюдных исследований); Кравченко С.А., Свирская Д.А. Становление сложных страхов в молодежной среде: рефлексия через призму генотипа отечественной культуры; Шекера Е.А. Адаптационный потенциал мигрантской молодежи в мегаполисе: ресурсообеспеченность и возможность развития (на примере дагестанцев, проживающих в Санкт-Петербурге); Эндрюшко А.А. Длительность проживания и интеграция мигрантов: (не)очевидные взаимосвязи; Мозговая А.В. Личная жизненная среда в социально-политическом контексте современной России: статус по признаку определенности.
- № 3.** Дудин И.В., Тихонова Н.Е. Субъективное благополучие россиян через призму их идентичностей: состояние и факторы; Подлесная М.А. Актуализированные ценности солдата СВО: письма с фронта – 2023; Амбарова П.А., Шаброва Н.В. Студенты как партнеры научных проектов в российских вузах: возможности и барьеры; Карпова А.Ю., Савельев А.О. Тенденция развития динамики исследований феномена радикализации: наукометрический анализ; Гурко Т.А. Динамика повседневных практик городских родителей; Кученкова А.В., Майорова-Щеглова С.Н. Счастливое детство: поиск информативной системы признаков сквозь призму событийности; Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Распределение и продолжительность работы по дому в домохозяйствах, состоящих из брачных пар; Бессокирная Г.П., Большакова О.А., Караханова Т.М. Городская семья с несовершеннолетними детьми: ресурсы, нравственные ориентиры и социальная адаптация работающих родителей. Часть первая; Бабич Н.С., Михайлов А.А. Анализ достоверности данных массовых опросов (на примере оценок распространенности курения в России).

INTER. ИНТЕРАКЦИЯ. ИНТЕРВЬЮ. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

(2024 Т. 16)

- № 3.** Веселкова Н.С., Прямикова Е.В. Состояние постиндустриальности: «власть заводов»; Гольман Е.А. Текстильный коллаж как художественный метод работы с индивидуальной памятью: анализ проекта «Лучезарный город» Елены Шаргановой; Сергеева О.В., Недосека Е.В. Визуальные репрезентации заброшенных индустриальных пространств в фотографиях туристов; Щеглов Я.И., Чернова Ж.В. Представления о доказательности в ветеринарной медицине мелких домашних животных; Шарепи-

на Е.А., Ломанова А.К. Выгода или принуждение: восприятие программы трудового набора врачами, трудоустраивающимися на периферию для отработки целевого направления; Бизюков П.В. Гегемония и трансформизм: постсоветские профсоюзы как объект изучения.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

(2024. Т. 25)

- № 4. Шумпетер Й. Кризис налогового государства (пер. с нем.); Мухаметов Р.С. Почему граждане гордятся страной? Роль СМИ и восприятия внешних угроз в формировании национальной гордости России; Бубновская О.В., Якубенко К.А. Факторы девиантного поведения российской молодежи с учетом социально-экономического развития регионов; Струкова П.Э. Талантизм в современном Китае: пример работы с трудовыми ресурсами в районе Большого залива.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(2024)

- № 5. Дынкин А.А. Трансформация мирового порядка: экономика, идеология, технологии; Арбатов А.Г. Разоружение в истории и современности: теория vs практика; Ильин М.В., Остапенко Г.И. Размежевания и идентичности в меняющемся ландшафте мировой политики; Самаркина И.В., Башмаков И.С., Колозов Д.П., Кузьменко Н.П. Образ будущего как компонент субъективного пространства политики: концептуальная модель и опыт ее апробации; Золян С.Т. Новейшая история Армении в политических мифах и символах; Бардин А.Л., Пантин В.И. Политика ответственного городского развития: критерии, субъекты, перспективы; Сушенцов А.А., Неклюдов Н.Я., Павлов В.В. Национальные школы подготовки дипломатических кадров и дилеммы глобальной эпистемологии международных отношений; Тихонова Н.Е. Идеологическая сегментация массовых слоев населения в условиях обострения конфронтации с Западом (опыт эмпирического анализа); Малешевич А.В. Балканизация или европеизация: опыт концептуальной деконструкции; Лебедева М.М., Чипизубова П.А., Курбатов Д.М. Практика международных отношений: возможности переноса на другие сферы.
- № 6. Громыко А.А. Мир полицентризма и роль ценностей в конкуренции ведущих держав; Сидоренко Э.Л. Сращивание интересов правительств и западных монополий в сфере ИКТ: современные геополитические модели; Балакина Ю.В., Хайнацкая Т.И. Медиа, культура и популярная геополитика: как создаются воображаемые пространства и идентичности; Семененко И.С., Хайнацкая Т.И. «Общественное развитие» в лабиринтах научного дискурса и в приоритетах политической повестки; Ознобищев С.К., Климов В.А. Военно-космическая гонка: фантазии, не ставшие реальностью? Звягельская И.Д. Религиозные националисты в Палестине и в Израиле: возвращение на авансцену? Абдеева Д.П. Решающий фактор? Внешнее содействие правительству в условиях внутреннего вооруженного конфликта; Рыков С.Ю., Кочеров О.С. Концепция гуманитарной интервенции в древнекитайской философии и в современном дискурсе КНР; Чернышов Ю.Г., Дерендяева А.Д. Имидж регионов и индекс историко-культурного наследия. Алтайский край и Республика Алтай; Токарев А.А. Массовое сознание российской молодежи и образ будущего.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

(2024. Т. 15)

- № 3. Куприянов В.А., Смагина Г.И. «Обеспечить расцвет наук и искусств в громадной империи». Идеи Г.В. Лейбница о развитии науки в России; Малинов А.В. «Как академик он должен быть примером всем»: исследования В.И. Ламанского о М.В. Ломоносове; Груздева Е.Н. К истории академических выборов 1929–1930 гг. (по наукам историческим); Бороноев А.О. Он родился социологом (к 100-летию со дня рождения Саму-

ила Ароновича Кугеля); Грибовский Н.В. «Вторая половина рабочего дня»: проблема участия преподавателей советских вузов в научно-исследовательской деятельности; Синельникова Е.Ф. Научные общества Петрограда в 1917–1920 гг. (по материалам выставки Петроградского отдела народного образования 1921 г.); Одяков С.В. Методологические подходы к изучению социально-профессиональной структуры в условиях цифровизации современного российского общества (На англ.); Винер Б.Е., Дивисенко К.С. Диссертационные локусы и ареалы: случай советской и постсоветской этнологии; Кораблева С.А. Модели научного лидерства в организациях сектора исследований и разработок в России: реконструкция на основе эмпирических данных (на англ.); Близнецкая Е.А., Кутейников А.Е., Шаповалов В.И. Стратегии городов по адаптации к изменению климата в контексте многостороннего международного сотрудничества; Володарская Е.А. Направления популяризации отечественной биологии на международных выставках во Франции в середине XX века; Кирик Ю.В. Теоретические подходы социальной патологии в академической литературе Германии (1910–1930); Богданова Т.К., Ощепков М.Е. Выявление тенденций и перспективных направлений исследований в области управления корпоративной результативностью; Тургель И.Д., Дербенева В.В., Новокшонова З.В. Журналы, индексируемые в международных наукометрических базах: долгое эхо Проекта «5-100».

Подготовил А.А. ЗОТОВ

INTERNATIONAL SOCIOLOGY

(2024)

№ 5. Рецензии на книги. Социальная теория. Баргхеер Ш. Рец. на: Дроми Ш., Стаблер С. Моральные минные поля: социологи обсуждают проблему хорошей науки; Тичжинь Пань. Рец. на: Файн Г.А., Хэллетт Т. Жизнь групп: приглашение в локальную социологию; Акийылдыз С. Рец. на: Вакан Л. Бурдье в городе: вызов теории урбанизма; Политическая и историческая социология. Донмен Ван. Рец. на: Манн М. О войнах; Хон Дзян Дж. Рец. на: Лэйн Д. Глобальный неолиберальный капитализм и него альтернативы: от социал-демократии до госкапитализмов; Альтамура К. Рец. на: Ваньке А. Жизнь городских рабочих в постсоветской России: вхождение в повседневную борьбу; Юэрань Чжан. Рец. на: Ень-Чунь Линь Ж. Искра в дымоходах: Экологическая организация пекинских коммун среднего класса; Миграция и бедность. Чакраборти Р.М. Рец. на: Датта А. Истории общностей иммигрантов индийцев в Германии: зачем переезжать? Дриша М. Рец. на: Масуми А. Беженцы (не)желательны: парадокс в Канаде; Ян Дзинсунь. Рец. на: Ратна А. Нация семьи и друзей? Культуры спорта и отдыха британских девушек и женщин из Азии; Джи Ви. Рец. на: Чунь-Вень, Ю Фейву. Изучение социальной работы по ликвидации бедности с концентрацией на коммуны; Раса и этничность. Эллиальти Кёзе Т. Рец. на: Менон А.В. Перекройка расы: как глобальная косметическая хирургия вводит новые стандарты красоты; Ванчень Дзю. Рец. на: Джорати Ю. Рабство и раса: дебаты философов 18-го века. Религия; Хашас М. Рец. на: Сари Ханафи. Изучение Ислама в арабском мире: разрыв между религией и социальными науками; Абдельразек-Альсьефи А. Рец. на: Маневаль Ш. (ред.). Вера ездит на трамвае. Нормы и объекты в религиозных и секулярных контекстах; Денный Д. Рец. на: Дхауади М. Проблемы идентичности жителей Магриба согласно третьей парадигме человеческого измерения. Образование; Сари Ханафи. Рец. на: Киван Д. Академические свободы и транснациональное производство знания.

CURRENT SOCIOLOGY

(2024)

№ 5. Специальный раздел: Невидимые привилегии в Азии. Катхиравелу Л., Дорайраджоо С. Введение. Катхиравелу Л., Дорайраджоо С. Поиск невидимых привиле-

гий в Азии: концептуальное путешествие и контекстуальное значение; Яп И. Расовые поселенческие паттерны в Сингапуре. Что происходит после установления расовых жилищных квот? Сен А. Выжившая сила привилегий для брахманов. Статьи. Узейр А. О влиянии расиализации на исследования: выводы из исследования радикализации мусульман в Норвегии; Бабер З. 'Класс и «Раса» – два полюса антинормы одной перманентной диалектики: расиализация, расизм и сопротивление в Японии; Эльсиоглу Э.Ф., Шамс Т. Брокераж иммигрантского национализма: компенсации, воссоединение семей и частная поддержка беженцев в неолиберальной Канаде; Лиллемэйе Э. и др. Как учитывать военнообязанных? Конвертация компетенций между гражданской и военной сферами неолиберальной Эстонии; Гай Р., Хомчински П. Полицейское насилие, коррумпированные копы и преодоление стигмы в андерклассе резидентов Мехико-Сити; Ень Ни Вон. ЛГБТ+ танцоры на балах и их обувь: становление моды в этой группе.

№ 6. Умер Я.; Малик Ш. Усложняя понятие политического: проверка выработки слабых как гендерного сопротивления; да Сильва Ф.К., Рогенхофер Ю.М. Может ли флаг колонии стать знаменем демократии? Кейс флага со львом и драконом в протестах в Гонконге 2019 г.; Престон К. Оправдание спорных социальных и политических претензий с использованием мирского языка: опыт анализа канадского правого экстремизма; Фиттанте Д. Мультикультурализм диаспор; Неринг Д., Рёкке А. Само-оптимизация: концептуальные, дискурсивные и исторические перспективы; Фарруджа Д. и др. Молодежь и потребление кредита; Авнун Н. Заменить, поглотить, обслужить: специалисты по данным о своей желаемой юрисдикции; Банк Фрийс К. Контролеры железнодорожных поездов используют проявления эмоций, симпатии и доминирования в управлении динамикой статуса при контактах с пассажирами; Салменниemi С., Йлестало Х. Бытовые утопии и социальное воспроизводство; Мусави Л., Альатас С.Ф. Интеллектуальная биография Саид Фарида Альатаса: гегемонистские ориентации, эпистемная деколонизация и Школа автономного знания; Ансон О. Подход черной феминистки к качественным методам антирасистских исследований: в память о наследии Белл Хукс.

№ 7. Специальный раздел: Бхамбра Г. Каста и ее воздействия на социологии неравенства; Йенгде С.М. Раса и каста в становлении социологии в США; Девиджи Ф. Комментарии к статье Йенгде С.М.; Дханда М. Раса и/или каста?; Холмвуд Дж. Раса, каста и колониализм; Каннабиран К., Пуркайяста Б. Каста, гендер, раса: вехи феминистского анти-кастового подхода. Статьи. Лавии Э. Значимы ли еще организации общественного сектора для снижения бедности? Личные ресурсы работников первой линии и центральная роль доверия; Гайбель М. и др. Нет, нет. Эту страну [вставьте название страны] не сделать вашим домом: перенос дискурса против беженцев из Австралии в Европу; Доршель Р. Реакция среднего класса на изменения климата: опыт анализа экологического габитуса технических работников; Даль Гоббо А. Устойчивость и политика тела в альтернативном потреблении пищи: воплощение материалистической альтернативы; Мишра П. и др. Средства для женского здоровья и квантификация репродуктивного тела в Индии: проблемы и заботы; Протасюк Э. и др. Сила образа: следы ткани власти в насилии интимного партнера как привычного акта; Каппельято В., Меркури Э. «Быть старым» и «чувствовать себя старым» в современной Италии: активное старение и COVID-19; Коррейя С., Казтано А. Что остается несказанным: пропуски в биографических нарративах.

AMERICAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2024)

№ 4. Смол М. и др. Избегать прочных уз; Даксбери С.У. Сотрудничество по вопросам мест заключения: Поляризация политической элиты и рост сетей федерального уголовного законодательства; Че Юнь Лим, Дингеман В. Действительны ли уроки гражд-

данственности? Религиозность и добровольчество на пути к взрослому возрасту; Нуссио Э. «Темная сторона» общественных уз: коллективное действие и суд Линча в Мехико; ван дер Вааль Х. и др. Успехи исследования стратификации измерением не декларируемого культурного капитала: национальное популяционное исследование, объединяющее данные IAT (имплицитный ассоциативный тест) и опросов; Явас М. Белые воротнички отпадают: как «хорошие рабочие места» подводят элитных работников.

- № 5.** Уинхем-Даудс К., Коуэн С. Оценка влияния универсальных переводов наличности на рождаемость; Бруэр А. Гибкая жесткая экономия: переговоры о неравных последствиях нехватки ресурсов в расовых организациях; Навон Д. Повторное производство фактов: объяснение трансформации и преемственности научных фактов; Нзтитатир Х.Н. и др. Влияние радио на насильственный конфликт: новые данные о Руанде; Руппель Э. Как труд становится невидимым: эрозия потолка заработка для рабочих инвалидов; Тайсон К. «В этой борьбе нет победы»: господство и классовые различия в реальном мире доверия среди черных семей.

AMERICAN JOURNAL OF SOCIOLOGY

(2024)

- № 2.** Тернульо С. Приверженности к месту: как в Америке место (вос-)производит привязанности сторонников; Вутен Т. Ловушки усилий: социально структурированные устремления и репродукция ущербности; Фасанг А.Е. и др. Жить в социальных государствах: курс жизни, накопление заработков и относительные стандарты жизни в пяти странах Европы; Годшот О. и др. Великий раздел: Сегрегация лиц с топовыми заработками на работе в передовых капиталистических экономиках; Вернон Т. Что нужно знать о прошлом социальной теории для выстраивания ее будущего?
- № 3.** Альшайби В. Анатомия смены режима: транснациональная политическая оппозиция и внутренние внешнеполитические элиты в формировании внешней политики США по отношению к Ираку; Криппер Г. Гендерные рыночные приемы: устойчивость гендерной дискриминации на страховых рынках; Лабранш Дж. Макро-микро интеракция в построении знания: структурная и коммуникативная память в Руанде и Сьерра-Леоне; Вашингтон С. Пересечь линию: Опыт квантитативной истории законодательства о расовом смешении в США, 1662–2000; Гиссельманн М. и др. Рост беженцев в Германии и исключаящие верования и поведения.

EUROPEAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2024)

- № 4.** Элер И. и др. Грязный воздух – удел иммигрантов в Германии: частично дело в урбанизме; Хаддад М. Влияние детей на пути мигрантов из французских заморских территорий в континентальную Францию; Лабюсьер М. Сроки получения гражданства и результаты обучения детей иммигрантов: подход с фиксированными эффектами семьи; Тянь Жань Лай и др. Разные пути: влияние исходного правового статуса на социально-экономический и гражданский исход нахождения иммигранта во Франции; Шмидт К. и др. Близость к месту нахождения беженцев не влияет на отношение местных к беженцам: немецкие данные; Каницар Г. Оставить байк не пристегнутым: дискриминация доверия в межэтнических контактах; Шор Ф., ван де Рийт. Расовая предвзятость в медийной рекламе: данные о структурной позиции и общественном интересе; Тутич А. и др. Двупроцессный подход к отношению между имплицитными установками и дискриминационным поведением; Кратц Ф. Освободительный эффект счастья? Влияние улучшения и ухудшения в разных измерениях субъективного благополучия на озабоченность иммиграцией; Жирнов А. и др. Прекарность и популизм: объяснение популистских взглядов и популистского голосования в Европе субъективной финансовой и трудовой неуверенностью; Сипма Т. и др. Партнер-популист: влияние качеств партнера на голосование популистов за крайне правых.

№ 5. *Шекели А.* Снижает ли информация межличностное насилие? Тюремные данные; *Хелльстранд Ю. и др.* Поле образования, экономическая неустойчивость и падение рождаемости в Финляндии за 2010–2019 гг.; *Рутильяно Р.* Важны ли дедушки и бабушки? Влияние регулярного ухода дедушек и бабушек за детьми на переход ко второму рождению; *Бальбо Н. и др.* Различия во времени, проводимом родителями с детьми: разница в гендере и образовании 1961–2021 гг. по 20 странам; *Чен Чен, Ю. Джи.* К расширенной теории ресурсов брачной силы: образование родителей и принятие решений в домохозяйстве сельского Китая; *Йин Чжу и др.* Нисходящая профмобильность и удовлетворенность работой: когда это не столь болезненно?; *Прехльс С., Вольбринг Т.* Укрытие от бури: помогают ли партнерства от бедности при безработице; *Янец К. и др.* Временная занятость и неравная оплата труда по ходу жизни; *Нойгебауэр М. и др.* Два года пандемии заметно снизили удовлетворенность жизнью молодых людей: данные сравнения с до-ковидными панельными результатами; *Мойлеман Р., Крайкамп Г.* Культурный капитал, сетевые ресурсы и продвижение по работе: панельное исследование межпоколенной конверсии культурных ресурсов; *Блэйн Р. и др.* Пути к просоциальному лидерству: онлайн-эксперимент с влияниями внешних субсидий и относительной ценности подарков; *Бильяри Ф. и др.* Ассимиляция нездорового сна.

KÖLNER ZEITSCHIFT FÜR SOZIOLOGIE UND SOZIALPSYCHOLOGY

(2024)

№ 2. *Вагнер М., Кёниг М., Кристен К.* От редакции; *Хаманн Ю.* Меритократия как проблема: оценки достижений в профессиональных процессах; *Лоис Д.* О развитии церковного членства в Германии – актуализированный анализ возраста и периодов по когортным омнибусным данным 1980–2021 гг.; *Садовски И. и др.* Перемены у поколений поляков в верованиях, связанных с трудом; *Лессених Ш.* Социология, на которой держится общество; *Нассехи А., Зааке И.* На поверхности и под ней; *Либих Ш.* Социологическое просвещение; *Мау Ш. и др.* «Да, но...»: понимать общественные конфликты; Библиография. Тематические обзоры литературы.

№ 3. *Шнеттлер С., Хюниник Й.* Введение к спецвыпуску: Демонстрация разнообразия биосоциальных и эволюционных подходов в социологии; *Тутич А.* Размышления об интеграции эволюционного анализа в социологическую теорию действия; *Джейкоб Э. и др.* Активная инференция и социальные субъекты: к нейро-био-социальной теории мозга и тел в их мирах; *Мариански А., Тернер Дж.* Подход к эволюционной социологии и его значение для теоретизирования социокультурной эволюции; *Бальдус Б.* Каково это – эволюционировать? Культурная эволюция как пережитый опыт; *Виндзю М.* Эволюция человеческой социальности. Категоризации, эмоции и дружба; *Роткирх А. и др.* Истории партнерских отношений формируют бонус счастья бабушки и дедушки; *Шнеттлер С.* Родительские инвестиции, статус и пол ребенка: некоторые доказательства гипотезы Триверса–Уилларда на основе опроса; *Байер Т. и др.* Влияния социального происхождения на результаты образования – новые данные современной генетической науки; и др.

BRITISH JOURNAL OF SOCIOLOGY

(2024)

№ 4. *Ян Ю. и др.* Повышение уровня социальной мобильности? Сравнение социальной и пространственной мобильности выпускников университетов разных округов Великобритании; *Штремме Т.Б., Виборг Х.* Социальное происхождение и уровень образования: уникальность значения образования родителей, класса и финансовых ресурсов во времени; *Адамс Т.Л.* Политика, специфика экологии и профессиональное регулирование: кейс Закона об управлении проблемой профессий в Британской Колумбии; *Брин Р., Инь Юн.* Региональные вариации межпоколенной социальной мобильности в Британии; *Док Вин Чань, Кавалерович Ю.* Социальные

различия и социальная сплоченность в Британии; Батлер Р., Винсент И. Как поддерживать межклассовые романтические отношения? Цан Э.И. То, что хорошо гусю, для гусыни еще лучше. Женщины как покупательницы коммерческого секса в Китае; Нурджий Ч. и др. Сигналы от высокостатусных политиков склоняют менее образованных граждан к поддержке антиправительственной агрессии. Опыт экспериментального видео-виньетного исследования; Пенн Э. Исследование нормативные рамки справедливости посредством (реляционного) институционального габитуса при поступлении в Оксфорд; Стопфорт С. и др. Тебе школа нравится? Социальный класс, гендер, этничность и удовольствие школьников от учебы; Тюркай С.Н. и др. Проверка факторов влияния установок турецких евреев на геноцид армян; Ха Аньнин. Картирование межличностных границ в современном Китае: сетевая структура гуанси и ее связь с влиянием традиционной культуры; Брансон Н. и др. Социально-экономические измерения расового неравенства в Южной Африке: модель социального пространства; Драгош С., Хьюсон Т. Продвижение расового либерализма в высшем образовании Британии: популистская конструкция «кризиса свободы слова».

SOCIOLOGICAL BULLETIN

(2024)

- № 3.** Чохан А. Конфликты, приграничные территории и вытеснение: устойчивое нарастание кризиса в северо-западной Индии; Чоудхури М. Культура и культурная политика в социологии Радхакамаля Мукерджи и в социологии Индии: текст в контексте; Равипати Н. Борьба индийских фермеров в 2020–2021 гг.: современные аграрные проблемы и вызовы марксистской политической экологии сельского хозяйства; Моханти Т. Печатные СМИ в Одише и их меняющиеся контуры; Мукерджи А., Кибрия Н. «Образование для всех сиблингов было одинаково важным»: семейные культуры мобильности, гендер и высшее образование в среднем классе Индии.
- № 4.** Спецвыпуск. Племена в Индии. Чандан Р.Х., Шарма К. Введение от редакторов. Ксакса В. Племенной средний класс в Индии; Неги П. Континуум племя-каста и Киннаур: аспекты аккультурации, стратификации и факторная разнородность; Лакра Б.Р. «Чайное племя» или «официальное племя»? Смешанная идентичность группы Адиваси в Ассаме; Лоренг Е., Хаокип Х. Соперничество идентичностей: кейс группы Сиди в Гуджарате; Хеббар Р., Пракаш С. Динамика племя-каста в Южной Индии; Дар Х.А., Вани З.А. Парадокс племенной интеграции в условиях сопротивления: кейс группы Бакарвалс в Джамму и Кашмире; Муммиди Т. Просо, смена культивации и группа Адивасис – взгляд с позиции культуры, политики и практик; Киндо Н. Земля, лес, Адивасис и становление новой границы ресурсов; Шарма Ч.К. Современный дискурс развития в Северо-восточной Индии и его воздействие на племенные общности; Тирки Н.Н. и др. Женщины Адивасис, священные рощи и религиозные практики: раскрытие эпистемной несправедливости в Восточно-центральной Индии; Виджанамай Р. Реконфигурация племени: изменения этнических связей на Северо-востоке Индии; Сайкья П. Самоопределение и интеграция: место переговоров и деревня Панбари.

JOURNAL OF CLASSICAL SOCIOLOGY

(2024)

- № 4.** Спецвыпуск: Социальные теоретики и Первая мировая война. Приглашенные редакторы: Б. Амини Б., Кемпле Т. Статьи. Б. Амини Б., Кемпле Т. Введение: социальные теоретики и первая мировая война; Харрингтон О. Зиммель о войне за национальный дух и космополитическую культуру; Марсель Ж.-К., Кемпле Т. Война Дюркгейма за цивилизацию; Брунс Х. Вебер как вовлеченный интеллект и социальный ученый на войне; Ленгер Ф. Война Зомбарта против распада культуры и капиталистического мира; Бонд Н. Теннис и напряженности между общностью и обществом во время Первой мировой войны; Уильямс Ч. Дюбуа и раны Первой ми-

ровой войны; *Хюбнер Д.* Мид об интернациональном настрое и войне за конец всех войн; *Камик Ч.* Четырехпартийный ответ Веблена на Первую мировую войну; *Кивиста П.* Парк о социальных науках и последствиях войны; *Фурнье М.* Мосс о Первой мировой войне, травме и поворотном пункте; *Лафонтен С.* Шютц о самоотчуждении и возвращении домой в воюющем мире; *Амини Б.* Диссидентство Грамши под покровом и за гранью Первой мировой; Рецензия на книгу. *Тернер Б.* Африканские процессы цивилизации Норберта Элиаса. О формировании ячеек выживания в Гане.

SOCIOLOGICAL THEORY

(2024)

- № 3.** *Пютц К.* Реляционный Дюркгейм: Номо Duplex как основание формальной культур-социологии; *Леммили Т.* Классовый опыт: мобильность через потребление, труд и взаимоотношения; *Юн Минву.* Проекты прав; Реляционная социология прав при глобализации.
- № 4.** *Ньюман С.* Четыре темпоральности: к типологии нарративных форм; *Аникер Ф. и др.* Матрица ИИ агентности: о проблеме демаркации в социальной теории; *Швирц Х.* Цифры миграции в социологии классиков Маркса, Вебера и Дюбуа; *Наваретте К.* Реартикуляция реализма: референтные цепочки и эпистемный успех в точных науках.

CHINESE JOURNAL OF SOCIOLOGY

(2024)

- № 4.** *Дю Ю.* Маргинал и предок-мигрант. Чин Чао Ву и Квентин Пэнь о миграции; *Чен Лю и др.* Изучая меритократию: западня в Китае: от «деления на верхний и нижний» к «предписанной пустыне»; *Ю Шен Дай.* Отставка технологиям в процессе трансформации сельского хозяйства; *Хайши Хи, Джями Хань.* От спальни на ферме до деревенской общности: кейс-стади управления трудом на принадлежащей китайцам каучуковой ферме в Лаосе; *Хуахю Чжу.* «Неестественный и отсталый строй»: Адам Смит об институциональной основе современной экономической трансформации; *Вей Сян.* Современный моральный порядок и его основа природы человека: значение моральной философии Шафтсбери для социальной теории; *Юсинь Чжан.* Социальное сплочение и его эволюция: историческая социология Марселя Гране; *Лейжень Цзян, Рон Сю.* Характеристики и механизмы формирования управления ответственностью за восприятие ухода среди мигрантов из сел в города.

Подготовил Н. ВИКТОРОВ

Коротко о книгах

Мягков А.Ю. Косвенные методы в сенситивных исследованиях (научная мысль). М.: Инфра-М, 2024. 245 с.

В монографии рассматриваются теоретические, методологические и методические проблемы получения искренних ответов респондентов в сенситивных опросах. На материалах зарубежных научных источников и проведенных автором экспериментальных исследований анализируются различные косвенные методы работы с сенситивными вопросами: модели RRT, нерандомизированные опросные техники, методика непарных чисел, номинативная техника, процедура bogus pipeline и др. Исследуются нормативное содержание этих методов, их организационные, технические и статистические особенности. Предлагаются некоторые рекомендации по повышению эффективности их полевого применения. Предназначена для научных работников, практикующих социологов, преподавателей, аспирантов и студентов социологических факультетов, направлений подготовки и специальностей.

Черныш М.Ф. Инструмент массового опроса: логика и практика конструирования. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. 304 с.

В монографии исследуется процесс создания инструмента массового опроса – от теоретического конструирования, разработки системы показателей и гипотез до формулировок вопросов и их тестирования в ходе пилотажа и претестинга. Создавая инструмент опроса, социолог решает целый ряд сложных задач разного уровня, каждая из которых побуждает к методологической и методической рефлексии. В этом процессе исследователь полагается на имеющееся у него систематическое знание о том, как влияют на получаемые результаты ограничения, относящиеся к той социальной среде, в которой проводится опрос, и сложившиеся в современной науке практики их преодоления. Монография адресована социологам, занятым проведением массовых опросов, но, кроме того, может представлять интерес для тех, кого интересует состояние современной общественной науки и возможные пути ее развития.

Одинцова О.В. Ориентиры формирования межэтнических и межконфессиональных отношений. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2024. 208 с.

В монографии исследуются методологические основы формирования и регулирования межэтнических и межконфессиональных отношений. Рассмотрены религиозные представления как основа межконфессиональных и межэтнических отношений. Обсуждаются особенности формирования межэтнических отношений в России. Монография адресована обучающимся высших учебных заведений, преподавателям, исследователям, работающим в области межэтнических и межконфессиональных отношений, сотрудникам государственных органов всех уровней, а также всем интересующимся национальной политикой, процессами формирования межэтнических и межконфессиональных отношений.

Российское общество и вызовы времени. Кн. седьмая / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2024. 352 с.

В издании на основе результатов социологического мониторинга дается характеристика состояния и динамики российского общества в постпандемический период и в условиях проведения специальной военной операции на Украине. Анализ социально-экономического положения и поведенческих практик россиян дополняется социологической диагностикой субъективного благополучия населения в разных сферах жизни, а социального капитала общества – оценкой изменений социально-психологических чувств наших сограждан. Особое внимание уделяется динамике смысловых установок и нормативно-ценностных систем на фоне конфронтации с Западом. Наряду с этим восприятие будущего – своего и страны в целом – анализируется в контексте исторической памяти россиян и их представлений о наиболее значимых событиях прошлого. Для социологов, политологов, философов, экономистов, историков, психологов, правоведов, а также студентов и аспирантов соответствующих специальностей.

Ефременко Д.В., Николаев В.Г. Мыслители города ветров. Прагматистская социальная наука в Чикаго в первой половине XX века. М.: ИНИОН РАН, 2024. 298 с.

20–30-е годы XX века в Чикагском университете ознаменовались стремительным взлетом социальных наук и формированием научных школ. Общей теоретической рамкой социальных исследований стал прагматизм, лидер которого Дж. Дьюи внес большой вклад в развитие научных и образовательных программ Чикагского университета. Монография посвящена анализу становления социологической и политологической школ, рассмотрению интеллектуального наследия и биографий их ключевых фигур – Дж.Г. Мида, Р.Э. Парка, Г. Блумера, Ч. Мерриама, Г. Лассуэлла и др. Для социологов, политологов, всех интересующихся историей социальных наук.

Консолидация городских сообществ в приграничных регионах России в условиях цифровой трансформации: социологический анализ / Отв. ред. В.П. Бабинцев. Белгород: ООО «Эпицентр», 2023. 240 с.

Целью данной коллективной монографии является осмысление реального состояния консолидации городских сообществ и ее перспектив в условиях цифровизации урбанизированной среды. Эмпирическую базу работы составили результаты исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды», проведенного в 2022 году, и включавшего анкетный опрос жителей городов Белгородской, Воронежской и Курской областей ($n = 1500$); экспертный опрос ($n = 50$), 6 фокусированных групповых интервью, участниками которых были представители различных статусных групп: предприниматели, пенсионеры, муниципальные служащие, молодежь, бюджетники и безработные.

Захаров Н.Л. Теория социальных регуляторов / Под науч. ред. М.Б. Перфильевой. М.: ИНФРА-М, 2024. 241 с.

В монографии раскрыто содержание понятия «социальные регуляторы». Показано отличие социологического подхода, исходящего из того, что социальное регулирование осуществляется осознанно. Рассмотрены две формы сознания – рациональное и аттрактивное. Доказывается также, что в российской социокультурной общности формируется аттрактивное мышление. Дана классификация социальных регуляторов.

Теория социальных регуляторов призвана объяснить, почему трудовые мотивы и в целом трудовая этика одной культуры неприменимы для другой.

Для специалистов, исследующих поведение индивида.

Социальная работа с лицами из групп риска, оказавшимися в трудной жизненной ситуации. М.: КноРус, 2024. 376 с.

Целью учебного пособия является вооружение студентов знаниями по важнейшим проблемам социальной работы с лицами из групп риска, оказавшимися в трудной жизненной ситуации. Раскрываются основные направления социальной работы с детьми группы риска, молодежью, пожилыми людьми, инвалидами, безработными гражданами, людьми без определенного места жительства, гражданами, подвергшимися насилию. Особое внимание уделено социальной помощи различным категориям семей (замещающей, многодетной, неполной и т.д.), особенностям социальной работы с военнослужащими, осужденными, мигрантами, гражданами с аддиктивным поведением. Характеризуется содержание социального патронажа лиц из групп риска. Соответствует ФГОС СПО последнего поколения. Для студентов среднего профессионального образования, обучающихся по специальности «Социальная работа».

Подготовила Э.К. БИЙЖАНОВА

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2024 году В ЖУРНАЛЕ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

К ЧИТАТЕЛЮ

Ключарев Г.А. № 1

Ключарев Г.А. СоцИсу – 50 лет: социология в поиске новых идей. № 7.

Тощенко Ж.Т. Листая страницы истории журнала. № 7.

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

Браславский Р.Г. Цивилизационный поворот и метатеоретическая реконфигурация современной социологии. № 4.

Го Дж. Мыслить против империи: антиколониальная мысль как социальная теория. № 1.

Данилова Е.Н. Трансформации западной социологии: мейнстрим и общественная повестка. № 2.

Дудина В.И. Социология встречается с эпидемиологией: исследования «социального заражения» в поисках теоретической основы. № 10.

Иванов Д.В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 1: Актуальность новой повестки. № 6. Часть 2: Теории и методы для дополненной социальной реальности. № 7.

Кравченко С.А. Контуры междисциплинарной концепции синергичных сложностей. № 2.

Романовский Н.В. Перемены в мировой и российской теоретической социологии. № 6.

Теоретическая социология: прошлое, настоящее, будущее (круглый стол). № 11.

Тощенко Ж.Т. Жизненный мир как базовое понятие социологии жизни. № 7.

Черныш М.Ф. Идеология против утопии: старые противоречия и новые конфликты в современных обществах. № 6.

Шмерлина И.А. Искусственная социальность в свете старых и новых теоретико-методологических подходов. № 1.

Шмерлина И.А. Соборность как (не)социологическая категория. № 4.

XXVI ХАРЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Дудина В.И. Социология встречается с эпидемиологией: исследования «социального заражения» в поисках теоретической основы. № 10.

Латыпов И.А., Даутова Т.Е. Социологические концепции времени в исследованиях жизненного пути. № 10.

Теоретическая социология: прошлое, настоящее, будущее (круглый стол). № 11.

НОВЫЕ ИДЕИ И ЯВЛЕНИЯ В СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Галиндабаева В.В., Карбаинов Н.И. «Экономика усыновления»: низовые бюрократы vs сельское общество. № 4.

Рязанова С.В. Пределы возможностей доктринальной идентификации религиозной группы – на примере двух религиозных сообществ в Прикамье. № 4.

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Капогузов Е.А., Пахалов А.М., Шерешева М.Ю. Российские дискурсы о технологическом суверенитете (по материалам экспертного опроса). № 12.

Кирдина-Чэндлер С.Г. Становление нового мирового порядка: вызовы для российского обществоведения. № 6.

Левашов В.К., Гребняк О.В. Экспансия искусственного интеллекта: ожидания и настроения граждан. № 12.

Мартыанов В.С. Расколдовывание западного мейнстрима. № 6.

Черныш М.Ф. Идеология против утопии: старые противоречия и новые конфликты в современных обществах. № 6.

К 50-летию СОЦИСА

Белова Ю.Ю., Задорин И.В. Становление новых практик заботы о здоровье: что (не)видит социология. № 7.

Данилов А.Н. Белорусские авторы на страницах журнала «Социологические исследования». № 8.

Демиденко С.Ю. Роль рецензирования в повышении качества научного знания (на примере журнала «Социологические исследования»). № 10.

Зборовский Г.Е. Проблемы образования на страницах журнала СоцИс. № 7.

Карлова Е.Н. Тренды развития военной социологии в России на основе публикаций в СоцИсе (2014–2023). № 7.

Коломиец В.П. Исследовательская проблема как ключевой аспект научных публикаций в социологическом журнале. № 3.

Образцов И.В., Половнев А.В. В поисках баланса: авторский состав журнала «Социологические исследования» (2014–2023). № 7.

Социология профессий: состояние и перспективы (круглый стол). № 8.

Суций С.Я. Русские ближнего зарубежья в фокусе российской социологии: эволюция исследовательских подходов и ракурсов (1990–2020-е гг.). № 7.

Темницкий А.Л., Бессокирная Г.П. Изменения в проблемно-предметном поле социологии труда в контексте вызовов времени (по публикациям в СоцИсе за 50 лет). № 7.

Титаренко Л.Г., Карапетян Р.В. Изменяющиеся ценности труда (по материалам российских и зарубежных публикаций). № 7.

Трофимова И.Н. Политика на страницах «Социологических исследований»: между идеологией и эпистемой. № 7.

Труд в изменяющемся мире: трансформации в трудовой сфере труда и фокус новых исследований (круглый стол). № 5.

К 150-летию Н.А. БЕРДЯЕВА

Малинкин А.Н. Н.А. Бердяев: штрихи к портрету социального философа. № 3.

К 100-летию С.А. КУГЕЛЯ

Личность, ученый, организатор (круглый стол о научном наследии С.А. Кугеля). № 12.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Кученкова А.В., Татарова Г.Г. Субъективное благополучие: проблема анализа качественной (не)однородности населения (часть 1). № 4. (часть 2). № 5.

Цзинь Цзюнькай, Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г. Методология сравнительного социологического исследования доверия (на примере России и Китая). № 4.

Шмерлина И.А. Соборность как (не)социологическая категория. № 4.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

Андреева Ю.В. Лукьянова Е.Л. Трудовые биографии российских рабочих: от трудового поиска до трудового дожития. № 8.

Анисимов Р.И. Динамика занятости в России (2018 – середина 2023 г.). № 1.

Бочаров В.Ю. Дифференциация трудовых отношений на современном наукоемком предприятии (опыт case-study). № 5.

Каравай А.В. Благополучная занятость в современной России: что это такое? № 5.

Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Динамика продолжительности рабочего времени в постсоветский период. № 5.

Коршунов И.А., Ширкова Н.Н., Сорокин П.С. Запрос работодателей на самостоятельность сотрудников: анализ открытых вакансий. № 1.

Темницкий А.Л., Бессокирная Г.П. Изменения в проблемно-предметном поле социологии труда в контексте вызовов времени (по публикациям в СоцИсе за 50 лет). № 7.

Титаренко Л.Г., Карапетян Р.В. Изменяющиеся ценности труда (по материалам российских и зарубежных публикаций). № 7.

Труд в изменяющемся мире: трансформации в трудовой сфере труда и фокус новых исследований (круглый стол). № 5.

Смелова А.А. Социальные исследования финансов как новый вектор для социологического изучения современного общества. № 8.

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ

Социология профессий: состояние и перспективы (круглый стол). № 8.

СОЦИОЛОГИЯ СЕЛА

Великий П.П. Фермерство – (не)укоренившаяся социальная группа: постановка проблемы. № 5.

ЭКОСОЦИОЛОГИЯ

Семенов А.В., Снарский Я.А., Ткачева Т.Ю. Динамика и кросс-региональная вариация экологической протестной активности россиян (2007–2021). № 2.

ДЕМОГРАФИЯ. МИГРАЦИЯ

Антонов А.И., Карпова В.М. Вариативность линий репродуктивного поведения и типов репродуктивного цикла. № 4.

Воронина Н.С. Динамика установок россиян по отношению к иммигрантам: результаты анализа данных Европейского социального исследования за 2006–2021 гг. № 8.

- Габдрахманова Г.Ф., Алос-и-Фонт Э. К вопросу о фиксации национальной принадлежности и владения языками во Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. № 1.
- Мокин К.С. Эволюция исследований миграции: от СССР к современной России. № 8.
- Мукомель В.И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда во время и после пандемии. № 12.
- Неустроева А.Б., Барашкова А.С. Внутрорегиональная миграция в Якутии: причины и стратегии поведения населения. № 1.
- Рязанцев С.В. Русскоязычная миграция в Латинскую Америку: новые тренды. № 4.
- Синельников А.Б. Связь миграционного поведения с брачным статусом и количеством детей в семье. № 4.
- Эндрюшко А.А. Образовательные и трудовые мигранты из постсоветских стран: адаптация в российском обществе и установки на интеграцию. № 12.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- Антипина О.Н., Кривицкая А.Д. Доверие как детерминанта субъективного благополучия в России. № 2.
- Борщевский Г.А. Традиционные российские ценности и социальные практики: опыт эмпирической проверки. № 3.
- Великий П.П. Фермерство – (не)укоренившаяся социальная группа: постановка проблемы. № 5.
- Елютина М.А., Уфимцева Е.И. Практики религиозного участия пожилых в контексте проекта позитивного старения. № 5.
- Зотова В.М., Зиновьев А.С. Субъективное благополучие и уровень жизни в Калининградской области. № 2.
- Киселев И.Ю., Михайлова Е.В., Смирнова А.Г. Ассоциативный образ «жизни на пенсии» vs активное долголетие (по материалам проективного опроса). № 5.
- Киселев И.Ю., Михайлова Е.В., Смирнова А.Г. Установки россиян на подготовку к выходу на пенсию: содержание и факторы формирования. № 2.
- Коленикова Н.Д. Субъективная стратификация российского общества: динамика и специфика. № 12.
- Крыштановская О.В., Лавров И.А. Вертикальная мобильность в российской политике. № 10.
- Латов Ю.В. Между футурошоком и футурозифорией (восприятие будущего в контексте идеологических предпочтений современных россиян). № 12.
- Латова Н.В. Удовлетворенность россиян разными аспектами жизни: десятилетний тренд на фоне социально-экономических кризисов. № 9.
- Мареева С.В. Неравенство в российском обществе в монетарном и немонетарном измерении: динамика последнего десятилетия. № 9.
- Назарбаева Е.А., Халина Н.В., Пишняк А.И. Хроническая бедность в России: опыт качественного исследования. № 11.
- Окольская Л.А. Эмоции россиян в 2014–2024 гг. № 9.
- Попов Е.В. Цифровые навыки в регионах России. № 6.
- Савин С.Д. Кризисно-стабилизационная динамика массового сознания российского общества. № 6.
- Сушко П.Е. Динамика представлений россиян о цивилизационном векторе развития страны (опыт эмпирического анализа). № 11.
- Тихонова Н.Е., Дудин И.В. Идентичности россиян как фактор консолидации российского общества. № 11.
- Цацура Е.А., Осаволук А.А. Распространенность опыта бездомности среди россиян (оценка на основе ретроспективного опроса). № 3.
- Швецова Е.А. Российские миллиардеры на международном фоне: особенности и динамика положения. № 10.
- Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская-Смирнова В.Н., Кононенко Р.В. Виды капиталов в поле «серебряного волонтерства». № 3.

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

- Васильева О.В. Социальное самочувствие якутов в контексте процессов урбанизации в Республике Саха (Якутия). № 1.
- Воронина Н.С. Динамика межэтнических установок россиян (по результатам исследований 1995–2023 гг.). № 1.
- Кузнецов И.М. Динамика изменения профиля российской идентичности в 2021–2023 гг. (на примере Республики Саха (Якутия)). № 9.
- Попков Ю.В. Антропологический поворот и вызовы для этносоциологии (приглашение к дискуссии). № 9.
- Рыжова С.В. Ценностные опоры российской идентичности в условиях внешних вызовов. № 9.
- Сущий С.Я. Русские ближнего зарубежья в фокусе российской социологии: эволюция исследовательских подходов и ракурсов (1990–2020-е гг.). № 7.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

- Белова Ю.Ю. Алкоголизм, угроза идентичности и миграционные намерения молодежи (по материалам экспедиции в Псковскую область). № 6.
- Крупец Я.Н., Епанова Ю.В. Молодые крафтовые предприниматели (ремесленники) Санкт-Петербурга о мерах государственной поддержки. № 10.
- Певная М.В., Тарасова А.Н. Предрасположенность молодежи к волонтерству: опыт построения типологии (на материалах регионального исследования). № 10.
- Смирнов В.А. Об эмоциональном состоянии молодежи новых российских регионов. № 11.
- Тесленко А.Н. Молодежная политика и работа с молодежью в Казахстане: официальная риторика и повседневные практики. № 10.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- Гошин М.Е., Сорокин П.С., Григорьев Д.С. Основные факторы агентности школьников: эмпирический анализ. № 3.
- Зборовский Г.Е. Потенциал развития научно-педагогических работников: социологический ракурс. № 3.
- Зборовский Г.Е. Проблемы образования на страницах журнала СоцИс. № 7.
- Лукина А.А., Мальцева В.А., Розенфельд Н.Я. Субъективная социальная мобильность выпускников вузов через призму их образовательных траекторий. № 1.
- Попов Д.С., Стрельникова А.В. Межпоколенческие различия навыков россиян в контексте динамики человеческого капитала. № 1.
- Тюрина И.О., Ключарев Г.А. Итоги проекта «5-100»: проекция на трудоустройство выпускников. № 9.
- Чередниченко Г.А. Инженерная подготовка в структуре высшей школы и профессионального выбора молодежи. № 9.

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

- Барсукова С.Ю. Финансовая рациональность vs традиции: о свадебных расходах городских семей среднего достатка в Казахстане. № 5.
- Безрукова О.А., Самойлова В.А. Отношения с отцом как фактор вовлеченности в отцовство молодых мужчин в многодетных семьях. № 11.
- Галиндабаева В.В., Карбаинов Н.И. «Экономика усыновления»: низовые бюрократы vs сельское общество. № 4.
- Гурко Т.А. Тенденции и социальные предпосылки одиночного проживания. № 5.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- Катерный И.В., Закиева Д.Э. Конструирование эзотерической реальности в таромантии: исторический и феноменологический аспекты. № 10.
- Сорокин П.С., Афанасьева И.А. Поля агентности в сфере искусства: акторы, среды проявления и факторы формирования. № 10.
- Шевченко И.О., Белецкая Т.В. Символический капитал места как констелляция социальных смыслов (на примере Калининградской области). № 10.

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

- Елютина М.А., Уфимцева Е.И. Практики религиозного участия пожилых в контексте проекта позитивного старения. № 5.
- Березина Н.В. Теория медиа и будущее Церкви. № 8.
- Рязанова С.В. Пределы возможностей доктринальной идентификации религиозной группы – на примере двух религиозных сообществ в Прикамье. № 4.

СОЦИОЛОГИЯ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

- Сюз Жаньжань, Лукин А.В., Бочарова А.П. Развитие стереотипа «боевой народ» о россиянах (дискурс- и контент-анализ китайских медиа и социальной сети «Вэйбо»). № 9.

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНЫ

- Белова Ю.Ю. Алкоголизм, угроза идентичности и миграционные намерения молодежи (по материалам экспедиции в Псковскую область). № 6.
- Белова Ю.Ю., Задорин И.В. Становление новых практик заботы о здоровье: что (не)видит социология. № 7.
- Лебедева-Несевря Н.А., Шарыпова С.Ю. Влияние пандемии COVID-19 на повседневные практики заботы о здоровье: (не)закрепление эффектов. № 6.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Балабанова Е.С., Данилова К.И. «Враждебное» поведение руководителя как социальный феномен: причины и стратегии преодоления. № 9.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Атанесян А.В., Аникин В.А. «Общество травмы»: восприятия, опасения и надежды в армянском обществе после войны в Карабахе. № 12.

Басаева Е.К., Каменецкий Е.С., Каграманян Д.Г. Связь протестной активности с уровнем напряженности в странах Юго-Восточной Азии. № 2.

Васильева О.В. Патриотизм как прагматичный и/или аффективный выбор (на материалах Республики Саха (Якутия)). № 8.

Габараева М.Р. Дискурс «деколониации» в антироссийских Telegram-каналах, ориентированных на Северный Кавказ (опыт контент-анализа). № 8.

Крыштановская О.В., Лавров И.А. Вертикальная мобильность в российской политике. № 10.

Латов Ю.В. Тренды изменения институционального доверия как социального капитала российского общества. № 11.

Левашов В.К. Граждане России о гибридной социально-политической реальности в стране. № 4.

Петухов Р.В. Институциональные изменения и динамика доверия местной власти в современной России. № 11.

Семенов А.В., Снарский Я.А., Ткачева Т.Ю. Динамика и кросс-региональная вариация экологической протестной активности россиян (2007–2021). № 2.

Трофимова И.Н. Политика на страницах «Социологических исследований»: между идеологией и эпистемой. № 7.

ВОЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Карлова Е.Н. Тренды развития военной социологии в России на основе публикаций в СоцИсе (2014–2023). № 7.

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Атанесян А.В., Аникин В.А. «Общество травмы»: восприятия, опасения и надежды в армянском обществе после войны в Карабахе. № 12.

Кирдина-Чэндлер С.Г. Становление нового мирового порядка: вызовы для российского обществоведения. № 6.

Кулешова Н.С., Ван Цзинань. Космическое пространство – как сфера геополитического взаимодействия КНР и РФ с другими государствами. № 12.

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА. ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Гилинский Я.И. Девиантология постмодерна: проблемы и перспективы. № 6.

Казберов П.Н. Социально-демографический портрет осужденных за терроризм. № 2.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

Демиденко С.Ю. Роль рецензирования в повышении качества научного знания (на примере журнала «Социологические исследования»). № 10.

Зборовский Г.Е. Социологическая теория в Уральском регионе: история и современность. № 2.

Исаев Д.П., Посухова О.Ю. «Я точно не буду заниматься научной работой...», или особенности трансмиссии статуса в научных династиях в России. № 10.

Карих Р.Д. Последствия развития открытой науки: риски усиления неравенства в глобальной научной коммуникации. № 10.

Коломиец В.П. Исследовательская проблема как ключевой аспект научных публикаций в социологическом журнале. № 3.

Мещерякова Н.Н. Наука и мистификация. № 11.

Носкова А.В., Голоухова Д.В., Кузьмина Е.И. Статусные позиции и научный капитал ученых в российской науке. № 2.

Образцов И.В., Половнев А.В. В поисках баланса: авторский состав журнала «Социологические исследования» (2014–2023). № 7.

Темницкий А.Л. Мотивация и проблема продуктивности научной деятельности российских ученых. № 3.

Чепуренко А.Ю., Чернышева М.В. Рынок академических текстов в России (по данным экспертного опроса). № 3.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Горшков М.К., Бараш Р.Э. Историческая память современных россиян (история России XX века сквозь призму семейных историй). № 9.

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Атанесян А.В. Политическая социология в Армении: становление и приоритетные направления. № 8.
Бурко В.А. Заводская социология в Прикамье. № 11.

Данилов А.Н. Белорусские авторы на страницах журнала «Социологические исследования». № 8.
Личность, ученый, организатор (круглый стол о научном наследии С.А Кугеля)
Ломоносова М.В., Буланова М.Б. В.М. Бехтерев и П.А. Сорокин: научный союз во имя социологии. № 3.
Малинкин А.Н. Н.А. Бердяев: штрихи к портрету социального философа. № 3.
Нефедов С.А. Уильям Уоллинг о положении русского крестьянства в начале XX века. № 11.

ДИСКУССИЯ. ПОЛЕМИКА

Давыдов Д.А. Невозможность социализма. Часть 1. Классовый калейдоскоп. № 1; Часть 2. Новый индивидуализм. № 2.
Карачаровский В.В. Референтные страны и шоки социетальной безопасности. № 12.
Мещерякова Н.Н. Наука и мистификация. № 11.

КАФЕДРА. КОНСУЛЬТАЦИИ

Ломоносова М.В., Буланова М.Б. В.М. Бехтерев и П.А. Сорокин: научный союз во имя социологии. № 3.

ИНТЕРВЬЮ

«Задача социологов – привносить порядок в хаос» (интервью с чл.-корр. РАН М.Ф. Чернышом). № 7.
«Методику мы можем преподавать только “от противного”» (интервью с Г.Г. Татаровой). № 11.
Прикладная социология: от практики через бизнес в теорию (интервью с Ф.Э. Шереги). № 11.
Жизнь в социальной теории (интервью со Стивеном Тернером). № 5.
«Социология обретает немалый успех по мере того, как осознает опыт полного провала» (последнее интервью Франко Ферраротти). № 12.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

Малинкин А.Н. Ценности: может ли их изучать наука? К истории и методологии вопроса. № 4.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Березина Н.В. Теория медиа и будущее Церкви. № 8.
Клупт М.А. Динамика идеалов в современной России: опыт системного анализа. № 1.
Подвойский Д.Г. Почему социальная жизнь объяснима, но непредсказуема, или как свобода рождает детерминизм? № 7.
Щелкин А.Г. Смена поколений: сущность и реальность (онтологическая точка зрения). № 2.
Щелкин А.Г. Социология: постмодернизм и онтология. № 6.
Яковенко А.В. Человек и общество сквозь призму искусственного интеллекта. № 3.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Григорьева Е.А. Апология утопии: о возвращении утопических построений в социологическое теоретизирование. № 4.
Спирина А.К. Социологические теории повседневности как инструмент исследования практик молчания. № 6.

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

Агафонова Д.Ю., Ромашкина Г.Ф. Социальный капитал: доверие и общественное участие (на примере населения Тюменской области). № 8.
Балакина Г.Ф., Натаск О.Д. Социальное самочувствие и адаптационные практики населения Тувы: гендерная дифференциация. № 8.
Жампетова А.О., Атай Ф., Алкан С.Я. О политических ценностях и предпочтениях студенческой молодежи Казахстана. № 4.
Жегусов Ю.И., Максимов Т.Х. Восприятие населением влияния изменений климата на условия жизни в холодном регионе (на примере Республики Саха (Якутия)). № 9.
Казберов П.Н. Социально-демографический портрет осужденных за терроризм. № 2.
Ли Мэнлун, Хань Муянь, Абдырахманова Хумай. Дискуссия о российско-украинском конфликте в интернет-пространстве Китая. № 2.

- Лушникова О.Л. Занятость в личном подсобном хозяйстве: этнорегиональные особенности (на примере Хакасии). № 4.
- Мальцева А.П., Губина В.В. Отношение молодежи к виртуальным технологиям в повседневной жизни (анализ фанфиков). № 10.
- Меренков А.В., Дровнева А.В. Политические ориентации современных школьников (на примере старшеклассников Свердловской области). № 11.
- Смирнов В.А. Об эмоциональном состоянии молодежи новых российских регионов. № 11.
- Тесленко А.Н. Молодежная политика и работа с молодежью в Казахстане: официальная риторика и повседневные практики. № 10.
- Чичина Е.А., Твардовская А.А., Веракса А.Н. Активное и пассивное экранное время детей 5–6 лет. № 9.

ЮБИЛЕИ

- Гилинскому Я.И. – 90 лет! № 6.
- Гилинский Я.И. Девиантология постмодерна: проблемы и перспективы. № 6.
- Иванову В.Н. – 90 лет! № 7.
- Кравченко С.А. – 75 лет! № 8.
- Кравченко С.А. Диагностика синергийно сложных рисков через призму генотипа культуры. № 8.
- Нарбуту Н.П. – 75 лет! № 2.
- Осипову Г.В. – 95 лет! № 6.
- Поздравляем Г.Г. Татарову. № 11.
- «Методику мы можем преподавать только “от противного”» (интервью с Г.Г. Татаровой). № 11.
- Поздравляем З.Т. Голенкову. № 9.
- Поздравляем О.В. Аксенову. № 9.
- Поздравляем О.В. Крыштановскую. № 11.
- Попкову Ю.В. – 70 лет! № 12.
- Попков Ю.В. Будущее не только в настоящем, но и в прошлом: еще раз о предмете этносоциологии. № 12.
- Чепуренко А.Ю. – 70 лет! № 9.
- Шереги Ф.Э. – 80 лет!
- Прикладная социология: от практики через бизнес в теорию (интервью с Ф.Э. Шереги). № 11.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Анисимов Р.И., Климова С.Г. Жизненный мир работников труда: предпочтения и институциональные возможности. № 5.
- Беляева Л.А. Социокультурная эволюция России и ее регионов. № 4.
- Бийжанова Э.К. Проблема аттестации научных кадров: универсальные правила и разнообразие сложностей. № 5.
- Васина О.В. Актуальные проблемы социологии: международный опыт. № 8.
- Волков Ю.Г. Молодежь российских регионов. № 1.
- Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И. Регулирование этносоциальных процессов в регионах России. № 11.
- Грabelных Т.И., Саблина Н.А. Новые векторы развития науки и высшего образования в XXI веке. № 3.
- Григорьева Е.А. Актуальные проблемы социологической теории. № 1.
- Демиденко С.Ю. Образование и профессиональная реализация. № 3.
- Ефлова М.Ю., Максимова О.А. Конгресс социально-политических исследователей тюркского мира. № 2.
- Жалсанова В.Г., Бадараев Д.Д. Встреча социологов на Байкале. № 11.
- Зырянов В.В. Докторские диссертации по социологии, успешно защищенные в 2023 г. № 9.
- Ивченкова М.С. Социальные изменения и стабильность в предметном поле социологии. № 1.
- Истомина О.Б. Социальные процессы в российском обществе: проблемы современности и перспективы. № 6.
- Карапетян Р.В. Труд, занятость, человеческий капитал: новые сложности и решения. № 5.
- Колосова Е.А. Интеллигенция и общественный договор. № 6.
- Левченко Н.В. Кадровые проблемы современного высшего образования. № 3.
- Ляликowa С.В., Назарова И.Б. Социальная динамика населения и человеческий потенциал (итоги конференции). № 8.
- Маклашова Е.Г., Попков Ю.В. Этносоциальные процессы в Сибири и на Дальнем Востоке. № 6.
- Неклюдова Н.П., Пышкинцева О.А. О XV Уральском демографическом форуме. № 12.
- Носкова А.В., Биккинина Д.Д. Изучая неравенства в сфере народонаселения. № 5.
- Образцов И.В. Социологическое образование в России. № 3.
- Осипова Н.Г., Каневский П.С. Классический университет перед вызовами современности. № 4.
- Пешкова В.М. О будущем евразийской миграционной системы. № 2.

Попков Ю.В. 55 лет сибирской этносоциологии. № 2.

Роговая А.В. Языковые, этнокультурные и религиозные процессы в российских регионах. № 11.

Роговая А.С. Россия и страны АТР: проблемы взаимодействия. № 2.

Романовский Н.В. Юбилейные XXV Харчевские чтения. № 1.

Ростовская Т.К. Многопоколенная семья как стратегический ресурс национальной безопасности России. № 5.

Смирнова А.И. Теория и практика изучения цифровых неравенств. № 1.

Снегур М.Р. Социология здоровья и спорта: опыт Евразии. № 2.

Суханова М.А. III Герценовские чтения. № 6.

Танатова Д.К., Хайруллина Н.Г. Социологические чтения РГСУ о проблемах российской семьи. № 6.

Танатова Д.К., Хаматханова М.А. О проблемах молодой семьи. № 8.

ТАСС уполномочен узнать (пресс-конференция по материалам 10-летнего социологического мониторинга). № 12.

Филоненко В.И., Магранов А.С. О социальном самочувствии студенчества современной России. № 1.

Широкалова Г.С. Особенности исследовательского проекта РОС-2024 «Семья и студенты». № 10.

Яковенко Н.В., Садыкова Х.Н. О работе III Демографического форума. № 8.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

Давыдов Д.А. В поисках нового среднего класса: Критический взгляд на концепцию общества сингулярностей А. Реквица. № 3.

Рой О.М. Феномен ресентимента: историческая аллюзия или суровая реальность? № 8.

Темницкий А.Л. Как научить студента-социолога квалифицированному анализу данных в программе SPSS? № 9.

Темницкий А.Л. Позволяет ли качество человеческого капитала российских профессионалов справляться с новыми вызовами? № 2.

Тощенко Ж.Т. Новая страница в истории отечественной социологии. № 6.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 4. Социология в трудах Николая Ивановича Кареева: Сборник к 170-летию Н.И. Кареева: По мат. конф. Герценовского университета / Отв. ред. А.В. Воронцов; науч. ред. С.Н. Малявин; ред.-сост. Г.А. Иоффе. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. Рец. Ю.В. Рахманова; Веселов Ю.В., Чернов Г.И. Санкт-Петербург: гастрономический портрет. СПб.: Реноме, 2020. Рец. В.В. Воронов

№ 5. Шубрт И., Подвойский Д.Г. Современные социологические теории: Как не заблудиться в концептуальном лабиринте? М.: ВЦИОМ, 2024. Рец. Н.В. Романовский; Ефременко Д.В., Николаев В.Г. Мыслители города ветров. Прагматистская социальная наука в Чикаго в первой половине XX века. М.: ИНИОН РАН, 2024. Рец. О.А. Симонова

№ 10. Институциональные, исторические и культурные рамки формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе / Под ред. В.А. Авксентьева, М.М. Шульги. Ростов на/Д.: ЮНЦ РАН, 2022. Рец. А.З. Адиев; Городские миры России и Китая: модернизация и ее влияние / Отв. ред. М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, П.М. Козырева, М.Ф. Черныш. М.: Новый Хронограф, 2023. Рец. Лю Чжицян

IN MEMORIAM

О.И. Карпухин № 11; Н.Л. Смакотина № 12; Д.Г. Ротман № 6; Л.Л. Рыбаковский № 6; Б.М. Фирсов № 2; В.Н. Ярская-Смирнова № 1–2.

ЖУРНАЛЬНЫЙ ГИД. № 3, № 6, № 9, № 12.

КОРОТКО О КНИГАХ. № 1–2, № 9, № 12.

СОЦИС: ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ. № 1.

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2024 No. 12

S.A. KUGEL CENTENARY

- 3 Personality, Scientist, Organizer (a round table on the S.A. Kugel scholarly heritage)

SOCIAL REALITIES: CHALLENGES OF THE TIME

- 13 LEVASHOV V.K., GREBANYAK O.V. Expansion of Artificial Intelligence:
Expectations and Attitudes of Citizens
- 24 KAPOGUZOV E.A., PAKHALOV A.M., SHERESHEVA M. Yu. Russian Discourses on Technological
Sovereignty (an expert survey evidence)

INTERVIEW

- 38 "Sociology Gains Considerable Success as it Realizes the Experience of Total Failure"
(last interview with Franco Ferrarotti)

DEMOGRAPHY. MIGRATIONS

- 44 MUKOMEL V.I. Central Asian Migrants at the Russian Labor Market During and After Pandemic
- 60 ENDRYUSHKO A.A. Educational and Labor Migrants from Post-Soviet Countries: Adaptation in
Russian Society and Integration Attitudes

SOCIAL POLICY. SOCIAL STRUCTURE

- 74 KOLENNIKOVA N.D. Subjective Stratification of Russian Society: Dynamics and Specifics
- 88 LATOV Yu.V. Russians Between Futuroshock and Futuroeuphoria (perception of the future
in the context of ideological preferences)

SOCIOLOGY OF INTERNATIONAL RELATIONS

- 102 ATANESYAN A.V., ANIKIN V.A. "Society of Trauma": Public Perceptions, Hopes and Fears
in the Armenian Society After the Karabakh War
- 115 WANG Jinhui, KULESHOVA N.S. Outer Space as a Sphere of Geopolitical Interaction between
China and Russia

ANNIVERSARY

- 125 POPKOV Yu.V. is 70!
- 126 POPKOV Yu.V. The Future is not Only in the Present but also in the Past:
Once Again about the Subject of Ethnosociology

DISCUSSION. POLEMICS

- 138 KARACHAROVSKIY V.V. Reference Societies and Societal Security Shocks in Russia

ACADEMIC EVENTS

- 150 TASS MUST KNOW (about the press conference based on the materials
of a 10-year sociological monitoring)
- 152 NEKLYUDOVA N.P., PYSHMINTSEVA O.A. About the XV Ural Demographic Forum

IN MEMORIAM

- 154 SMAKOTINA N.L.

JOURNALS' GUIDE

- 166 **BOOKS IN BRIEF**

- 168 **2024 Index**

- 176 **CONTENTS**

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)